

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Пирог из горького миндаля

Annotation

На фотографии – большая дружная семья. Симпатичные взрослые, милые дети. Величественный старик смотрит сурово и прямо. Среди них – убийца и жертва. Беззаботное лето в деревенском доме вдруг превращается в триллер, ближайшие родственники – в непримиримых врагов, а желание понравиться дедушке – в гонку на выживание. Семейный пирог невыносимо горчит. Сможет ли убийца стереть с себя страшное клеймо? Найдутся ли пропавшие драгоценности? Частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин берутся за дело пятнадцатилетней давности.

- [Елена Михалкова](#)

-

-

- [Часть 1](#)

- [Глава 1](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [Глава 2](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [Глава 3](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [Глава 4](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [Глава 5](#)

- [1](#)

- [Глава 6](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [Глава 7](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Глава 8](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Часть 2](#)
 - [Глава 9](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава 10](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава 11](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Глава 12](#)
 - [1](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава 13](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Глава 14](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [4](#)
 - [Глава 15](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [4](#)
 - [Глава 16](#)
 - [1](#)
 - [Глава 17](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Глава 18](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Елена Михалкова

Пирог из горького миндаля

© Михалкова Е., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Фотография не выцвела со временем. Даже как будто стала ярче, и сейчас, когда я держу ее в руках, меня не оставляет мысль, что часть наших жизней перетекла в нее и навсегда осталась на глянцевом листе. Фотограф был тот еще колдун.

Вот и он сам, в центре – смотрит в объектив с понимающей усмешкой. На официальных снимках его лицо дышит благородством, а собственная камера поймала хозяина таким, каким он был в ту минуту: злым, веселым, упивающимся своей игрой. Отчего он не пожелал прикидываться, как всегда?

У меня есть объяснение.

Возможно, в кои-то веки он на секунду приоткрыл свое настоящее лицо, потому что вокруг собрались одни притворщики. Его позабавила идея сыграть на контрасте.

А теперь смотрите внимательно.

На снимке нас двенадцать – дюжина лжецов. Мы сгрудились вокруг сидящего в кресле величественного старика: пятеро детей, шестеро взрослых – и он. Большая дружная семья! И заметьте, все улыбаются, кроме одной девочки. Она смотрит в камеру так, словно догадывается, что должно произойти.

Впрочем, это ни для кого не секрет. Я расскажу, что случится вскоре после щелчка затвора. Знаете, что вы видите на самом деле вместо большой дружной семьи?

Вы видите жертву, преступника и свидетелей.

Говорят, у каждой семьи есть свои скелеты в шкафу. Но открыв наш гардероб, вы обнаружите за дверцей небольшое ухоженное кладбище. Знаете, как это бывает – у одних в шкафах Нарния, а у других торчат кресты на погосте.

На снимке мы улыбаемся в камеру – все, кроме единственного испуганного ребенка.

Один из нас вскоре будет мертв. Тот, кто убьет его, стоит в шаге от будущей жертвы.

Обстоятельства, при которых произошло преступление, и его причины известны мне лучше, чем кому-либо другому.

Потому что убийца – это я, и это моя история.

Часть 1

Глава 1

2000 год

1

– У старухи черный дом! Она служит в черной комнате черную мессу! Таинственный Женькин шепот проникает в самое сердце, и внутри становится сладко до ужаса.

– Черная старуха идет по черной-черной улице. Она сжимает черный-черный нож! Она ищет черную кошку!

– Фигня!

Белокурая девочка потянулась и демонстративно зевнула.

– Фигня? – Рассказчица прищурилась и обернулась к другой слушательнице. – Тоже считаешь, что я вру?

По правде говоря, Тишка так и думала. Но когда тебе двенадцать, а твоей двоюродной сестре четырнадцать, спорить с ней осмелится лишь человек, который совсем-совсем не боится черной старухи.

– Изо-ольда! – шепчет Женька специальным голосом, от которого мурашки по коже. – Она родилась ведьмой в Польше сто сорок лет назад!

Каждое утро Изольда Андреевна Дарницкая проходит мимо их дома – сутулый стервятник, водрузивший на голову шляпу со страусиным пером. На скрюченных пальцах сияют перстни. Мочки пятнистых ушей оттянуты серьгами, сверкающими как мартовские сосульки. Иногда на шляпу цепляется ажурный зонтик от солнца: Изольда утверждает, что так меньше портится кожа.

Вокруг ее ног шуршит юбка из черной тафты, на плечах серебрится шаль с люрексом. Изольда наносит визиты знакомым.

Старуха напоминала бы городскую сумасшедшую, если б не ее манера разговаривать, высокомерная до такой степени, что собеседник невольно ощущал себя глупцом. Изольда не общалась – она снисходила. Не здоровалась – награждала своим вниманием.

– Я ведь певица, – хрипло говорит Изольда Тишкиной бабушке и выпускает дым из пунцовых губ. – У нас с Всевышним особые отношения. Мы – божьи дудочки. Господни тростники, через которые в мир льется его мелодия.

Все-таки она была совершенно чокнутой.

И как утверждали в поселке – невероятно, сказочно богатой.

Врали, разумеется. Откуда взяться сказочному богатству у бывшей исполнительницы романсов, давно потерявшей голос. Но все эти перстни, духи, шелестящие платья, огромный таинственный дом, в который никому не было доступа, кроме ее единственного сына – позднего болезненного ребенка, красивого какой-то ущербной красотой... Все это порождало слухи. Безумные, как и сама Изольда Дарницкая.

– У нее дома алтарь, – говорит Женька, – перед алтарем ковер, в ковре живут мертвые пчелы. Они делают мертвый мед. Она обмазывает им губы и кого поцелует, тот сам придет к ней ночью и останется навсегда.

– Зачем ей люди? – Вероника села на траву и обхватила колени тонкими белыми руками.

– Лучше тебе не знать. В полнолуние к ней является черный лекарь и приносит синеглазую жабу. Ее кожа обжигает! Дотронешься голыми руками, будут волдыри.

Тишка вспомнила, что старуху и впрямь часто видели в кружевных перчатках. Она вопросительно взглянула на Веронику, ожидая, не последует ли опровержения. Но та молчала.

– В ночь с четверга на пятницу у жабы вспучивает брюхо и ее тошнит драгоценным кольцом. Или серьгой!

Тишка от восторга затаила дыхание. Последовательница Джеральда Даррелла, она многое отдала бы за то, чтобы увидеть это уникальное земноводное.

– А охраняют жабу кошки с рыбьими глазами. Если они оцарапают человека, у него в горле вырастут водоросли, и он умрет!

– Завралась, – констатировала Вероника. Вытащила из кармана расческу и принялась водить по своим дивным волосам.

Женька сощурилась:

– Легко проверить!

– Как это?

– Пошли со мной к Изольде!

Вероника пожала плечами:

– Она тебя не пустит. Она никого не пускает.

– А я не спрошу!

Повисло молчание.

Тишка первая сообразила, что предлагает старшая из сестер.

– Ты хочешь... хочешь залезть к ней? Как вор?

– Как археолог! – поправила Женька. – Изольда уже давно ходячий труп. Значит, ее дом – это гробница!

Вероника даже расчесываться перестала.
– Совсем больная!
Старшая сестра не удостоила ее ответом.
– Пойдешь со мной?
Прямой твердый взгляд устремлен на Тишку. Девочка почувствовала, что сердце стукнуло где-то в желудке.
– Ты не залезешь! – вмешалась Вероника. – Она всегда запирает окна!
Женькина улыбка стала шире:
– Все, кроме чердачного!
Девочка замолчала.
– На заднем дворе растет старая черемуха, – жарко зашептала Женя, склонившись к Тишке. – Можно пробраться по ветке до окна. Она выдержит!
– Откуда знаешь? – тоже шепотом крикнула Вероника.
– Уже пробовала. Окно Изольда всегда держит открытым. Она не боится воров. Но мы же не воры!
«Мы не воры!» – повторила про себя Тишка.
– Старуха уходит в гости ровно в одиннадцать. Почему?
– Почему? – замороженно повторила Тишка.
– Потому что в десять тридцать заканчивается радиопередача «Золотой век романса». Полчаса старуха собирается, затем выходит из дома. Помните про чердачное окно? Оно открыто. Изольда возвращается через пару часов, но иногда гуляет и дольше.
Женька шептала очень быстро. Тишку поразила ее осведомленность.
– Мы дождемся одиннадцати, заберем в дом, распугаем кошек и найдем волшебную жабу, – уверенно закончила Женя.
– Брать ничего не станем, только посмотрим, – неожиданно для себя сказала Тишка.
И лишь поймав испуганный взгляд Вероники, поняла, на что она согласилась.

2

«Завтра выдвигаемся», – сказала Женя после ужина.
И это по-военному четкое «выдвигаемся» прозвучало так веско, что Тишка даже спину выпрямила. Есть, мой генерал!
С одной стороны, интересно – ужас как! Они попадут в логово ведьмы!

С другой, страшно до того, что дух захватывает. Как в парке на американских горках, когда твой вагончик притормаживает перед бездной. В этот миг всегда хочется отменить уже случившееся. Но поздно: несешься вниз, вопя от восторга и страха.

Так и с Женькой. Тишка прикинула, не сказаться ли наутро больной. Но стоило ей вообразить презрительно изогнувшиеся Женькины губы, ее надменное молчание...

В глубине души Тишка понимала, что в дедовом доме она чужак. Со стороны могло показаться, что здесь живет пятеро детей. Но внутри царила безжалостная арифметика, разбивавшая пять на три и два. Двое «странненьких» – Тишка и Лелик. И трое прекрасных, здоровых, качественных подростков – Вероника, Пашка и, разумеется, Женя.

Женька выбрала для своей авантюры не кого-нибудь, а Тишку. И это было не просто предложение, а мостик, перекинутый над пропастью, разделявшей неудачников и счастливых.

Не то чтобы Тишке очень хотелось присоединиться к этой компании. Но для ее мамы это почему-то было важно. Тишка смутно угадывала, что не оправдывает ожиданий. Поход к Изольде должен все изменить.

С утра набежали облака, быстро стемнело и в воздухе запахло близким дождем. Стрелка барометра качнулась к осадкам.

– Идем быстрее, – шепнула Женька после завтрака. – Вдруг Изольда раньше вернется!

Их никто не остановил. Вероника валялась на кровати в наушниках, Пашка после завтрака исчез. Про Лелика и говорить нечего. «Сидит в своей комнате, птичек рисует», – подумала Тишка. На миг ее охватило острое чувство зависти. Лелику не нужно никому ничего доказывать. Но она представила жабу, выталкивающую из пасти сияющее кольцо с изумрудом, и кинулась следом за Женькой.

К дому Изольды подошли как ни в чем не бывало, словно прогуливаясь. Тишке показалось, что вокруг полно невидимых любопытных глаз. Ощущение было таким явственным, что мурашки побежали по коже.

– Обойдем забор, как будто мы к Прокофьевым, – спокойно сказала Женя. – А там срежем путь.

Девочки свернули в проулок. Прокофьевы, соседи Изольды, приезжали только на выходные. Некому поймать за руку двух подростков, шныряющих по чужим садам.

Они перемахнули через калитку, пробежали между вишен и низкорослых раскидистых слив с побеленными стволами. На дощатый

забор влезли без труда и, балансируя, шли друг за дружкой, пока не уперлись в старую черемуху. Тишка была так поглощена тем, чтобы не отступить, что почти забыла о цели их путешествия.

Вспомнила лишь тогда, когда Женька шикнула на нее:

– Тихо!

В переулке кто-то показался.

Девочка юркнула вверх по веткам. Ей послышался невдалеке приглушенный свист, словно ветер командовал сквознякам готовиться к нападению. Но тут же все стихло.

Едва прохожий скрылся, Женька перебралась повыше и уселась рядом с Тишкой.

– Окно видишь?

Ветка действительно тянулась к чердачному окну, и теперь Тишка поняла, отчего Изольда не закрывает его. Во-первых, ветка хлипкая. Во-вторых, окошко маленькое, взрослому человеку и не протиснуться.

– Давай! – скомандовала Женька. – Заберешься туда. Ты легкая. А потом откроешь мне заднюю дверь.

Тишка уставилась на нее во все глаза. Но ведь план был не такой!

– Чего тарацишься? – прошипела Женя. – Вперед! Старуха через полчаса вернется!

И с такой силой подтолкнула Тишку, что та едва не слетела вниз.

Девочка вцепилась в ветку, перекинувшуюся от дерева до окна. И полезла как обезьянка, отчаянно сожалея, что у нее нет хвоста.

Ветка качалась и пружинила, так что Тишка старалась не дышать. Больше всего она боялась услышать хруст. Крыша все ближе, ближе... Наконец Тишка спрыгнула на шиферный скат и вцепилась вспотевшими ладонями в оконную раму.

Обернулась. Женькино лицо белело среди ветвей. Тишка только теперь сообразила, что освобожденная от ее тяжести ветка снова приподнялась над крышей и вернуться тем же путем не получится.

Она подтянулась, протиснулась через узкую раму и чуть не нырнула вниз головой. В последний момент успела выставить руки и приземлилась на дощатый пол, покрытый грязью и шерстью. «Кошки с рыбьими глазами!»

Когда она выглянула наружу, Женька уже исчезла.

Девочке было так страшно, что она кубарем слетела с чердачной лестницы, пробежала по темному коридору, изо всех сил стараясь не увидеть чего-нибудь лишнего, и с размаху ударилась в дверь. С засовами Тишка разобралась за две секунды. Дверь распахнулась, и Женька

ввалилась внутрь.

Девочки захлопнули ее за Женькой и навалились спинами, словно ужас поджидал их снаружи, а не внутри. Несколько секунд стояли, тяжело дыша, затем переглянулись.

– Пойдем, – одними губами сказала Женька.

Справа тускло светлел прямоугольник открытого прохода, мимо которого Тишка промчалась, не заметив его. В воздухе стоял густой непонятный запах, в котором смешались дурман старинных парфюмов, вонь кошачьей мочи, пыль, кисловатый привкус забродившего компота и что-то еще, чему Тишка не находила названия. Дом деда казался ей огромным, но этот превосходил его: он был словно лабиринт, темный, запущенный, напоминающий парк развлечений, который долгие годы простоял заброшенным.

Коридоры, зеркала, портреты... Со стен на них смотрела Изольда: молодая, с дерзкой улыбкой, с гитарой в руках. От запаха у Тишки закружилась голова. Ей хотелось выйти на свет, и она свернула в первую же открытую дверь. Женька шагнула за ней.

Под ноги им бросился мохнатый комок. Женька отшатнулась и издала странный вскрик. Тишка невероятным усилием сдержала крик ужаса. Комок обернулся кошкой, вполне живой и самой обыкновенной: серой в белую полоску.

– Господи, – Женька схватилась за сердце. – Я едва не умерла.

Тишка промолчала. Ей казалось, что она как раз умерла. На целых три секунды. Кошка пробежала мимо них, вспрыгнула на кресло.

– Смотри! – Женька толкнула девочку под локоть.

На комод у зашторенного окна желтело облезлое чучело лисы. Стеклянные глаза глупо смотрели в никуда. На шее у лисы болтались бусы, одно ухо было по-собачьи подвернуто внутрь.

– Сама Изольда мастерила! – таинственно зашептала Женька на ухо Тишке. – Убила лису и набила. Где-то в подвале наверняка и чучело человека спрятано!

Но Тишке больше не было страшно. Кажется, весь запас испуга она израсходовала на кошку. «И жабы никакой здесь нет, – вдруг поняла она. – Женька все это выдумала».

Портьера шевельнулась. Но на этот раз девочки были готовы, и когда оттуда вышла вторая кошка, копия первой, они даже не вздрогнули.

– Судя по вони, их здесь не меньше дюжины, – уже обычным тихим голосом сказала Женя. – А Изольда никогда не рассказывала...

Просторная комната, в которой они оказались, была беспорядочно

заполнена мебелью и больше напоминала склад старинных вещей. Здесь были разномастные кресла на гнутых ножках, плетеные короба, трельяж с потемневшими зеркалами, узенькие шкафчики с дверцами из кусочков цветного стекла, прильнувшие друг к другу, точно сиамские близнецы. Тишка поймала себя на том, что ей здесь нравится. Если бы не запах, от которого горло забивает ватной пробкой...

– Пошли, – скомандовала Женька. – Надо осмотреться!

Тишка отрицательно качнула головой.

– Ты чего?

– Не пойду. Хочешь – сама осматривайся.

Несколько секунд Женька испытующе смотрела на нее. Тишка прямо встретила жесткий взгляд.

– Ну и пожалуйста. – Женя пожала плечами. – Сиди тут, если тебе не хочется посмотреть на жабу!

Тишке было до того противно вспоминать, как она купилась на выдумку для малышей, что она даже спорить не стала.

– Последний шанс! – предупредила Женька.

Девочка молча отвернулась.

Женька скрылась в коридоре, и шаги ее стихли, едва она перешагнула порог, словно сумрак съел все звуки. Тишка осталась одна.

Она провела рукой по гладкой прохладной поверхности комода, но до лисы дотронуться побоялась, хотя очень хотелось. Янтарные бусы покачивались, глубоко в каждой бусине пряталось спящее солнце. Поднеси золотистые шарики к свету, и оно проснется. Но нельзя, нельзя. Чужое.

А вот кошку Тишка погладила без опаски, хоть она тоже была чужой. Но кошки никому полностью не принадлежат, их может потрогать любой, кому они согласны подставить пушистые спины.

Интересно, что делает Женя?

Тишка еще походила по комнате, почесала кошку за ухом, но чувство тревоги нарастало как снежный ком. Она ощущала, что дольше оставаться в этой комнате нельзя. Запах давил на нее, в трельяжных зеркалах, казалось, просыпается и всплывает на поверхность густая подводная муть. «Это просто за окном темнеет, – сказала себе Тишка. – Будет дождь».

Но если будет дождь, значит, Изольда скоро вернется домой.

Пора уходить!

Бросив прощальный взгляд на лису – чучело беспокоило девочку, как будто от него можно было ожидать плохого, – Тишка крадучись вышла из комнаты и сразу наткнулась на Женьку. Та стояла, рассеянно покачиваясь с пятки на носок. Губы кривились в странной болезненной улыбке.

Увидев Тишку, Женя враз сбросила оцепенение.

– Я в спальню заглянула. Между прочим, знаешь, сколько тут еще комнат! Мы с тобой...

Договорить ей не удалось. Послышался негромкий вскрик, топот, и из-за угла, к ужасу девочек, выбежала Изольда.

Старуха была страшна. На белом как скорлупа лице морщины выделялись так явственно, словно их прорезали ножом. Выпученные глаза, всклокоченные волосы – Изольда напоминала оживший труп. И этот труп приближался.

Тишка покачнулась. Женька уже бежала прочь, а она стояла, не в силах отвести взгляда от жуткой фигуры.

– А-а-а! – откуда-то из живота выкрикнула Изольда. – А-а-а!

Казалось, еще одно усилие – и лицо ее осыплется, точно штукатурка.

В ушах Тишки ударил колокол. Звук набрал силу и перешел в гул, осевший в висках. Оцепенев, она смотрела, как за спиной Изольды вырастает вторая фигура: темный демон без лица, тролль, выбравшийся из подвала и преследующий свою тюремщицу. Стены сдвинулись и снова разошлись, старуха выросла, как гора, клацнули гигантские вставные зубы, и она обрушилась на Тишку, выставив вперед костлявые черные руки. Девочка последним краешком ускользящего сознания успела подумать, что ее накроет земляной лавиной, погребет навсегда под рассыпавшимся Изольдиным телом, и никто никогда не найдет ее. Значит, все правда – и про жабу, и про кошек, а те, живые, были и не кошки вовсе, а обманка...

– ...Дура!

В неумолчный шум вдруг ворвался хлесткий Женькин голос. Тишку изо всех сил дернули за руку, потащили куда-то к свету, прочь от нависающей мертвой плоти, на воздух, к ветру, к шелесту листьев и лаю собак.

Сзади донесся сдавленный стон, что-то рухнуло, застучало, и Тишке представилось, как катится по коридору отрубленная троллем голова ведьмы. Дверь за ее спиной захлопнулась. Они стремительно сбежали по ступенькам крыльца и рванули к калитке. В зарослях у забора ей померещилось изумленное лицо Пашки. Тишка уже не соображала, где реальность, а где призраки, творимые ее воображением, и могла только мчаться, увлекаемая Женькой, все дальше и дальше от страшного дома.

Глава 2

*Июнь 2000 года
за две недели до описываемых событий*

1

Всю дорогу мать молчала. И пока тряслись в электричке, и пока брели вдоль заборов, из-за которых свешивались ветки яблонь. Девочка хотела спросить, далеко ли им еще, но взглянула искоса на маму и сдержалась. Какая разница! Так хорошо идти вдвоем, и ветер такой теплый, и птицы поют, и не слышно голосов, словно никто не живет в окрестных садах, кроме соловьев и ласточек.

– Тихо как, – сказала мать.

– Да, здорово! – с энтузиазмом отозвалась Тишка.

Мама как-то странно взглянула на нее и, помедлив, кивнула:

– Точно. Здорово.

Они остановились.

На другой стороне улицы за переплетениями ветвей, за узловатыми стволами, за растушеванной зеленью листвы, пронизанной лучами, угадывался огромный дом. Тишка прищурилась, и ей показалось, что перед ними не сад, а толща морской воды, и дом покачивается на дне ее, словно затонувший корабль. Долговязая антенна обломком мачты торчала из крыши.

Они стояли, не двигаясь, одни на совершенно пустой улице, словно готовясь набрать воздух перед тем, как нырнуть и уйти в хрустальную зеленую глубину.

Мать внезапно отступила на шаг. Пальцы с силой сжали Тишкино плечо.

– Знаешь что, – очень решительным голосом начала она. – Мы сейчас вернемся на станцию, и гори оно все синим...

Хлопнула дверь. Тишка видела, как на крыльце возникла женская фигура.

– Мам, там кто-то есть!

Крепкая хватка пальцев ослабла. Пару секунд мать опиралась на Тишку, словно невыносимо устала с дороги. Затем сняла руку, выпрямилась и сказала в своей обычной суховатой манере:

– Это бабушка Раиса. Не забудь поздороваться, очень тебя прошу.

Тишка любила все новое, а уж новые родственники – это целое приключение. Когда выяснилось, что у нее есть дедушка с бабушкой, пусть и не родные, а двоюродные, а также несколько штук кузин и кузенов, она почувствовала себя так, словно ей преподнесли новую семью в нарядной коробочке, перевязанной лентой. «Они мои дядя с тетей, – сдержанно отвечала на хлынувшие вопросы мать. – Мы очень давно не виделись».

2

Бабушка Раиса походила на крупного одутловатого мотылька, который давно позабыл, как летать. Глубоко в ее глазах пряталось чувство тихого недоумения: зачем же я хожу по земле, когда должен делать что-то иное?

Но шла она легко-легко, словно зависая над тропинкой, и так же легко прижала к себе Тишку большими влажными руками.

– Милые мои! Приехали!

Тишка уткнулась носом в бабушкин халат. Господи, как от него сказочно пахло! Наверное, такой запах стоит на кондитерской фабрике по производству лучших в мире лакомств для детей.

– Есть чай и свежая шарлотка.

– Рая, ты не меняешься, – засмеялась мать.

– Я хочу пирог, – пискнула Тишка.

Раиса взяла внучку за руку и не удержалась:

– Яночка, какая ж ты тоненькая! Тебя мама кормит?

Сзади обреченно вздохнула мать. Рано или поздно все задавались вопросом, дают ли бедной крошечке вдоволь еды.

Тишка подняла на бабушку глаза и исполнила любимый, многократно отработанный номер: медленно качнула головой и закусила губу.

– Меня держат в чулане, – страдальчески шепнула она. – Я голодаю. Но ни одна сова не прилетит за мной, и ни одна кошка не пройдет по Тисовой улице, и Дамблдор никогда, никогда не узнает о моем существовании...

У бабушки вытянулось лицо.

– Янина!

Плохо дело. Мать обращалась к ее полному имени с такой интонацией, словно вызывала демонов ада: торжественно и яростно.

– Кто это у нас тут Янина?

Все трое обернулись. Размашисто, крепко впечатывая себя в землю

при каждом шаге, к ним шел седобородый мужчина в длинной рубахе и штанах, собранных гармошкой над сапогами.

Тишка бросила взгляд на бабушку и поразилась выражению заячьей робости, преобразившему ее лицо.

– Ну здравствуй, Прохор, – сказала мать, неловко улыбнувшись, и пошла старику навстречу.

Они обнялись, и дед отстранил мать, крепко держа за плечи.

– Мудака-то своего выгнала, я слышал? – хриловато спросил он.

Мать что-то шепнула и коротко кивнула в сторону дочери. А дед уже возвышался над Тишкой, и пахло от него тинной и крепким куревом.

– Ба! Девка уже взрослая! Сколько тебе, девка?

– Д-двенадцать, – пробормотала Тишка.

– Недокормыш! – пригвоздил дед.

Поглядел на маму, на бабушку Раю и вдруг захохотал, запрокидывая голову и звучно хлопая себя по ляжке:

– Эх и морды у вас, бабье! Селедки на привозе, ну!

Тишке снизу было видно, что борода его похожа на мох, которым затыкают стены – седая, клочковатая, грубая. И лицо тоже грубое, значительное.

– Сейчас чаевничать идем, – словно оправдываясь, сказала бабушка.

И зачастую мелко-мелко в сторону дома, словно ноги у нее были связаны.

Тишку с силой хлопнули по плечу:

– Чего встала? Шагай в дом.

Дед смотрел на нее сверху, улыбался, но взгляд был внимательный и такой, словно Прохор чего-то ждет.

Под этим взглядом Тишке стало не по себе. Она вцепилась в мамину руку.

– Еще на сиське повисни! – прикрикнул дед. – Давай сама иди, никуда мамаша твоя не денется.

Девочка крепче сжала пальцы, но мать уже тянула руку, высвобождала ладонь из сильной хватки дочери, и Тишка непонимающе взглянула на нее. Держаться нельзя? Почему?

– Юрка уже здесь? – Мать пошла к дому, словно забыв про нее, оставив девочку одну осмысливать это мимолетное предательство.

– Три дня как ошивается. Пацана своего привез.

– А Веня?

– Все здесь, и Людка, и девки ее.

В доме пахло пирогами, на шторах цвели избыточно красивые розы, в

старой горке тускло и многообещающе сверкали бокалы. Тишка привыкла, что едят на кухне, но их с матерью провели в столовую, где целую стену занимал необъятный старинный буфет, черный и торжественный, будто гроб. По обеим сторонам от него были развешаны блюда с хохломской росписью, каждое размером с ледянку.

– Поклонники дарят, – кивнул дед, заметив взгляд девочки. – Что, красиво?

Тишка немного подумала. Ей не была чужда деликатность, поэтому она сформулировала так:

– Нарядно.

Проход широко ухмыльнулся.

– Нарядно, значит! Ай молодец!

Тишка не поняла, за что ее похвалили. Бабушка поставила перед ней блюдце с пирогом, придвинула сказочной красоты белоснежную сахарницу с фигуркой снегиря на крышке:

– Кушай, Яночка! Тебе нужно больше есть!

– Не мельтеши! – одернул дед.

И затеял с матерью какой-то непонятный разговор, который Тишка, поглощенная яблочным пирогом, очень быстро перестала слушать.

Бабушка Рая опустила на край стула, большие влажные руки положила перед собой. Но то и дело вздрагивала и едва заметно склоняла голову, точно ожидая одного ей слышного сигнала к действию.

– Венька с женой неделю назад прибыли, – размеренно говорил дед. – Пашку своего привезли. Дельный пацан...

– Салфетки! – встрепенулась Раиса, перебив мужа.

Тот зыркнул так люто из-под косматых бровей, что Тишка чуть пирогом не подавилась. Бабушка Рая выдвинула один ящик, второй...

Пронзительный визг сотряс комнату.

Мать вскочила, но любопытная Тишка уже стояла рядом с бабушкой и заглядывала в ящик.

Из комода на нее смотрела усатая серая мордочка с двумя бусинками глаз. Настоящими бусинками, пластиковыми, утопленными в сером ворсистом плюше.

За приоткрытой дверью мелькнула чья-то тень, и чутким ухом Тишка расслышала быстрые удаляющиеся шаги. Кто-то стоял в коридоре, следя за их чаепитием, и этот кто-то прямо сейчас убегал прочь, бросив свою игрушечную мышь на растерзание врагам.

– Яна! Ты куда?

– Спасибо, я пирог потом доем, очень вкусно было!

Все это Тишка крикнула уже из коридора. Нельзя упустить такой шанс и не узнать, кто рассаживает плюшевых мышей по ящикам комода, тайком следит за гостями и пугает и без того испуганных бабушек!

Она на миг замерла, прислушиваясь к звукам огромного чужого дома.

– Бойкая у тебя девка, – с необычайной четкостью донесся до нее голос деда. – А ты, Райка, дура!

Бабушка что-то забормотала, оправдываясь, но Тишка уже не слушала. Справа от нее деревянная лестница вела наверх, на второй этаж, и на крайней ступеньке этой лестницы бледнели в полумраке чьи-то ноги в полосатых носках.

Тишка рванула к ним. Ноги мгновенно исчезли, словно их обладатель подпрыгнул и растворился в воздухе.

Взбежав на второй этаж, девочка остановилась. Три двери, и из той, что слева, падает узкая полоса света.

За ней оказалась небольшая комната. На широком подоконнике сидел мальчишка, который обернулся к Тишке, едва она оказалась внутри, и деловито спросил:

– Мышь захватила?

Девочка плотно прикрыла за собой дверь. Подумала немного, раскачиваясь на носочках.

– Мышь твоя попала в плен, – сказала она наконец. – Завтра на рассвете ее повесят.

Мальчишка нахмурился.

– Жаль. Но она знала, на что шла. К тому же... – он спрыгнул с подоконника и нырнул куда-то под стол, а когда вылез, в руках у него была целая охапка серых мышей, – соратники отомстят за нее!

Тишка ахнула.

– Откуда у тебя столько?

– Из «Икеи», – очень серьезно ответил владелец мышинной армии. – Мы с папой туда ездим каждую неделю. Ему там соус к фрикаделькам нравится.

– Вкусный?

– Не знаю, я фрикадельки не ем. Кстати, я Алексей. Но меня все зовут Лелик.

Он развел руки, и мыши посыпались на пол. Тишка сделала шаг вперед, вглядываясь в нового знакомого.

Бледный, мелкий и лопоухий. До того незапоминающиеся черты, что отвернись – и образ Лелика тотчас выветрится из памяти. Единственное, что невозможно забыть, это его уши.

Уши были не просто оттопыренные. Они представляли собой нечто большее, чем полагающиеся людям ушные раковины. Они были огромные, распластанные навстречу ветру, как паруса, – пыльные, прекрасные, бесшабашные уши, вызывающие к приключениям и сумасбродствам, к побегам из дома и похищениям чужих жен, к авантюрам и буйствам, безумиям, морям, дракам, безудержному пьянству и полетам на Марс.

«Но ведь это же неправильно, – подумала Тишка, – когда уши у человека выразительнее, чем его лицо!»

Она на секунду прикрыла глаза, проверяя себя, сможет ли вспомнить Лелика. Какого цвета у него радужка? Нос с горбинкой или нет? А может, курносый?

Но в памяти вставали только два просвечивающих розовых крыла, по какому-то недоразумению выросшие на коротко стриженной мальчишеской голове.

– А ты Янина?

Тишка подняла веки.

– Я Тишка. – Ответ прозвучал довольно сурово.

Лелик немного поразмыслил.

– Это кошачья кличка, – сказал он наконец. – Ты не кошка.

– Откуда ты знаешь? – возразила девочка. – Может, я буду ловить по ночам твоих мышей?

Лелик задумчиво обернулся на свое серое воинство и почесал левой пяткой щиколотку правой ноги. Один полосатый носок сполз и гармошкой собрался внизу.

Из окна донесся хохот, и с мальчишкой случилось удивительное превращение. На глазах Тишки он не то съежился, не то слегка растворился в воздухе; как бы там ни было, Лелика определенно стало меньше, словно звуки чужого смеха частично вытеснили его из пространства комнаты.

– Кто это там?

– Сама посмотри, – нехотя сказал мальчик.

Тишка перегнулась через подоконник. Окно выходило на поляну с качелями. Площадку тесным кругом обступали деревья, и на одном из них среди листвы мелькнуло что-то пестрое.

Она сбежала по лестнице. Из столовой доносились голоса – мамин, деда и чей-то третий, высокий и какой-то кривляющийся.

Тишка знала, что у звуков есть свой цвет. В раннем детстве все было залито для нее ярчайшими красками, от которых иногда становилось больно глазам и сжимало затылок. С возрастом интенсивность цвета несколько стихла, но по-прежнему девочка видела голоса других людей как

цветные волны, быстро проносящиеся в воздухе или размазанные, словно огни автомашин на фотографии с длинной выдержкой.

Человек, чьи слова доносились из столовой, выстреливал бледно-желтыми канареечными очередями.

– ...диагностируют они, между прочим, тоже не бесплатно!

Тишка поскорее выскочила наружу, в солнечную зелень, в волну тепла и света, заглушившую канареечную размазну.

Пришлось обежать дом, чтобы оказаться на площадке с качелями. Деревья здесь росли старые, с морщинистыми стволами. Выше всех поднималась крона черемухи. Под ней Тишка заметила черно-серое пятно и в первый момент решила, что это одна из мышей Лелика.

Но тут пятно пошевелилось и выбросило за солнечным зайчиком мохнатую лапу.

– Ой! Кис-кис...

– Не трогай! – раздалось откуда-то сверху.

– У нее и не выйдет! – отозвались с другой стороны.

Тишка задрала голову, щурясь от солнца. Котенок шмыгнул в кусты и исчез.

– Спугнула! – холодно сказали из ветвей.

– Просто он дикий! – возразил нежный голос.

– Просто некоторые хуже коров.

Облако закрыло солнце, и Тишка наконец разглядела спорящих.

На крепкой черемуховой ветке, протянувшейся над землей, лежала на спине девочка лет пятнадцати. Поза ее казалась до того неустойчивой, что Тишка непроизвольно шагнула вперед, как будто могла помочь, если та потеряет равновесие.

И в ту же секунду девочка опрокинулась вбок. Тишка вскрикнула.

Девочка, однако, и не думала падать. С ловкостью циркового акробата она в последний момент зацепилась за ветку ногой, согнутой в коленке, и повисла вниз головой. Руки девочка скрестила на груди, лицо оказалось закрыто упавшими волосами. Белая юбка задралась, открыв гладкие бедра и полоску голубых трусиков.

– Показушница! – фыркнули из соседней кроны.

– Лохушка! – отозвалась белая юбка.

А затем с силой крутанулась, перехватила ладонями ветку – опля! – и пружинисто приземлилась на обе ноги.

Секундой позже без всяких акробатических номеров с яблони спрыгнула вторая девочка, откинула волосы, с беззастенчивым любопытством рассматривая Тишку. Глаза у нее были широко

расставленные и светло-голубые. Прозрачный лоб, кукольной гладкости кожа, русые брови словно нарисованы тончайшей кисточкой волосок к волоску. Гладкая девочка, тонкая, как фарфоровая чашка.

– Ты дочь тети Тани?

Тишка молча кивнула.

– А язык у тебя есть, дочь тети Тани? – поинтересовалась акробатка. Она села на траву прямо в своем белом платье, длиннющие ноги вытянула перед собой и зевнула – широко, во весь рот. – Зовут-то тебя как?

– Тишка.

Кукольная девочка по-прежнему улыбалась – сонно, чарующе, и в глазах мелькало что-то странное, как будто она не была уверена, что все вокруг ей не снится. «Может, я и правда ей снюсь?» – внезапно испугалась Тишка. Какой-то дурман исходил от этой голубоглазой.

Резкий голос второй вернул ее к действительности.

– Тишка – это кошачья кличка.

Лелик, пять минут назад сказавший дословно эту же фразу, произнес ее задумчиво, словно взвешивая факты. Его слова не казались обидными, они лишь иллюстрировали способ его мышления. «Тишка – это кличка для кошки. Ты не кошка. Следовательно, вряд ли тебя могут так звать».

А девочка в белом платье никаких умозаключений не делала. Она шлепнула на Тишку пренебрежительный ярлык: дура! И откинулась на спину, удовлетворенная результатом.

Тишка прикусила губу.

Она ничего не станет объяснять этой красивой взрослой девочке, умеющей крутиться на ветках.

– Я Вероника, – певуче сказала голубоглазая. – А это моя сестра Женя. Нашу маму зовут Люда.

– Еще генеалогическое древо нарисуй, – фыркнула Женька.

– Я могу нарисовать, – встряла Тишка. – Наши мамы родные сестры. Значит мы с вами – двоюродные.

Но если в глубине души она надеялась вызвать в Женьке снисходительность к новообретенной кузине, то просчиталась.

– У нас тут полный дом родственников, – презрительно отмахнулась та. – Шагу сделать нельзя, вляпаешься в братца или дядюшку. Кстати! – она привстала и огляделась. – Где-то тут шарахалась бледная спирохета. Надо вас познакомить.

– Спирохета?

– Ну, этот, – Женька щелкнула пальцами, – как его... Вероника, как его там?

– Ты знаешь как, – кротко отозвалась младшая сестра.

– Знаю! – Женька вдруг широко улыбнулась. – Лелик. Лелик-болеканабоблик! Отличная, между прочим, подбирается компания! Четкий Паша, бледная спирохета, малютка с проблемами самоидентификации, моя младшая сестра, которой не хватает одного полушария мозга... – она притворно нахмурилась и театрально приложила пальцы ко лбу, – вот только не могу вспомнить какого...

– Так может, это тебе не хватает полушария? – с прежней кротостью спросила Вероника.

В ту же секунду Женька вскочила на ноги. Тишка отпрянула. Лицо девочки напомнило ей выражение Прохора, когда деда перебила бабушка Рая.

«Драться будут!» – ужаснулась Тишка.

Но тут Женя расхохоталась.

– Иногда ты перестаешь выглядеть дурочкой, моя милая.

Она с неожиданной ласковостью взъерошила волосы сестре.

Тишка выдохнула. Битвы не будет! Странно только, что гримаса на белом личике Вероники кажется застывшей. На губах девочки по-прежнему играла слабая улыбка, и невозможно было определить, нравится ли ей происходящее. Но самой Тишке примирительно улыбаться совершенно расхотелось. Поглаживания Женьки становились все настойчивее, она все сильнее притягивала сестру к себе. Та казалась вялой и не сопротивляющейся. Вот только два розовых пятна на скулах...

Тишка не понимала, что ей делать. Требуется ли что-то предпринимать или все в порядке? Вот в чем всегда состоит проблема.

Смотришь на мать с ее ровным спокойным лицом. Смотришь на папу. Они сидят, обедают. И самая большая ошибка, которую ты можешь сделать, это решить, что если все выглядит хорошо, значит, все и правда хорошо.

Нет, ты должен быть всегда настороже! Подхватывать опрометчиво падающие фразы и бережно относить в сторону, чтобы они не взорвались посреди обеденного стола. Не забывать постоянно шутить, и что с того, что каждая шутка получается глупее предыдущей, а ведь и первая не была образцом остроумия. Пусть смеются над ней! Лишь бы не ругались.

Если ты окажешься достаточно чуток, если ты каждую секунду будешь держать в памяти, что под вами опасный лед, а вовсе не благополучный каток, и ты не кружишься здесь на коньках в свое удовольствие, а отчаянно пытаешься удержать всех троих от падения в черную воду, – так вот, девочка, если ты все время будешь контролировать ситуацию и помнить, что не смеешь выпустить маму и папу из сферы своего внимания, то у тебя

что-нибудь может и получиться. И ты всех спасешь.

Или нет.

– Кто такой четкий Пашка?

– Что?

– Пашка, – повторила Тишка. – Кто это?

Женька выпустила сестру и уставилась на нее.

– Я тебе что, «Желтые страницы»?

– Это еще один наш родственник, – подала голос Вероника. Она отошла от сестры и приглаживала волосы, точно кошка, которую потискали грязными руками, и теперь она старательно умывается, стирая с себя чужие запахи и отпечатки. – И твой тоже. Сын дяди Вениамина.

– Скажи лучше – еще один претендент.

– Претендент? – повторила Тишка.

Женя насмешливо взглянула на нее. Глаза у нее при солнечном свете оказались карие, яркие, с золотыми искрами.

– Девочки, вы Лелика не видели?

Все трое обернулись.

На площадку из-за деревьев вышел сухопарый подтянутый человек. Он поразительно напомнил Тишке игрушечных солдатиков, которых собирал папа: узкоплечих, с прямыми спинами и крошечными усиками под острыми носами.

– Нет, дядь Юр, не видели, – ответила за всех Женька.

Тишка бросила быстрый взгляд в окно второго этажа. Лелик был в комнате десять минут назад. Но с учетом мыши, обнаруженной в ящике буфета бабушкой Раисой, вряд ли отец ищет его, чтобы представить к награде.

Поэтому она промолчала.

Сухопарый собирался уходить, но задержал на ней взгляд.

– Подождите-ка... Ты уж не Янина ли?

Тишка кивнула:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте! Вот так дела! Значит, Таня все-таки...

Он осекся. Нахмурился. Скупно улыбнулся, не переставая хмуриться, отчего лицо его приобрело странное выражение, и присел перед девочкой на корточки.

– Я думал, ты старше. Сколько тебе?

– Двенадцать.

Теперь лицо его выразило веселое недоумение. Ну давайте, дядя Юра, присоединяйтесь к клубу желающих сообщить о несовпадении роста и

возраста!

Но отец Лелика сказал совсем другое:

– Ты на отца очень похожа. Приятно познакомиться, Янина.

Протянул руку и бережно пожал неуверенную ладошку.

Когда дядя Юра скрылся за деревьями, Женька обошла вокруг Тишки, щуря карий глаз.

– Тебе правда двенадцать?

Девочка кивнула. Внутри билась маленькая яркая радость, надо было не расплескать ее.

– Мне четырнадцать. Она, – Женька кивнула на сестру, – на год младше. Мы тут уже две недели торчим. А тебя надолго сюда?

Тишка пожала плечами.

– Снова язык проглотила, – констатировала Женька. – Слушай...

Она осеклась и вскинула голову. Издалека донесся старческий голос, такой громкий, отрывистый и противный, будто кто-то лупил по ведру железной палкой.

Сестры переглянулись.

– Изольда! – шепнула Женька. Глаза ее расширились. – Живо за ней!

– Я не пойду... – Вероника легла на траву, закинула руки за голову.

– Тухлятина!

Женька метнулась прочь, но в последний момент обернулась и бросила короткий взгляд на Тишку. Трактовать его можно было как угодно. Тишка решила, что это приглашение, и бросилась следом.

Они выбежали к забору и помчались вдоль него. Женька пригибалась и высматривала кого-то сквозь щели между досками, Тишка старалась не отставать.

– Чшш!

Женька остановилась.

За забором кто-то прошел, ворча тем же неприятным скрипучим голосом, от которого перед глазами Тишки промелькнул темно-фиолетовый разряд. До девочек донесся густой запах приторных духов. Обе поморщились.

«Замри!» – одними губами предупредила Женька.

Старуха постепенно удалялась по тропинке. Только аромат висел в воздухе застывшей удушливой волной.

– Кто это? – шепнула Тишка.

– Молчи!

Женька приподнялась на цыпочках.

– Теперь можно!

Она с усилием сдвинула доску забора и открылась узкая щель, в которую Женька протиснулась, не обращая внимания на Тишку. Поколебавшись, та последовала за ней. Ее больно стукнуло по ноге отпущенной доской, Тишка ойкнула, но Женька обернулась и мазнула по ней таким злым взглядом, что девочка прикусила язык.

Теперь они бежали по тропинке, держась в тени забора. Высокая фигура с каким-то нелепым сооружением на голове успела отойти на приличное расстояние.

Женька неожиданно свернула на боковую тропинку между домами. Из-под ног ее выскочила заполошная курица, заметалась, наткнулась на Тишку, взбила воздух крыльями.

Девочка в растерянности замерла, а когда пришла в себя, Женька пропала. Где она? Перепрыгнула через калитку?

На крыльцо соседнего дома вышла толстуха в красном халате и подозрительно уставилась на девочку. Тишка почувствовала себя нарушительницей закона. Она притворилась, что рассматривает жимолость перед домом, зачем-то взрыхлила ногой землю и заторопилась подальше от места несостоявшегося преступления.

Как-то все странно закончилось. Странно и глупо.

Она в задумчивости свернула налево, прошла еще немного, искала взглядом суматошную курицу и спохватилась, что, кажется, впервые видит эту дорожку. Сунулась в один проход, другой – и поняла, что окончательно заплутала.

Размеров поселка Тишка не представляла. Даже фамилию бабушки с дедушкой не помнила. С другой стороны, деда Прохора наверняка знают соседи: она поспрашивает и найдет свой дом.

– Эй!

Подросток лет пятнадцати стоял, прислонившись к забору, и рассматривал Тишку из-под кепки, надвинутой на глаза. Девочка не заметила, откуда он взялся.

– Заплутала? – Он облизнул губы и отлепился от забора.

– Угу.

– Пойдем, выведу тебя.

Он сплюнул в кусты и уверенно двинулся по тропинке.

– Эй! Стой!

Парень и не подумал слушаться.

– Подожди! – Тишка, запыхавшись, догнала его. – А откуда ты знаешь, куда нужно меня вывести?

– К Савельевым.

«Савельевы!»

Больше Тишка вопросов не задавала. Послушно топала за неожиданным спасителем, радуясь, что не пришлось стучаться в чужие двери и просить помощи.

Дом, утопленный в зелени, она узнала издалека и радостно ускорила шаг. Парень толкнул входную дверь, словно бывал здесь уже не раз.

В столовой собрались взрослые. Тишка запуталась взглядом в незнакомых лицах.

– Ба! Младшее поколение!

– А что это вы такие встрепанные?

– Кушать хотите?

Тишкин проводник все эти вопросы проигнорировал. Кепку снял, ударил взрослым жестом об коленку и даже, показалось девочке, чуть ли не поклонился Прохору, сидевшему во главе стола.

– Заблудилась она, – солидным баском сказал он, кивком указывая на Тишку за своей спиной. – Шарахалась возле Загорских. Я увидел, думаю – ну, беда будет! Подобрал, привел. – И уже с другой интонацией, детско-открытой: – Спасибо, бабушка, я проголодался до ужаса! Сейчас только руки вымою!

Бабушка закивала.

– Ай да умничка, – растроганно сказала щекастая женщина в льняных кудряшках.

Вслед ему Прохор одобрительно крикнул:

– Молодец, сообразил привести!

– Да она совсем потерялась, – донесся из-за дверей мальчишеский голос. – Цыпленочек!

Вокруг раздались смешки. Тишка посмотрела на мать и поспешно отвела взгляд. Как-то незаметно оказалось, что она в чем-то виновата – то ли в том, что заблудилась возле неизвестных Загорских, то ли в том, что согласилась на помощь проводника, обернувшегося ее очередным родственником... Девочка ощущала смутную неправильность происходящего, но никак не могла уловить, в чем она заключается. И почему мальчишка скрыл, что он тоже один из внуков Прохора?

– Иди руки мой, – суховато сказал дед. – В другой раз сперва узнай, где можно ходить, а где нет. А потом уже суй нос. Горожане!

Вечером, лежа в постели на хрустящем, крепко накрахмаленном бабушкином белье, Тишка пыталась читать Джеральда Даррелла. Дверь в любимую книгу, где увлеченный натуралист ловил капибар и попугаев, всегда открывалась для нее в любом месте, где бы она ни находилась, и огромный, невозможно прекрасный, упоительный мир чужой жизни, которую она мечтала прожить, вставал вокруг зримее и отчетливее, чем мир реальный. Но сегодня что-то случилось. Тишка мусолила взглядом одну-единственную страницу, пока не поняла, что ничего не выйдет.

Она немного повалялась без дела, изучая потолок с паучьими лапами трещин. Затем выбралась из постели и босиком прошлепала в коридор.

Тук-тук-тук.

Быстрые шаги, недовольное Женькино лицо в дверной щели.

– Чего тебе?

– Женя, скажи, пожалуйста, а кто такие Загорские? – очень вежливо спросила Тишка, зябко переступая босыми ногами.

Та пожала плечами:

– Придурки местные. Дальше что?

– Хотела узнать, где они живут.

– Зачем тебе? Фанатеешь от дебилов?

– Чтобы никогда с ними не встречаться, – логично объяснила Тишка.

– Ты и не встретишься. Их дом на другом конце поселка. Держись подальше от пруда, и все нормально будет. Ясно?

Тишка коротко сказала, что ясно, и отступила назад.

День выдался длинный, наполненный событиями, о которых она не знала, что и думать. Но в одном девочка была уверена: к пруду она сегодня и близко не подходила. Ее проводник солгал.

Она медленно побрела к своей комнате, но на полпути остановилась. Вокруг темно, за маленьким окошком в конце коридора шумит и раскачивается дерево. Снизу, из столовой, слышны приглушенные голоса взрослых.

А в мансарде кто-то ходит.

Тишка задрала голову. Прямо над ней раздавался монотонный скрип. Скрип-скрип. Скрип-скрип. И сквозь этот звук отчетливо донесся тихий плач.

Плакал ребенок.

Тишка замерла. Шаги тоже затихли, а плач еще повисел немного в воздухе – и оборвался.

Девочка вскарабкалась по узкой лестнице в мансарду, остановилась перед дверью, перевела дыхание. Толкнула дверь, но та вполне

предсказуемо не отворилась. Тишка прильнула к ней ухом, однако изнутри больше не слышалось ни звука. Но ведь кто-то же там есть!

Женька при виде вернувшейся Тишки скорчила такое зверское лицо, что только чувство долга удержало девочку на месте.

– Там, наверху, кто-то... за дверью! – сбивчиво поведала она. – Плачет! Я сама слышала! Надо позвать, чтобы посмотрели...

По правде говоря, Тишке одной страшновато было обращаться к старшим. Кажется, мама рассердилась после ее сегодняшней короткой прогулки.

– Ты глупая? – флегматично поинтересовалась Женя. – Вероника спит. Лелик с Пашкой тоже. Взрослые бухают. Иди отсюда!

И попыталась захлопнуть дверь.

Но Тишка проворно сунула ногу в щель:

– А других детей в доме нет?

Женькины брови полезли наверх.

– Других детей? – она задумалась. – Ладно, я тебе скажу, только это огромная тайна. Наклонись!

Тишка подалась к ней. Женька приблизила губы к ее уху и отчетливо проговорила:

– Живых – нет.

Глава 3

2015 год

1

Янина Тишко

Вы знаете, что такое анпогаки? Это вяленая хурма очень высокого качества. Осенью особый сладкий сорт подвешивают на веревочках, время от времени макают в крепкий алкоголь и снова держат на свежем ветерке, а чтобы процесс завяливания шел равномерно, регулярно массируют.

Когда я думаю о том, что где-то есть хурма, которой нежно мнут бока, проветривают ее на сквозняке, а после купают в выдержанном коньяке, мне становится смешно. Я тоже хочу быть хурмой. Согласна даже на то, чтобы меня по завершении этого волшебного процесса съели вприкуску с чаем.

За окном поезда замелькали ржавые коробочки гаражей. Я уткнулась носом в стекло и стала смотреть, как проносится перед глазами осеннее Подмосковье.

После яркого, как фейерверк, сентября пришел неожиданно болезненный, бескровный октябрь. Станный октябрь без сияющего золота лип и триумфального кленового багрянца, анемичный октябрь с бледными листьями и землистой травой. Синоптики пугали заморозками со дня на день и грозили морозной зимой. Пусть, пусть грянет свирепая зима, и вьюги пройдутся по городу, хозяйскими метлами вычищая серость и грязь, и ветер из осеннего нытика и меланхолика превратится в мрачного бородатого сказочника. Слышишь недобрый вой в трубах? Это сквозняки наперебой рассказывают страшные истории.

Когда-то я умела понимать их язык.

Всего лишь десятое октября, а кажется, что зима уже несется за поездом, как охотничья собака по следу, низко припав к земле.

Надо будет продать дом.

Зачем я туда еду?

Бабушка Рая перед смертью помрачилась рассудком. А может, всегда была тихой сумасшедшей. Достаточно вспомнить ее шепоток, когда она вешала оберег мне на шею. «Он сохранит тебя!»

Ох, бабушка, бабушка... Ты должна была отдать свою реликвию другому человеку. Возможно, тогда все пошло бы иначе.

Литвиновка изменилась. Заборы подтянулись и растолстели, дома выросли на этаж, а кое-где и на два. В целом поселок приобрел вид несколько агрессивного благополучия: мол, все у нас хорошо, и ты к нам без лишней нужды не суйся. Но дом, наш дом, остался прежним, только еще сильнее насупился и побурел.

Ключ я обнаружила в почтовом ящике – как и предупреждало письмо. С замком не пришлось долго возиться: два поворота ключа – и дверь распахнулась сама. Я постояла на пороге, не то чтобы не решаясь войти, а как будто давая дому время привыкнуть ко мне. Все-таки мы не виделись очень давно.

Сумрачно, пыльно и пахнет лекарствами. Я сделала несколько шагов, ожидая хотя бы скрипа половиц, но дом настороженно безмолвствовал.

– Ну здравствуй.

Мать всегда высмеивала мою привычку разговаривать с животными и неодушевленными предметами. Впрочем, я не уверена, что дома можно отнести к последним. В некоторых из них души больше, чем в иных людях.

Коридор, который помнился мне широким, как проспект, оказался тесным, обклеенным пожелтевшими обоями в полоску. К тому же его загромождал шкаф, одна створка которого была затянута простыней.

Я сдернула ее. За тряпкой открылось зеркало, а в нем мое бледное измученное отражение, которое выглядело так, словно его кто-то долго держал без еды и света, может быть, даже в этом самом шкафу.

За отражением промелькнула едва заметная тень возле самого пола. Я не испугалась. Не боюсь домовых. Что-то скрипнуло, и на кухне мышь уронила веник.

«Здравствуй, Тишка!» – поздоровался дом.

Остаток дня прошел бессмысленно и суетливо. Я ощущала себя не новым полноправным владельцем, а захватчиком на чужой территории. Протерла кое-где пыль, чтобы утвердить себя хозяйкой, но это не слишком помогло. Я снимала простыни с занавешенных зеркал, и в каждом открывалось мое лицо, которое неуловимо отличалось от тех, что я видела в предыдущих отражениях. Словно дом подсовывал мне мои некачественные копии.

До вечера я бездумно занималась ерундой. Меня не тревожили мысли ни о недавно умершей Раисе, ни о том, что случилось много лет назад. Похоже, таблетки, выписанные психиатром, начали действовать.

Чем хороши лекарства – с ними перестаешь задавать вопросы. Мир отныне состоит лишь из утвердительных предложений.

Октябрь желтый. Вода мокрая. Я наследница Раисы Савельевой.

Я даже не пыталась представить, что стану делать с ненужным состарившимся особняком. Просто машинально ходила туда-сюда с тряпкой и переставляла стулья.

Все было другое. Синтетические шторы, современная мебель. Вещи переехали на новые места, и я то и дело натыкалась на какое-нибудь кресло или угол стола, которого здесь не должно было быть.

Не знаю, отчего это так поразило меня. Неужели я думала, что жизнь в Литвиновке законсервируется в том виде, в каком я ее запомнила?

Когда начало темнеть, я спохватилась, что в холодильнике нет продуктов, и заторопилась в поселковый магазин. Возвращалась уже в сумерках. Сумки оттягивали руки. Мне показалось, что возле дверей мелькнула какая-то тень, но когда я подошла ближе, она растаяла.

На ночь я расположилась в гостиной на диване. Не в бабушкиной же спальне устраиваться, честное слово. На секунду у меня мелькнула мысль о комнате, где поселили меня в то безумное лето...

Я даже не стану заходить туда.

Собственно, я ведь так и не осмотрела дом. Перемещалась как сомнамбула между столовой, кухней и прихожей. Еще пару раз заглянула в дедову библиотеку. Мне почудилось, что все до единой книги в шкафу – другие. Уж этого-то точно не могло быть, бабушка никогда не выкинула бы собрание его сочинений.

Или это сделала не бабушка?

Уже засыпая, я пообещала себе обойти завтра все помещения. Включая мансарду. Да, мансарду в первую очередь.

В конце концов, мне нечего бояться.

Все самое страшное уже произошло.

2

Алексей Савельев

– Алексей Юрьевич, она приехала.

Вот черт! У меня теплилась надежда, что наша внезапная наследница не сунется в свое новое поместье. Зачем оно ей? После всего, что случилось, можно было ожидать, что она и близко к нему не подойдет.

Но нет. Все-таки решилась.

Похоже, из любопытной девчонки выросла любопытная женщина.

– Давно она там?

- Со вчерашнего дня.
- Что делает?
- Дома сидит. Выходила один раз.

Все хуже и хуже! Раз не высовывается наружу, значит, разбирает доставшееся ей имущество. Чем еще можно заниматься в этой огромной домине?

- Мне продолжать наблюдение, Алексей Юрьевич?
- Нет, ты там больше не нужен. Возвращайся.

В трубке немного помолчали. Я нутром уловил, что сказано не все.

- Выкладывай, Сережа.
- Да не уверен я...
- Все равно говори.

– Мне показалось вчера, кто-то ходил вокруг дома, – решился безопасник. – Я в машине сидел, видел только силуэт. Но наверняка сказать не могу.

Силуэт, значит... Это с равным успехом мог быть залетный наркоман, высматривающий заброшенные дома, и тот, кто догадывался, что именно осталось в наследство после умерших хозяев. От Прохора можно ожидать любых сюрпризов. «Даже от покойного, – сказал я мысленно, но тут же исправился: – Особенно от покойного».

- Возвращайся, – повторил я. – Дальше я сам.
- Уверены, Алексей Юрьевич?

Если говорить начистоту, нет, не уверен. Я совершенно не убежден, что мне стоит ворошить прошлое.

Но вслух сказал иное:

- Абсолютно уверен.

Перед тем, как ехать, я позвонил отцу.

- Зачем тебе это?

Голос у него озадаченный. Голос у него всегда озадаченный, когда он разговаривает со мной. Словно отец постоянно удивляется, как у него мог получиться такой странный, не понятный ему сын. Яблоня, недоуменно взирающая на валяющийся под ней артишок.

Я много лет пытался заслужить его любовь и сейчас думаю, что в моей жизни не было более бессмысленного занятия.

- Так зачем, Алексей?

– Есть кое-какие рабочие моменты, – туманно сказал я и ведь почти не соврал. – Я тебе потом расскажу, если все сложится.

– Ну, береги себя, – пожелал он напоследок очень серьезным и ответственным тоном, как будто я лез на Эверест или планировал поход по

джунглям. – И вот еще что, Алексей...

Мне показалось, отец собирается с духом, прежде чем сказать мне что-то важное.

– Да, пап?

– Не забудь позвонить Ларисе Степановне. У нее двенадцатого день рождения.

Вот так и выглядит наш с ним традиционный диалог. Только я настроюсь на то, что сейчас отец приоткроет мне душу, как он выдает очередное напоминание вроде требования поздравить соседку по даче. Вообще-то на этот случай у меня есть специальная программа на телефоне, и работает она куда эффективнее папы. По крайней мере, не путает отчества.

– Семеновна, пап.

– Не понял.

– Она Лариса Семеновна, а не Степановна.

Отец помолчал. Потом сказал: «Да какая разница!» – и повесил трубку.

Я еще некоторое время смеялся, когда в кабинет заглянула Леночка.

– К вам из «Стеллы» пришли, Алексей Юрьевич...

«Стелла» – молодое издательство, выросшее из старых денег. В свое время пытались оттяпать у нас учебную литературу, но ничего у них не вышло. Из проигравшего врага может получиться неплохой партнер, так что со «Стеллой» мы осторожно кружим друг вокруг друга и делаем вид, что распри позабыты.

Кажется, что-то подобное предстоит мне и в Литвиновке.

З

Женя Кошелева

Естественно, я сделала себе запасной ключ. Этот дом мой по праву. Он должен был достаться мне еще в двухтысячном. Не в юридическом смысле, конечно. Но я могла бы обосноваться в нем новой хозяйкой, если бы все не испортила одна маленькая нервная дура.

Что ж, ладно. Я умею ждать. И дождалась бы своего, если б не Раиса. Знай я, что она выкинет, я превратила бы последние дни ее жизни в горькое сожаление о том, что они так долго длятся.

Не зря мне казалось, что бабка меня терпеть не может.

Вот дед – тот всегда меня любил. Ну то есть как – всегда... Он полюбил меня, когда ему это потребовалось. Втемяшилось в старческую

башку, что он нуждается в продолжении рода. Под родом, само собой, следовало понимать исключительно Прохора Савельева.

Думаю, он сожалел, что не способен размножаться один. Раиса ему все только портила.

Взять хоть его сыновей. Уже в четырнадцать лет я понимала, до чего они его бесят. Даже не знаю, кто сильнее – Юрий, вечно закованный в корсет собственных страданий, или скользкий придурок Вениамин.

Юрка и Венька, два семейных огорчения. И на их фоне – я! Красивая! Похожая на деда! Вот что главное. Прохор соглашался признавать равными только тех, кто был слеппен из одного с ним теста.

Конечно, надо смотреть правде в глаза: больше прочих он выделял не меня, а Пашку. Но и у меня были неплохие шансы, если бы все не закончилось так, как закончилось.

И это был первый раз, когда судьба ограбила меня.

Помню, дед стоит над телом, а лицо у него серое, как цемент, и одной рукой он отпихивает цепляющуюся за него жену, а другой машет на нас и кричит: «Вон! Все вон!» Я пыталась подойти к нему, но он выгнал и меня.

Мой второй шанс выпал, когда Раисе пришло время умирать. Кто ухаживал за ней перед смертью? Я.

Не могу сказать, что мне это тяжело далось – все-таки бабка до последнего была в сознании и обслуживала себя сама, так что я торчала в ее хате в основном затем, чтобы мать не приставала ко мне с нотациями. Ей, видите ли, некогда следить за старухой. У нее пылкий роман – в ее-то возрасте! А Раису нельзя оставлять одну. Вдруг она упадет, станет мучительно умирать, кошки объедят ее лицо... бла-бла-бла!

Никаких кошек у бабки отродясь не водилось. Но у моей матери не голова, а рама для воображаемых картин. Никакими фактами не замалевать нового живописного полотна. Сказано, объедят – значит, объедят! И соседи проклянут бессовестную Людмилу, не позаботившуюся о единственной старенькой тетушке.

Ключевое слово тут – «соседи». По убеждению маменьки, жить надо так, чтобы ни одна соседская сволочь не могла сказать о тебе дурного слова.

Однако я не слишком сопротивлялась. По-моему, все складывалось как нельзя лучше. Раз уж я все равно в очередной раз осталась без работы, можно провести ближайший год, опекая полоумную бабку. Оплата – дом. По-моему, справедливо. Я прошерстила сайты с объявлениями о продаже недвижимости, и когда осознала, сколько может принести литвиновская хата, у меня мурашки побежали по коже. Нет, я всегда понимала, что дед

хорошо устроился. Но чтоб настолько!

За эдакое наследство можно и бабку потерпеть.

Тем более Рая вела себя тихо. Разжирела, конечно, до безобразия. Мне приходилось помогать этой потной туше выбираться из кресла и спускаться в сад (я все боялась, что когда-нибудь ступеньки провалятся под ней). Русая коса поседела, но стричь ее бабка отказывалась наотрез. «Всю красоту мне срежешь!» Господи, как я хохотала! Всю красоту, вы только подумайте! Сидит эта плесневелая жаба в двух шагах от встречи с Создателем и квакает о прекрасном!

При бабке, понятное дело, я вела себя тихо. Газетки ей читала. Ездил в город, чтобы купить гипс: у нее осталась привычка лепить фигурки, которые она высушивала, тщательно раскрашивала и расставляла по полкам. И еще бесконечные вазы и кувшины. Входишь в кладовку, а все полки забиты кривобокими уродцами!

Бабуля тихо догнивала в своем закрытом мирке, точно улитка в раковине. Я преисполнилась уверенности, что все идет как по маслу. Сюрпризов можно не ждать. Когда она изредка все-таки злила меня своим упрямством, я напоминала себе, что передо мной ходячий труп, обремененный недвижимостью. Представь человека покойником – и он перестанет тебя раздражать. Надо бы испробовать это на моей собственной матушке, ха-ха-ха!

А потом Раиса слегла. И за неделю до смерти вдруг ударилась в воспоминания.

Долго же она молчала! Я полгода пыталась выжать из нее хоть что-нибудь, подступалась к ней осторожно, как кошка к голубю... Ни слова! Она замыкалась так, словно это ее рука нанесла смертельный удар. И понемногу я сдалась.

Но тут ее внезапно прорвало. «Речка! – твердила она. – Девочки пошли на речку и едва не утонули... Но ее спас мой оберег! Я всегда верила, что он обладает удивительной силой, Женечка!»

Поначалу я не поверила собственным ушам. Решила, что бабка заговаривается. Я ведь помнила во всех подробностях и события того дня, и собственную бессильную ярость, и ощущение, что чуть ли не впервые в жизни столкнулась с тем, чего мне не преодолеть. Называйте это роком, или кармой, или фатумом, или еще каким-нибудь глубокомысленным словцом. На самом деле оно маскирует лишь один факт: вы лох. Лузер! Вас переиграла тупая и бессмысленная судьба.

«Он столкнул ее с крыши, Женечка... Я видела это своими глазами! Он был дурной мальчик, ты же знаешь...»

Я не особенно вслушивалась в ее старческое бормотание. Столкнул и столкнул, подумаешь! Моя двоюродная сестричка, малютка со странностями, вечно забиралась куда повыше. Помнится, устроила целую библиотеку на скате крыши под мансардой. Я бы, может, и сама спихнула ее оттуда ради смеха, если бы не была так занята другими делами.

А Пашка, выходит, добрался до лохматой дурочки. Ну что ж, хоть кто-то из нас как следует поразвлекся!

«Она упала в малинник. Хрустнули кусты, а я подумала, что она сломала себе шею».

Бормочи, бормочи, Раиса. С этими шепотками из тебя выходит жизнь, а ты и так изрядно подзадержалась на этом свете.

Нет, я не желала бедной старушке ничего плохого. Но вы сами подумайте: на что похожа ее старость? Муж в могиле, дети разъехались, одна лишь выросшая внучка сидит у ее одра в пустом холодном доме. Зачем влачить это жалкое существование? Не лучше ли вовремя откинуться, заодно осчастливив кое-кого из близких!

«Тогда я поняла, что обязана защитить ее, Женя... Ведь никто, кроме меня, не догадывался, что происходит. А я никому не могла рассказать, ты понимаешь?»

Она внезапно привстала на постели. Горячая рука обхватила меня за шею с такой силой, что я едва не задохнулась. «Он упал и напоролся на косу! – закричала она мне в лицо. – А ему было всего три годика! Прохор убил бы меня, если бы узнал! Он распорол плечико, кровь так и хлестала!»

Я едва сумела отцепить ее от себя. Бабка осела в постели, как перебродившее тесто, но взгляд был не бессмысленным, о нет! Он был таким, словно Раиса подхватила лихорадку. И ее натурально трясло. «Мы ездили в больницу и доктор сказал, что все заживет, только останется шрам. Женечка, ты понимаешь? Я никому не сказала, только до их отъезда купала его сама, чтобы никто не заметил!»

Я кивала и соглашалась, что все понимаю.

А потом она сказала про кулон.

В этот момент картинка сложилась. При чем тут коса и шрам, я не знала и не желала знать. Ко мне это не имело никакого отношения. Но река! И кулон!

У меня помутилось в глазах. Кажется, я впервые за все время наорала на бедную старуху. «Что ты наделала, дура? – кричала я. – Почему ты не сказала мне раньше?»

Я трясла ее за плечи, выплевывала ругательства в оплывшее жирное лицо и пришла в себя лишь тогда, когда она скривилась и заревела. Фу! Это

мерзкое зрелище привело меня в чувство.

«Дом! – напомнила я себе. – Когда мне достанется дом, я смогу все исправить».

В этот вечер я выпила два бокала коньяка из старых дедовых запасов. Бабкина лихорадка словно передалась мне: меня трясло, предметы расплывались перед глазами. Я едва смогла уснуть к трем часам ночи.

А два дня спустя, в субботу утром, бабка внезапно сообщила, что у нее закончился гипс. Обычно она говорила об этом робко и отводила взгляд, словно понимала, на какую чушь тратит часы своей и без того бездарно прожитой жизни. В такие минуты я не могла удержаться от укоризненного взгляда и долгой многозначительной паузы. Не затем, чтобы поиздеваться! А лишь чтобы она как следует оценила мою жертву: вместо отдыха в саду с книжкой я вынуждена приводить себя в порядок, ехать в соседний городишко, закупаться там чертовым гипсом в магазине для художников и возвращаться, навьюченной сумками.

Но в тот день что-то пошло не так. «Мне нужен гипс», – сказала Раиса. И посмотрела прямо в глаза.

Меня вдруг пробрала дрожь. У бабки всегда был такой глупый взгляд... Как у овцы. Но сейчас в нем появилось что-то жесткое, чего я прежде у нее не замечала. Дед хорошо выдрессировал себе жену: что бы он ни делал, она не сопротивлялась. Во-первых, слишком любила его. Во-вторых, силы были неравны. Где Прохор с его мощью, а где вялая Раиса.

Я пыталась было сказать, что погода неподходящая, но Раиса встала с постели – сама, без моей помощи! – и, возвышаясь надо мной, развалившейся в кресле, твердо повторила: «Мне нужен гипс».

Пришлось обратиться из дома. Из ее дома! К тому времени я привыкла называть его своим, но внезапно бабка каким-то удивительным образом напомнила, что она здесь все еще хозяйка.

Художественный магазин в субботу оказался закрыт. Я возвращалась обратно под дождем, злая как черт, и обдумывала, что выскажу Раисе.

Однако стоило мне войти в дом, как отрететированная речь вылетела из головы.

Пока меня не было, бабка устроила перестановку. Она ухитрилась дотащить до гостиной два новых кресла, обитавшие прежде в мастерской. Но это еще ничего! Как ей удалось спустить из мансарды древнюю кушетку – вот что до сих пор остается загадкой!

Я прошла по дому, оценивая масштабы разрушения. Да, бабка постаралась на славу. За три часа она проделала титаническую работу! Тут-то я и подумала, что кукушечка у нее все-таки упорхнула на старости лет.

– Ничего здесь не трогай, – сказала она, когда я остановилась на пороге комнаты.

Я и не собиралась. Но мне не нравилось, что она раскомандовалась.

– Хочешь устроить здесь мемориал?

Бабку всегда легко было испугать. Одно неосторожное слово – и она уже вздрагивает и нервно кусает губы. А возразить-то не умеет, ха-ха!

Но тут она что-то долго молчала в ответ на мою провокационную реплику. Я устала ждать, обернулась, надеясь насладиться жалобной ее физиономией, – и выяснила, что за моей спиной пустота. Бабка ушла. Ушла!

На старости лет к ней вернулась способность передвигаться бесшумно. Ну вы подумайте!

Все это мне очень и очень не понравилось. И моя напрасная поездка, и бабкина не менее бессмысленная активность. Я хорошенько обдумала происходящее и решила, что завтра поговорю с Раисой.

Мне чудился назревающий бунт. Еще не хватало, чтобы старушка отбилась от рук.

Утром я подошла к ее постели, раздернула шторы. Наклонилась, чтобы разбудить бабушку, и обнаружила, что она не дышит.

2000 год

Своего дома в деревне у Тишкиных родителей не было. Каждое ее лето делилось пополам между городом и крымским санаторием, да еще один раз ее отправили к родителям отца, в грязное село возле заболоченного озера, в котором не разрешалось купаться, а можно было только ловить рыбу. По берегу бродили бездельничающие мужики, завязывали разговор с ее дедом, и вскоре дед уходил, а появлялся в доме ближе к вечеру, опасно веселый и пахнувший водкой.

После Тишкиного возвращения папа с мамой поссорились. Девочка слышала обрывки разговора: «...Необъяснимое безразличие... – Имеют право! – А твой собственный ребенок не имеет?... – ...требуешь невозможного... – Поговори с ними!.. – ... я устал от них и от тебя!»

Закончилось тем, что с тех пор в деревню к родителям отца ее не возили.

Дом, в котором жили Прохор с Раисой, ошеломил Тишку.

В ее сознании он оказался неразрывно связан с одичавшим садом и лесом. Как если бы дом стал порождением этой пахучей сырой земли, возник из зерен, которые некогда упали в нее, а затем проросли срубом, венцами и бревенчатыми стенами.

Через лес проселочная дорога вела к реке. Слева от нее высились сторожевые дубы, мощные, как вымахавшие в грибной год боровики. За ними начинался лес темный, таинственный, с паутинными сетями в густом орешнике и осинами, чьи стволы серебрятся, а листья похожи на монетки.

С другой же стороны дороги лес был иной. Здесь ровные стволы корабельных сосен тянулись к небу. Шуршали слюдяные пластинки коры, солнце сверкало в каплях смолы, обманчиво обещающей сахарную сладость на языке. Ветер не путался в паутине, а гулял привольно, вороша старую хвою и играя худыми ветвями бересклета.

И оба этих королевства безраздельно принадлежали Тишке.

Она сбегала из дома сразу после завтрака и носилась по бору как сумасшедшая, а выбившись из сил, падала в траву и бездумно смотрела на облака, заштрихованные ветвями.

Затем на сцену выступал картограф. Из рюкзака извлекались тетрадь и

карандаш, и Тишка скрупулезно составляла план своих земель. На ней уже были отмечены пещера троллей, бобровые ловушки, три гнездовья орлов. Для гномов она выделила поляну под одинокой старой липой.

На липу Тишка наткнулась однажды ближе к вечеру. Владения ее к этому времени были исследованы достаточно, чтобы она позволяла себе забредать довольно глубоко в лес. Другого ребенка зеленая глухомань испугала бы. Но Тишка была из тех беспокойных душ, в которых любопытство всегда побеждает осторожность.

Издали увидев липу, девочка только в первую секунду испугалась. А затем отправилась исследовать, что за страшилище возвышается в глубине зарослей.

Липа была стара и уродлива. Когда-то в нее попала молния и расколола надвое. Одна половина обуглилась и кривым клыком торчала из земли. Вторая начала гореть, но дождь унял огонь, и дерево осталось живым, только сильно искалеченным.

Тишка почтительно обошла вокруг лесного чудовища. На высоте четырех метров узловатые ветви расходились в стороны, образуя подобие растопыренной ладони. Недолго думая, девочка вскарабкалась наверх и оказалась в развилке.

Места было достаточно, чтобы свободно сидеть и даже полулежать. Вдалеке отрывисто прорезалась кукушка, словно то приоткрывали, то закрывали дверцу настенных часов. Над плечом заголосил озверевший комар. Тишка метко прихлопнула его и разлеглась на ветке.

«Инстинкт гнездования!» – вспомнилось подслушанное у кого-то из взрослых.

Ей нравилось это словосочетание.

Она построит дом. Дом на дереве! С крышей, чтобы не страшен дождь. С кладовкой, где можно хранить припасы. Мысленно Тишка уже беседовала с воображаемыми гостями и разливала чай.

На обратном пути она сделала небольшой крюк по поселку, и на узкой улочке ей бросилась в глаза поленница, небрежно сложенная под шиферным навесом. Из щели между дровами свисал коротенький черный хвост. Откуда-то возникла невзрачная серенькая кошка, похожая на моль, подпрыгнула и удивительно ловко просочилась в ту же щель, где сидел котенок. Хвостик дернулся и втянулся вглубь.

«Ха!» – сказала себе Тишка.

И рванула домой.

– Бабушка, у тебя есть рыба?

Она влетела на кухню встрепанная, мокрая как мышь.

– Рыба?

Бабушка Рая непонимающе улыбнулась. Она всегда улыбалась, если ее что-то ставило в тупик, как некоторые люди хмурятся или пожимают плечами. С точки зрения Тишки, ее улыбка была не совсем настоящей, или, вернее, не совсем улыбкой.

– Хочешь жареной рыбки, Яночка?

– Нет, бабушка, нет! Там котенок, а он совсем дикий, понимаешь?..

Ни слова не говоря, Раиса открыла морозилку, вытащила брикет серебряистой мойвы и одним убедительным ударом ножа отсекла целый кусок. Слипшиеся рыбки были завернуты в пакет и вручены обомлевшей от радости девочке.

– Спасибо!

Тишка бросилась прочь, прижимая к себе вонючую рыбу.

Раиса дождалась, пока хлопнет входная дверь, и тяжело вздохнула. Бедная девчушка! Чумазая, глазастенькая, вечно где-то носится, шорты одни и те же каждый день, причем еще и велики... Стоит сделать замечание Тане, что ребенок неподобающе одет, как та взрывается. И почему кричит? Непонятно. Она ведь только спросила.

Или Леша, Юрочкин сынок. С утра до вечера рисует в альбоме. Рисует-то прекрасно, спору нет, но ведь это не дело! Мальчик должен гулять, знакомиться с девочками...

Вспомнив про девочек, Раиса помрачнела. По правде говоря, и Женьку, и Веронику она побаивалась. Сложно с ними. Скажешь что-нибудь Жене, а та отвечает, и вроде бы слова вежливые, но понимаешь, что тебя выставили на посмешище. Сама Раиса, может, и не догадалась бы, но Прохор начинал одобрительно смеяться и пару раз показывал Жене поднятый большой палец. Тут уж и дурак сообразит, в чем дело.

А Вероника молчит. Так молчит, что иной раз думаешь: хоть бы ты сказала уже наконец что-нибудь, пусть даже и двусмысленное, вон как сестра. А в другой раз глянешь на нее, и вдруг шибает холодом мысль: а ведь славно, что ты молчишь, деточка, не надо тебе ничего говорить, держи-ка ты все свое при себе, всем проще будет.

Раиса Сергеевна перебрала детей своих сыновей и племянниц, мысленно вглядываясь в каждого. Только про Пашку она ничего думать не стала. На месте Паши у нее было одно большое белое пятно. Область на карте мореплавателей, вокруг которой стояли предупреждающие знаки: сюда не заходить! никогда, что бы ни случилось!

За дверью послышался шорох. Раиса выглянула в коридор и

вздрагнула: прямо перед ней Вероника – таращится глазищами своими, разве что зрачки не светятся в полумраке.

– Ты чего здесь? Проголодалась?

Вероника помотала головой. И стоит как стояла, смотрит выжидающе на Раису, словно хочет, чтобы та сама сообразила, что к чему.

– Принести что-нибудь?

Снова отрицательный жест.

– Ты уж сама тогда решай, что тебе нужно, – рассердилась Раиса.

Вероника улыбнулась.

Несколько смущенная, Рая вернулась на кухню, в глубине души чувствуя, что она все-таки ухитрилась сделать что-то не то. Спрятала мойву, вымыла руки, стерла натекшую с брикета лужицу.

И не удержалась – снова выглянула в коридор.

Она бы не удивилась, окажись Вероника на том же месте, где и была. Раиса воочию увидела: стоит девчонка в полумраке, распахнула глаза и смотрит на что-то в пустом пространстве перед собой.

Но никого снаружи не было.

2

Янина Тишко

2015 год

Я помню, с чего все началось.

С пирога, который бабушка Рая вознамерилась приготовить по новому рецепту.

Миндаль для выпечки привезла из города старуха Изольда. В поселке орехов было не достать, разве что соленых, под пиво.

Дарницкая отчего-то любила нашу бабушку. Она приходила в гости, когда вздумается, сидела в столовой, закинув ногу на ногу, и сложенным веером – веером! – нервозно постукивала по тощему запястью.

Мне нравилось присутствовать при их беседах, хоть я ничего и не понимала. Говорила преимущественно Изольда. С годами до меня дошло, что в основном она рассказывала о своих любовниках и их дорогих подарках, пользуясь разнообразными эвфемизмами. Раиса слушала, кротко улыбалась, но что она думала обо всем этом, не мог бы сказать никто.

Однажды, глядя вслед удаляющейся Изольде Андреевне, бабушка внезапно пропела:

– Утро туманное, утро седое! Нивы печальные, снегом покрытые!

Я в изумлении уставилась на нее. У старухи Дарницкой голос хриплый, надтреснутый. А Раиса спела чисто и до того красиво, что дух захватывало.

Бабушка иногда преподносила сюрпризы. Каждый вторник и четверг по утрам скрывалась из дома с каким-то мешком, никому не говоря ни слова. Прохор спал до обеда, и Раиса успевала вернуться до того, как он спустится в столовую.

Когда я проследила, куда она ходит, изумлению моему не было предела. Литвиновская библиотека! Да, в поселке была библиотека и даже свой клуб, а еще центр культурного развития и досуга, на дверях которого висело лаконичное и грозное объявление: «На крыльце не бухать. Сторож».

Книг бабушка не читала. Зачем ей библиотека?

Выяснилось, что вместе с другими скупающими женщинами они лепят – из глины, гипса, пластилина, папье-маше – из чего придется. Два раза в неделю бабушка Рая превращалась в скульптора. Ничего нового придумать она не умела. Зато прекрасно копировала. Ее поделками были украшены стеллажи и подоконники.

– ...Нехотя вспомнишь и время былое! Вспомнишь и лица, давно позабытые!

Какой чудесный летящий голос! Голос, просыпавшийся в Раисе лишь тогда, когда рядом никого не было. Маленькая девочка не в счет.

Но это было еще до миндаля. А в тот день мы ждали Изольду, чтобы получить орехи и испечь на какой-нибудь ужин самый вкусный на свете пирог.

И Дарницкая явилась. Распространяя вокруг тяжелый аромат своих духов, протянула пакет с миндалем. Бабушка рассыпалась в благодарностях. Изольда плавным движением унизанной перстнями кисти пресекла ее речь. «Королева, – восхищенно думала я, наблюдая за ней. – Королева в изгнании!»

И тут в кухню вбежала Женька. Сияющая, загорелая, жизнерадостная.

– Здравствуйте, Изольда Андреевна!

Отхлебнула морс прямо из горлышка кувшина, игнорируя укоризненный бабушкин взгляд.

Дарницкая продолжала:

– И вот, Рая, я говорю ему: милейший, если вы полагаете, что я любительница поделочных камней, то вы глубоко заблуждаетесь...

– Нельзя назвать человека милейшим, если не хочешь его оскорбить.

Это заявила Женька. Вытерла губы тыльной стороной руки и уставилась на Изольду.

Я в это время сидела на подоконнике и читала «Хроники Нарнии». Бабушка Рая была очень снисходительна ко мне. Иногда мне казалось, я для нее вроде кошки: прихожу когда хочу, ухожу когда вздумается, никого не обременяю своим присутствием. Такое отношение раскрепощало. Мне нравилось, что на меня почти не обращают внимания.

На Женькиной реплике я оторвалась от книги.

Изольда медленно, как черепаха, повернула к ней голову на длинной морщинистой шее.

– Выйди, девочка, – с равнодушным холодом сказала она. – И не имей дурной привычки вмешиваться в разговоры старших.

Несколько секунд Женька оторопело смотрела на нее.

– Так вот, Раиса, я говорю...

Дарницкая непринужденно вернулась к беседе. Про Женю она забыла. Понимаете, что произошло?

Женька всегда была в центре внимания. Дед подхватывал ее шутки. Дядя Юра обсуждал с ней рыбалку. Вениамин и его жена Тамара обращались подчеркнуто уважительно, как со взрослой.

А Изольда ее просто не заметила. Отмахнулась, как отмахиваются от мухи, на которую лень тратить шлепок газетой.

Никто не считается с мухами.

Женька получила не просто щелчок по носу. Двумя словами Изольда столкнула ее с иерархической лестницы, на которой Женька стояла несоизмеримо выше бабушки Раи, и отбросила к основанию, где копошилась серая масса. «Выйди, девочка!» Это обезличенное «девочка» было хуже всего: оно показывало, что старуха не идентифицирует Женьку. Для нее не существовало яркой Женькиной индивидуальности, а был только некий подросток, который мешает разговору.

Непререкаемой своей интонацией Изольда перечеркнула всю Женьку целиком и властно расписалась внизу: «Внимания не заслуживает».

Женя повернулась и молча вышла.

Изольда забыла о случившемся раньше, чем закрылась дверь. Но Женька такое оскорбление не простила бы и через десять лет.

Она не собиралась мстить, нет-нет! Но поймите меня верно: Женька готова была соблюдать лишь те правила, которые установила она сама. Чужие для нее существовали только в качестве вызова.

«Я тебе докажу, что я есть, – решила Женя. – Ты меня увидишь в полный рост, старая сволочь! Запомнишь на всю жизнь, до самой смерти!» И лучшего способа, кроме как проникнуть в святая святых Изольды Андреевны, в ее дом, так тщательно оберегаемый от посторонних, она не

нашла.

2000

– Выходим в десять! – крикнула Тамара, проносясь мимо. – Малышка, не забудь побрызгаться репеллентом!

Тишка проводила ее ошарашенным взглядом. Она только что вошла в гостиную. Ноги подкашивались, к горлу то и дело подступала тошнота. Призрак старухи с выпученными глазами маячил где-то слева и впереди.

Едва они выбежали из дома Изольды, девочка провалилась в спасительный туман. Не знала, куда они мчатся и что происходит вокруг. Очнулась лишь за старой соседской баней от того, что Женька трясла ее за плечи и по-взрослому, грубо материлась.

– ...уснула, что ли, ...?!

Тишка судорожно дернулась.

– Слушай сюда! Я иду домой первая, ясно? Ты – за мной, через десять минут. Я скажу, что была на пруду. А ты соври про лес, тебе поверят. Повтори!

– Я совру про лес, мне поверят, – механически повторила девочка. – Женья! Ты видела ее... Изольду?

На секунду ей показалось, что Женька вот-вот вlepит ей оплеуху.

– Никого я не видела, – отчеканила она. – И ты не видела.

Десяти минут Тишка не выдержала. Хотелось поскорее к маме. К бабушке Рае. Даже к Прохору!

Но едва она вбежала в дом, на нее налетела жена Вениамина.

– Какой репеллент? – ошеломленно пробормотала девочка. – Зачем?

Тамара остановилась.

– Ты забыла, какой сегодня день? Ивана Купала!

Тут-то Тишка все и вспомнила.

Идея принадлежала дяде Юре. Кажется, ему не очень нравились развлечения, которые придумывает для них дедушка Прохор. Неделю назад Юра собрал всех детей и заговорщическим тоном сообщил, что их ожидает игра. Всю неделю они должны собирать подсказки, которые спрятаны в доме, а в ночь на Ивана Купала отправятся в лес. Будет карта – настоящая, старинная! На ней отмечено место, где зарыт клад. Если они найдут его, каждого ждет награда. А нет – значит, коробка с драгоценностями

останется в земле, под корнями папоротника, что расцветает лишь раз в году.

Все увлеклись этой идеей. Особенно, к Тишкиному изумлению, Пашка. Он был слишком взрослый для такой игры, и сокровища в коробке не должны были его интересовать. А поди ж ты – носился по всему дому, выискивал подсказки и то и дело спрашивал, скоро ли можно будет увидеть карту. Дядя Юра посмеивался его нетерпению, однако Тишка видела, что оно ему льстит. Прохор постоянно твердит, что Юра скучный, как протухшая вобла. Пашка, получалось, живое опровержение.

– Не трогай! Положи на место!

Тишка вздрогнула. Это Женька кричит на Веронику. Старшая из сестер весь день после похода к Изольде сама не своя – рычит на всех, скандалит. Увидела, как Тамара выходит из бабушкиной спальни с коробкой, доверху полной украшениями, и кинулась к ней.

– Не смотри! – воспротивилась Тамара. – Будет сюрприз!

Именно она вызвалась собирать «таинственный клад». И получилось удачно. В красивую жестяную коробку из-под чая жена Вениамина сложила купленную в городе бижутерию: бусы из поддельного жемчуга, ожерелья, кулоны с цветными камешками, блестящие браслеты, притворяющиеся золотыми, а еще несколько крупных старинных ключей от неизвестных дверей и перстни – массивные, с переливающимися стекляшками: синими, алыми, ядовито-желтыми. Взрослые рассмотрели содержимое коробки и решили, что для клада годится идеально.

Женька раскричалась, что не хочет сюрприза. «Я вам не маленькая! Это для них игра, не для меня! Я сейчас хочу посмотреть! Дайте сюда коробку!»

Но коса нашла на камень. Жена Вениамина только с виду улыбочивая и приветливая. Тишка один раз случайно подслушала, как Тамара разговаривает с собственным сыном, и будь у нее шерсть на загривке, она встала бы дыбом. Слова у Тамары были черно-зеленые, хлесткие и постреливали электрическими синими искрами.

– Ничего я тебе не дам, – не переставая улыбаться, сказала Тамара. – Терпи до вечера. Найдешь клад – получишь сокровище.

Скользнула мимо бледной от ярости Женьки и ушла.

Тишке было не до клада. Перед глазами стояла черная ломаная фигура, в ушах гремело хриплое дыхание старухи. В конце концов девочка не выдержала: сбежала из дома, добралась до своей липы, где было обустроено гнездо, свернулась в развилке, как котенок, и крепко уснула.

Очнулась, когда уже начало смеркаться. Сон оказался целебным.

Жуткий призрак старухи перестал преследовать ее. Тишка немного успокоилась и решила, что обдумает случившееся завтра, на свежую голову.

А сейчас – вперед, за сокровищем!

Ночной лес шумел как море, и волны смолистого аромата накатывали на детей, бредущих цепочкой за одиноким огоньком. Впереди шел дядя Юра, неся фонарь, рядом с ним Пашка, следом Тамара и все остальные. Лелик нехотя тащился возле Тишки и то и дело прихлопывал комаров.

На тропе развернули общую карту, сложили подсказки. Казалось, деревья сверху внимательно вглядываются в перепутанные линии на пожелтевшей бумаге.

Происходящее увлекло всех, но Женька включилась в игру с особенным азартом. Если в энтузиазме Паши Тишке чудилось нечто фальшивое, то Женя как будто пыталась новыми впечатлениями отгородиться от старых.

– Смотрите, черная метка!

Метка оказалась шарфом, привязанным к сосне. На секунду Тишке показалось, что это шаль Изольды, и на нее снова накатил душный страх.

– Цветок, все ищем цветок!

– Разделяемся!

– Внимательно смотрите на свои карты!

Росистая трава, ветки, точно слепые касающиеся лиц, зеленые лапы папоротников, вспыхивающие под лучами фонариков... Тишка бесстрашно углублялась в лес, сверяясь со своей частью карты. Лелик остался где-то за спиной. Его кусали комары. Он шлепал себя по ногам и жалобно ругался на осатаневших кровопийц.

– Я нашел!

– Я тоже!

Среди стволов справа промелькнула тонкая фигурка Вероники. «Запуталась», – поняла Тишка. Лес – не ее стихия. Веронике бы в воду, где плывет туман над кувшинками и мерцают болотные огоньки.

– Вероника! Иди сюда!

Через пару минут к девочкам прибился Лелик. Они с Вероникой молча признали Тишкино главенство. Она уверенно вела их от одной метки к другой, опережая и Пашку, и Женьку. Взрослые следовали за ними в отдалении, и Тишка не видела, какими недоверчивыми взглядами обмениваются друг с другом Тамара и Юрий. Оба предполагали, что с Таниной дочкой возникнут сложности: маленькая, испугается, начнет

домой проситься... А вместо этого, похоже, вот-вот наткнется на клад.

– Цветок!

Дружный радостный вопль Лелика и Вероники подтвердил их предчувствия.

Роль папоротника играл цветущий декабрист, заранее купленный в городе. Пока взрослые подбежали к нему, дети успели ладонями расшвырять рыхлую землю.

– Вот же лопата!..

Но и без лопаты уже наткнулись на неглубоко зарытую коробку. Зажгли еще два фонаря, распахнули крышку, и в их свете содержимое засверкало как настоящие драгоценности. Дружный вздох восхищения сорвался с губ.

– Первое украшение по праву достается лучшему следопыту – Яне!

Тамара бережно достала из коробки кулон с маленьким зеленым стеклышком и повесила на шею Тишке.

– Ух ты! Красота!

– А что это за камень?

– Э-э-э... изумруд! – нашлась Тамара. Кулон, кажется, сунула в шкатулку Татьяна в последний момент, а может, и Раиса, она не обратила внимания.

Тишка не могла отвести взгляда от подарка. Волшебный!

– А можно его мне? – жадно спросила Женька. – Он к моему платью подойдет.

– Этот – нет. Но ты получишь жемчуг с морских глубин!

Женьке вручили браслет из белых пластиковых бусин и такое же колечко. Девочка скривилась.

Ключ от всех дверей забрал Лелик, Веронику одарили заколкой с «рубинами», Пашка долго колебался, но в конце концов выбрал перстень с драконом и торжественно надел на средний палец.

– Дядя Юра, смотрите!

Пока Юрий разглядывал дракона, взгляды Пашки и Тамары скрестились. Тишке показалось, что трава между ними вот-вот вспыхнет. Сын с матерью смотрели друг на друга не дольше секунды – и одновременно отвернулись.

– Янка, давай меняться!

Женька поравнялась с девочкой.

– Твой кулон – на мой браслет! И впридачу еще кольцо!

Тишка отрицательно качнула головой. Кулон был не игрушкой, а лесным подарком. Не важно, что это не настоящий изумруд, а всего лишь

стекляшка. В ней живет лес: солнечный свет над соснами, сияние росы в утренней траве. Все хорошее, что случилось с Тишкой за последние две недели, кулон вобрал и сохранил в своей зеленой сердцевине.

Женька не отставала.

– Ты его потеряешь! Дай сюда!

Тишка остановилась и уставилась на Женьку с такой враждебностью, что та замолчала.

До определенного момента Тишка выглядела милым, хотя и странноватым ребенком. Но у ее покладистости были пределы, и тот, кто натыкался на них, чувствовал себя как человек, гулявший по поляне и неожиданно врезавшийся лбом в стену.

Лес – Тишкино царство, мир ее безмятежности. Волшебная страна. Здесь отец не кричит на маму, не швыряет вещи в распахнутую пасть чемодана. Здесь мама не наставляет, как лучше понравиться деду, и не смотрит при этом такими жалкими глазами, что хочется отвернуться. И вот частичку этого мира у нее хотят отнять.

– Ладно, одолжи на время, – сдалась Женька. – Я с платьем надену и верну!

– Нет.

– Ну чего тебе стоит? Ты что, жадина, что ли?

«Это ты жадная», – мысленно сказала Тишка. В эту секунду она ясно поняла, что Женька привыкла всегда получать то, что ей хочется. В моменте присвоения чужого было для нее больше радости, чем в самом владении. «Она хочет кулон не потому, что он ей нравится и к чему-то подходит. А потому что он мой».

– Да! – отрезала Тишка. – Злая и кусачая.

Она оскалила зубы.

– Дура, – пробормотала Женька и отошла.

«Может и дура, – мрачно согласилась девочка. – Зато с кулоном».

И спрятала свою драгоценность, висевшую на цепочке, под футболку – поближе к телу.

Утром Тишку разбудили петухи и двери. Петухи голосили, двери хлопали, солнечный луч тянулся по полу, и день обещал быть не таким уж и плохим. Тишка вбежала босиком в столовую и остановилась.

Что-то было не так. Раиса всхлипывала, мать повторяла:

– Боже мой, какой кошмар... Какой ужас!

– Что случилось?

Взрослые помолчали.

– Несчастье, – наконец сказала Тамара. – Изольда Андреевна погибла.

3

Поселок дрожал, волновался и перебрасывал из конца в конец страшные подробности. Старуху Дарницкую убили и ограбили в ее собственном доме.

Тело нашел сын, и он же, как поняла Тишка из намеков взрослых, был и основным подозреваемым. Шепотки тлели и таяли. «Сигнализация у нее везде... Кто бы еще мог отключить!.. Да он ее ненавидел...»

Оказалось, что далеко не все слухи были лживы. У Изольды Дарницкой действительно хранились дома драгоценности, оставшиеся в наследство еще от той, прошлой жизни, где были выступления, гонорары и щедрые почитатели ее таланта и красоты.

Все исчезло. Старуху нашли мертвой возле двери – кто говорил, что с проломленным черепом, кто делился подробностями о ножевом ранении, которое благодаря двум свидетелям (ничего не видевшим, но обо всем знавшим) превратилось в многочисленные раны, нанесенные озверевшим преступником. Что было на самом деле, оставалось только гадать. Следователь ничье любопытство удовлетворять не собирался, а от расспросов вскоре озверел так, что сам, кажется, готов был схватиться за нож.

Тишку с Женькой тоже опросили, как и прочих детей. Незадолго до этого к Тишке, впавшей от ужаса в какое-то оцепенение, подошла Женька. Сквозь зубы процедила:

– Если спросят, откуда в доме Дарницкой наши отпечатки, говори, что была в гостях. Помогала ловить сбежавшую кошку.

Страх немного отступил. Больше всего девочка боялась именно этого: найдут отпечатки и обвинят в убийстве. Женька выкрутится, а Тишку приговорят к смертной казни. Господи, мама не переживет!

Но, кажется, смертная казнь пока откладывалась. Следователь Тишкой не заинтересовался, вопросы задавал ей формально, об отпечатках не упоминал. К тому же рядом сидела мама. При ней было спокойнее.

Всем детям запретили уходить далеко от дома. Немедленно распространились слухи, что вокруг поселка орудует банда.

Тишка молчала. Замкнулась в себе. Тролль был в доме старухи, дикое порождение земли и мрака, но рассказывать об этом она никому не станет. Ей не поверят.

В ее собственном доме, когда первое потрясение прошло, к убийству отнеслись на удивление хладнокровно. Тон задавал, конечно, Прохор.

– Удивительно, как ее раньше не пришили.

– Провоцировала! – поддакнул Вениамин.

– Нельзя своим богатством людям в лицо тыкать, – задумчиво сказал Пашка. – Доведешь их до греха.

И получил в награду за сентенцию одобрительный взгляд деда.

Глава 5

1

Янина Тишко

2015 год

Ночью мне казалось, что по дому кто-то ходит. Я знаю, старые перекрытия могут скрипеть так, что не отличишь их разговор от вздохов и стонов. Но шаги были на удивление отчетливыми.

Во сне я коротко поспорила сама с собой. Одна часть меня предлагала немедленно взять битую и отправляться выгонять вора. Вторая сонно кивала и говорила: сейчас-сейчас, вот только поспим немножко – и пойдем! Закончилось все очень просто: я вспомнила, что никакой биты у меня нет, и облегченно провалилась в сон.

Утром вокруг дома белел такой плотный туман, будто кто-то решил сварить из поселка крахмальный кисель. В комнатах застоялся сырой воздух. Я включила отопление посильнее и, ежась, полезла в шкаф.

Там пахло лавандой. Рука моя вслепую нащупала что-то в стопке вещей, и на свет показалась шаль – черная шерстяная шаль с длинной серебристой бахромой.

Я вскрикнула и отшвырнула ее с таким ужасом, словно это был гигантский паук. Шаль приземлилась в пыльном углу и оттуда тускло и угрожающе посверкивала ниточками люрекса.

Ладони у меня разом вспотели. Накатила дурнота, и я вцепилась в край столешницы. Комната поплыла, стены раздвоились и снова сошлись вместе, но что-то необратимо изменилось в рисунке обоев. Сквозь них проступили очертания горбоносого старушечьего лица, качнулись перья на широкополой шляпе, и в комнату вплыл сладкий аромат духов, вызывающий в памяти образ кучи подгнивших яблок.

Дурманящий запах, безумный, затягивающий, как воронка.

Я покачнулась и, кажется, потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, за окном по-прежнему белело тусклое молочное варево. Я подняла шаль, заодно отметив, что совершенно перестала мерзнуть, и с трудом доплелась до дивана.

Призраки являются откуда не ждешь.

Шаль, наверное, принадлежала не Изольде, а бабушке. Я сложила ее –

мне пришлось сделать усилие, чтобы заставить себя прикоснуться к ней, – и спрятала в шкаф.

Завтрак был скуден: чай и бутерброд. Анпогаки, анпогаки... Вяленая хурма не выходила у меня из головы.

Раиса могла бы наколдовать такую хурму. У нее хватило бы терпения и мять, и вымачивать, и подвешивать на веревочках. Рая любила готовить. «Любила» – неверное слово. Как многие хорошие хозяйки, бабушка неосознанно наделяла дополнительным смыслом все свои рутинные действия. Порезать яблоки, замесить тесто, обжарить лук – в этом было древнее шаманство, каждодневный заговор на благополучие и крепкую семью. В мытье полов привносился оттенок сакральности – где чисто, там и хорошо. Стирка оборачивалась магическим ритуалом: отмоется грязное, заплещутся на ветру белоснежные простыни, точно стяги. Да здравствует порядок, перед которым отступает хаос!

Чем сильнее сгущались тучи над нашей странной семьей, тем отчаяннее натирала бабушка Рая и без того блестящие половицы, тем исступленнее выпекала блины и с какой-то безумной щедростью поливала их жидким медом – словно шаман, возносящий молитвы суровому божеству, чтобы тот смилостивился, отвел беду, ублаготворенный медом, блинчиками и накрахмаленными занавесками.

Не домашнее хозяйство это было, а камлание. Никто из нас тогда этого не понимал.

Может быть, один лишь Прохор.

Но он был слишком занят.

Дед испытывал нас, как будущий владелец испытывает щенков, прикидывая, из кого вырастет самая дельная собака. Однажды он едва не перешел грань – в тот день, когда мы все отправились на берег реки и Прохор затеял швырять в воду палку. «Вы должны опередить соперников! – заявил он. – Доплыть, схватить и вернуться обратно!»

И мы плыли, хватали и возвращались, а он хохотал на берегу и хлопал в ладоши.

Но это было придумано слишком грубо, слишком в лоб. Моя мать, узнав о нашем походе, едва не ушла из дома, подняв меня посреди ночи. Прохору стоило больших трудов ее удержать. И тогда он понял, что переборщил. Он ведь не ставил целью оскорбить нас – всего лишь развлечься.

Кроме того, ему всерьез хотелось выбрать себе внука. Лучшего из всех! Такого, которого он осыплет дарами, разовьет в нем способности. А

тот продлит его славу, станет живым напоминанием о величии Тульского Зодчего.

Конечно, Прохор мог бы завести собаку. Но у собаки, даже самой умной и злой, все-таки не тот масштаб. Дрессировать человека гораздо увлекательнее.

Кое-кто из нас охотно принимал условия игры. А другие ничего не понимали и просто участвовали во всех предложенных забавах.

Лишь много позже я осознала, каково приходилось моей матери. С одной стороны, она прекрасно видела, что ее девочка – аутсайдер и в гонке за симпатию деда ей вряд ли светит победа. Но Прохор временами так явно выражал восторг моими способностями, что она начинала верить в лучшее. В конце концов, я была ловкой, крайне самостоятельной, много читала... Особенно последнее, по мнению матери, должно было подкупить деда. Как-никак писатель!

Сейчас мне смешно вспоминать об этом. В одном у меня нет сомнений: кто действительно вызывал его восхищение, так это Пашка.

У Пашки были темные жесткие волосы, крепкие скулы, хитрый взгляд. Что меня больше всего поражало (и, думаю, Прохора тоже), так это то, как такой сын мог вырасти у Вениамина с Тамарой.

Стоит мне закрыть глаза, и я вижу их: тощий Вениамин с кучей бороденкой и гибкая Тамара с тонкими руками, униженными медными браслетами. Вениамин в двадцать лет сменил фамилию и из Савельева стал Варнавиным. «Духовный практик Вениамин Варнавин» – звучит!

Еще в юности он ударился в самопознание, открывал чакры и чистил карму, долго стоял в разных не очень удобных позах на рассвете и на закате и в конце концов решил, что фамилия Савельев ослабляет его потенциал. Могу себе представить, в какое бешенство пришел Прохор. Он, конечно, выгнал Веньку и запретил приближаться к отчому дому.

Но – вот сюрприз! – Вениамину это не причинило ни малейших страданий. Любимый младший сын, обожаемый Раисой, вырос пофигистом и циником. На отцовские ценности он плевал, книг Прохора не читал, любовь его заслуживать не собирался. Венька жил в свое удовольствие. Уверена, он без зазрения совести брал деньги у матери, – дитя цветов и прочих растений, включая коноплю.

Рассорившись с отцом, он уехал в Питер и обосновался там. Хипповал, бродяжничал, просветлялся. Набрал учеников. Разогнал учеников. Проходил подозреваемым по какому-то мутному уголовному делу. Открыл свою школу, куда набирал беременных женщин и учил их впитывать дыхание земли. Когда беременные отрожали, создал группу для похудения

после родов – в общем, довольно грамотно вел дела.

Одно время Варнавин подсел на наркоту, но потом ему встретилась Тамара, и ее гибкие змеиные руки обхватили его очень крепко. Как дедка, бабка, внучка, Жучка и кошка вместе взятые, она выдернула эту репку из гнилой ямы.

Через год они поженились.

Тамара называла себя художницей. Не припомню, чтобы хоть раз видела ее рисующей. Но у них обоих, как у многих бездельников, была крепкая практическая жилка, подсказывавшая, на каком из окрестных деревьев растут питательные бананы. Тамара красила волосы хной, рисовала на себе индийские татуировки, ходила босиком по росе и ставила на лбу бинди. Много курила, носила просвечивающие юбки-марлевки, звенела браслетами и потрясаясь двигалась.

Когда я увидела ее в первый раз, то подумала, что это женщина-змея. Плавность ее движений была невероятной. Тамара не шла, а перетекала из точки в точку всем своим гибким худым телом.

Надо сказать, Венька, несмотря на то что напоминал тощий бурдюк с костями, тоже отличался пластичностью движений.

А еще обладал даром убеждения. Разумеется, он был пустослов. Но, во-первых, пустослов неглупый, то есть понимающий, кому можно предлагать по дешевке его набор жизненных истин, а с кем рядом лучше промолчать. Великое умение! Во-вторых, в его интонациях таилось что-то невероятно убедительное. Будь эта способность развита в Вениамине сильнее, я бы сказала, что он без пяти минут гипнотизер. Но, к счастью для окружающих, природа одарила его не слишком щедро, иначе группа «Путь Варнавина» насчитывала бы не триста человек, а триста тысяч.

Чем они занимались, толком никто не знал. Тамара рассказывала об их путешествиях по Средней Азии, по местам «силы». Маленького Пашку они сначала возили с собой, потом стали оставлять у друзей или особо приближенных учеников. Поездки за них оплачивали другие. У Тамары с Венькой всегда получалось устроиться так, что им кто-нибудь помогал. При этом обучение в школе Варнавина стоило немалых денег.

В целом эти двое жили как птицы: не пахали, не сеяли и снесли за всю жизнь одно яйцо, из которого вылупился мальчик Паша.

К деду с бабушкой его, как и меня, привозили последний раз совсем маленьким. Я нашла фотографию в альбоме. Тогда у Павлуши ещё были светлые, в отца, волосы, толстые щеки, подобающие трехлетнему человеку, и круглые вопросительные глаза.

Поразительно, что при таких родителях он вырос в цепкого, хитрого

парня, внешне простоватого, почти деревенского, но всегда себе на уме.

А может, в этом и нет ничего странного. Игла нырнула на изнаночную сторону, протянула стежок в одно поколение и вынырнула снова, чтобы черты деда запечатлелись во внуке.

Мне вспомнились шаги, звучавшие ночью в мансарде.

– Надо установить лимит на призраков, – пробормотала я и пошла к лестнице.

Одна комната, вторая. Я отпирала двери, и меня встречала пыль и запах старого белья. Здесь царило запустение. Конечно, Раисе под старость было не под силу прибираться наверху. Вряд ли она вообще поднималась сюда.

Третья дверь отказалась распахиваться. За ней находилась комната, некогда стоявшая пустой – та самая, из окна которой я выбиралась на крышу. Я надавила еще раз. Повернула ключ и убедилась, что замок открыт. Рассердившись, толкнула сильнее. Дверь неожиданно подалась, словно ее дернули изнутри, и я едва не упала.

Комната была загромождена какими-то заклеенными скотчем коробками. Сбоку валялся матрас, а прямо передо мной стояла, кутаясь в длинный серебристый пуховик, моя двоюродная сестра Женя.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

– Холодно тут у тебя, – нарушила молчание Женька.

Я обвела взглядом комнату. Вещи грудой на стуле, две старые газеты, пара кроссовок...

– Завтракать пошли, – сказала я. – Там еще бутерброды остались.

Пока Женька ела, я украдкой разглядывала ее.

– Что, постарела? – хмыкнула Женька, не отрываясь от чашки с чаем.

Я мысленно посчитала, сколько ей сейчас. Двадцать девять.

Многие в этом возрасте выглядят девчонками. Женька производила впечатление зрелой женщины. Ее дерзкая красота никуда не делась, но почему-то не обрела законченности. Та же короткая стрижка ступеньками, карие глаза с золотыми искрами, четкий рисунок губ. «Легко представить ее кинозвездой», – подумала я. Звездой, которая не прошла кастинг.

– Рассказывай, – попросила я.

– Что рассказывать?

– Слушай, не прикидывайся. Что ты здесь делаешь?

Женька передернула плечом. Это тоже был жест из прошлого.

Забавно – я чувствую себя так, будто это Женька застала меня в своем доме, а не наоборот.

- Живу я тут, – вздохнула она.
- Живешь, – кивнула я. – Ага. Давно?

Женька сначала доела бутерброд и лишь потом согласилась посвятить меня в подробности.

Она сдала свою квартиру. Ей нужны были деньги: она в очередной раз потеряла работу – то ли ее сократили, то ли уволили, я не вдавалась в детали. Раисе требовался уход, и Женька рассчитала, что старушка протянет не меньше года. Предприимчивый ее ум подсказал, что год простоя квартиры – неоправданная роскошь в ее положении.

А Раиса возьми да умри раньше.

Женька оказалась в неприятной ситуации.

– Я договор с ними подписала. Обязалась предупредить о выселении за два месяца. Иначе с меня штраф!

– Большой?

Судя по тому, как Женька скривилась, денег этих ей было жаль.

– Да и нехорошо выгонять людей из жилья, не дав им времени найти новую квартиру, – вслух подумала я.

Она удивленно глянула на меня, словно эта мысль не приходила ей в голову.

– Короче, два месяца, – вздохнула она.

– А сколько уже прошло?

– Ну, когда Раису похоронили? Три недели назад. Вот считай...

– И ты месяц собиралась здесь жить?

– Я надеялась, что ты не приедешь, – невозмутимо ответила Женька.

У меня рвался с губ вопрос: «А вот я приехала – и что теперь?», но задать его я не успела. В дверь позвонили.

– Никуда не уходи, – глупо сказала я.

На крыльце стоял парень лет тридцати, с рюкзаком, в тонкой шапочке. Невысокий, с приятным лицом. Кажется, про такие принято говорить – интеллигентное.

При виде меня он стащил шапочку, и два розовых уха освобожденно распахнулись мне навстречу.

– Лелик? – ахнула я.

– Здравствуй, Яна.

Пока они обустроивались в своих комнатах, я закрылась на кухне и принялась вдумчиво варить кофе. Не люблю этот напиток. Но меня успокаивает запах молотых зерен и сам процесс.

Мне нужно было подумать.

Уже двое из нашего семейства после смерти Раисы оказались в ее доме. Трое, считая меня.

И ведь Женька не слишком удивилась, когда увидела Лелика. Вот будет забавно, если следом за ним явится ее младшая сестра. Интересно, кто вырос из маленькой русалки?

Лелик изложил цель своего визита сразу же и выглядел искренним.

– У меня издательство. Маленькое. Пока! – он улыбнулся. – Мы выпускаем в том числе молодых прозаиков. Ты знаешь, что Прохор продвигал тульских ребят?

Я покачала головой. Нет, меня никогда не интересовала деятельность Зодчего.

– В Туле жил один парень, Даня Кузнецов. Очень талантливый. Он уже умер, к сожалению. Мы хотим издать сборник. Часть рассказов обнаружилась в его архиве. Кузнецов не признавал компьютерную печать, все тексты писал от руки в тетради. Его мать рассказала, что две таких тетради он отправил Прохору.

– И ты хочешь их найти?

– Если ты позволишь. Пожалуйста! Кузнецов ужасно крутой! – Лелик умоляюще сложил руки. – Готов написать на сборнике, что он вышел исключительно благодаря Янине Тишко.

Я улыбнулась и покачала головой:

– Посвящения не надо. Ищи своего Кузнецова. Хотя здесь столько хлама, что не знаю, как ты собираешься откопать в нем две тетради.

Лелик так явно обрадовался, что у меня потеплело на душе – первый раз с того момента, как я переступила порог дома.

Впрочем, теперь он был не Лелик, а Алексей. Уверенный в себе парень с внимательным взглядом.

В отличие от Женьки, он занял ту же комнату, где жил пятнадцать лет назад. Я постучалась и поставила на стол чашку с кофе.

– Почему ты раньше не приехал? Пока жива была Раиса.

Если мой вопрос и застал его врасплох, он ничем этого не выдал.

– Я всего пару месяцев как узнал о Кузнецове.

– А, ясно.

Я повернулась, чтобы выйти.

– Яна!

– Что?

На долю секунды мне показалось, что он колеблется, собираясь мне что-то сказать. Что-то важное.

– Спасибо за кофе! – улыбнулся Лелик.

Глава 6

2000 год

1

– Ты Яну не видел?

Татьяна пересекла поляну и остановилась перед Юрой, сидящим в гамаке с книгой.

– С девочками играет, – не задумываясь, ответил тот.

– С нашими?

– Ага.

Он был совершенно уверен в своих словах. Девочки действительно всего час назад бегали вокруг, мельтешили, мешали ему сосредоточиться. Их было так много! Двое подростков, по убеждению Юрия, никак не могли создавать столько шума и суеты, так что он безотчетно приписал к двум раздражающим фигуркам третью.

Татьяна немного успокоилась.

– Самостоятельная. – В голосе ее звучала сложная смесь осуждения и гордости. – Все время что-то исследует. – И без перехода спросила: – Юра, зачем ты здесь?

Он отложил книгу, поднялся, внимательно глядя на нее сверху вниз.

– С нами-то все понятно, – добавила Татьяна. – А вот тебя каким ветром занесло?

Он усмехнулся. Танька не меняется. Короткая стрижка, мужская линия подбородка, губы всегда плотно сжаты, словно кто-то может потребовать выдать военную тайну – и тут-то Танька покажет свой стойкий характер. Женщина с лицом военнопленного.

– Сразу к делу переходишь?

– А чего тянуть, Юр? Давай, выкладывай!

Он собирался ответить честно, потому что из всей его родни, пожалуй, только Татьяна заслуживала правды. Юра всегда уважал ее и немного жалел. Уважал – потому что она была из породы атлантов и всю сознательную жизнь удерживала на плечах тяжеловесный мир. Жалел – по той же причине и еще из-за того, что понимал, насколько людям ее характера не дается благословенное умение жить легко. Он и сам был из таких, из трудяг-муравьев, и своих определял с лету.

Вот Венька с Тамарой – легкие. И Людка легкая, хотя внешне и выглядит как баржа в кудряшках. А им с Татьяной не судьба танцевать дивный стрекозиный танец, даже вздумай господь снабдить их парой прозрачных крыльев. Они и с крыльями примутся таскать тяжести и делать запасы на зиму. Потому что первичными для муравья являются два чувства: страх и ответственность.

Вот в чем главное отличие от этих, из племени стрекоз. Стрекозы – они непуганные.

– Все очень просто... – начал он.

И тут из кустов вывалился Вениамин.

Татьяне, смотревшей на Юру, показалось, что на его лицо при виде брата с лязганьем упало железное забрало. Она внутренне поморщилась. Дрянная все-таки вышла тогда история с Гектором...

– О-о, благородное собрание! – широко заулыбался Венька. – Что обсуждаем, кому кости перемываем, какие строим козни? Сознавайтесь!

– Увидимся, Тань, – сухо сказал Юра.

Провожая уходящего брата взглядом, Вениамин поцокал языком:

– Как у него корона на голове держится, объясни мне, Танюха? Ей же нимб мешает!

«Начинается», – подумала Татьяна. Но оно никогда и не заканчивалось. Просто из некоторых воспоминаний потоком времени вымывает насыщенность цвета; краски тускнеют, переживания блекнут и остаются в памяти лишь словами, не чувствами. Как ярлычки на коробках, в которых давно уже нет содержимого: высохло или растворилось.

А потом вдруг эту коробку вытряхивают тебе на голову и оказывается, что она полным-полна грязи и седой собачьей шерсти.

– Веня, вы большие мальчики. Разбирайтесь без меня.

– Боже упаси, никаких разборок! – рассмеялся он. – Шучу я, Танечка, шучу! Или ты от Юрки заразилась невосприимчивостью к смешному?

– Угомонись.

Вениамин перестал улыбаться.

– Ты тоже считаешь, что тогда с Гектором была моя вина?

Удивительно, как ему это удается: неприятным голосом говорить до того проникновенно, что и не хочешь отвечать, а все равно ввязываешься в разговор. Видимо, сказывается опыт общения с паствой или кто там у него.

– Какая разница, что я считаю! – Татьяна все-таки разозлилась. – Не нужно впутывать посторонних в вашу историю!

– Посторонних?

От веселого удивления в его голосе ей стало не по себе.

– Ну что за глупости, – пожурил Вениамин. – Посторонние, Танюша, в этом королевском забеге не участвуют.

– Почему в королевском?

– Норвежский писатель Асбьёрнсен. Написал сказку про кроликов. – Вениамин прикрыл глаза и продекламировал: – «Пастух свистнул разок в дудочку, и все зайцы сбежались на лужайку, да еще и выстроились рядами, как солдаты на параде»^[1].

Он открыл глаза и глянул на нее с насмешливой пронизательностью.

– Если ты шагаешь строем и бьешь в барабан, не притворяйся зевакой. Или решила сменить амплуа и записаться в идиотки? Так это место занято Людой. Не сбрасывай ее с пьедестала. У тебя-то выбор есть, а ей больше некуда податься.

Подмигнул и пошел, виляя тощим задом.

Татьяна опустилась в кресло, которое занимал Юра. Настроение было испорчено безвозвратно.

– Говорит, сказка про кроликов, а сбежались-то зайцы, – вслух сказала она.

Но мысль об ошибке Вениамина не принесла утешения.

«В любой момент я могу уехать». Собственно, прямо сейчас и стоит это сделать, не откладывая в долгий ящик. Дождаться дочь, сообщить Прохору, что срочно вызывают на работу, – и бегом на электричку.

Он, конечно, после такого демарша вычеркнет ее из списка живых, но зато...

– Татьяна!

Она вскинула голову, глядя, как он идет по тропе: подпоясанная белая рубаха, в руке коса. Не будь Татьяне так тошно, она бы рассмеялась. Косит, значит. И даже ясно под кого. Под Льва Толстого косит Прохор Савельев, причем под Толстого времен Ясной Поляны. Мало ему нынешней славы Тульского Зодчего! Хочется масштабных ассоциаций и таких параллелей, чтобы дух захватывало. И дом себе поставил – не дом, а декорации к бытию великого писателя земли русской. И жену выбрал – кроткую, бессловесную, глупую, зато красивую и с русой косой до пояса (уж не по косе ли выбирал? фотогенично, и потомки будут ахать и восхищаться). И всячески утверждает себя в памяти свидетелей как могучего старика, эдакий столп современной литературы, мастодонта, силищи необыкновенной и пронизательности нечеловеческой.

«И ведь верят, вот что страшно».

Татьяна смотрела исподлобья, как Прохор идет к ней, и думала, что помри он сегодня – и завтра соседи начнут рассказывать о нем легенды. Да

что там, он уже сейчас воплощенный миф.

Но ведь и в самом деле могуч. Даже на расстоянии чувствуется, какая от него исходит сила. «Мы рядом с ним кажемся безжизненными сопляками, – подумала она. – Все, кроме детей. У них энергия по другой шкале измеряется, не в его единицах».

– А что это ты от всех спряталась? – мягко пожурил Прохор.

– Разве спряталась? – через силу улыбнулась она. – Просто тихо здесь. Хорошо.

«Сказать про отъезд, сказать сейчас же!» Она открыла рот, чтобы соврать о работе...

– Скучно тебе у нас, Танюша? – неожиданно спросил старик. – Маешься, котенька моя?

Татьяне показалось, что ее ударили под дых.

Вот так вот. Умом все понимаешь, а все равно к горлу подступает ком. Как будто тебе снова пять лет, и мама наказала, а ты бежишь к дяде Прохору, который хватает, подкидывает в воздух, целует в нос, обещает пряники и карусель, а пока тихонечко от мамы возьми-ка «Школьную» в клетчатой синей обертке, да спрячь, дурочка, спрячь! съешь за баней, вот и умница... ну беги, котенька, беги...

Десять лет спустя: кладбище, снег, от могильщиков разит перегаром, и на всю жизнь у Татьяны этот запах станет ассоциироваться со смертью. За спиной шепоток вьется поземкой: «– ...двух девок... – ...а вторая где? – Вон, с Раей... – ...никого не щадит... – ...и не говорите, ох, какое горе... – ...поздно нашли, а я всегда повторяла, что...»

Грузная фигура проступает из снеговой завесы. Одним взглядом Прохор изгоняет глупых жалельщиц и наклоняется к ней. «Ничего, котенька, ничего». Тяжелая рука на ее плече – как якорь, не позволяющий шторму вырвать корабль из порта и утопить в ледяном море.

Вот так: одно слово, и в тебе снова оживает то, что казалось давно отмершим.

Татьяну охватила жалость. Старый ведь он, Прохор. Ей впервые пришло в голову, что он наверняка болеет, в его возрасте и без болезней – это фантастика. Только никому не признается. Может, потому и собрал всех своих, потому и детей упросил привезти. Все хорохорится. С косой рассказывает!

Сколько он уже не писал? Последняя книга вышла пять лет назад. С тех пор занимается только чужими рукописями, привечает каких-то неряшливых юнцов, пристраивает странные их повестушки на публикацию.

Цельми днями расхаживает по саду с реквизитом в руках, притворяется, что занят делом. Играет в хозяина земли, если не в бога – с него ведь станется, с замахом и амбициями у него всегда все было хорошо! Глава семейства, патер фамилиас. Но и это ведь ложь. Никогда вокруг него не было многочисленного клана родни. Всех разогнал, включая собственных сыновей. Веньке-то хоть бы хны, он сам для себя солнце и звезды. А Юрка до сих пор искалечен этой отцовской нелюбовью. Впрочем, старшему сыну Прохора Савельева ударов судьбы хватало и без отца.

– Вовсе я не маюсь, – бодро сказала Татьяна. – Работается мне здесь хорошо. Янка счастлива, поправилась на два кило. Не выдумывай!

Призрак электрички помахал длинным хвостом и растворился вдалеке.

Она, размякнув, встала, поцеловала Прохора в лоб и сама почувствовала, каким правильным был этот внезапный и несвойственный для нее порыв.

– Про Яну я и хотел с тобой поговорить. Слушай, она у тебя плавать умеет?

– Умеет...

– Вот и славно! – кивнул Прохор. – На реку пойдем завтра. Хочу ребятишек развлечь, а то от вас с Юркой и Веником проку, как от ишаков на скачках. Так что готовься, мамаша: дитячко твое узреет великого Нептуна!

Ответно с громким чмоканьем поцеловал ее в лоб и размашисто перекрестил, явно издеваясь.

– Хорошо, что ты удержишься! Повеселимся, а, Танька?

Глядя ему вслед, Татьяна подумала, что она, кажется, временно спятила. На нее напал темный морок, искажающий образы и стирающий из памяти числа. Какая еще старость? О чем она думала, упиваясь собственной сердобольностью? Ему шестьдесят пять лет! И коса у него – не реквизит, а самый что ни на есть рабочий инструмент. Достаточно вспомнить свежескошенное поле за баней.

Повеселимся, значит...

2

– Мам, давай уедем.

Татьяна удивленно обернулась к дочери. Тишка стояла на пороге и ковыряла пальцем трещину в косяке.

– Почему? Тебе здесь не нравится?

Девочка помолчала.

В Литвиновке хорошо. Дом по ночам поет и рассказывает сказки. Лес шумит, радуясь ей.

– Нравится, – выдавила она.

– Тогда в чем дело?

Дочь не отвечала.

– Тебя кто-то обидел?

Тишка удивленно подняла глаза. Кто ее может обидеть?

– Тогда я не понимаю, что за капризы, – резче, чем следовало, сказала Татьяна.

Господи, сколько можно! Она из кожи вон лезет, старается, и не ради себя, а ради ребенка. Но этот ребенок сам не знает чего хочет.

А ведь Прохор определенно симпатизирует Янке. За завтраком похвалил ее наблюдательность. Вчера лично выбрал для нее книгу из своей библиотеки и подсунил со словами: «Прочитай, потом обсудим». Никому из внуков он такого не предлагал.

– Это из-за смерти Изольды Андреевны?

– Нет.

– Черт возьми, Янина! Или объяснись, или перестань трепать мне нервы!

Тишка молча шагнула назад и исчезла.

Как объяснить предчувствие, что готовится что-то плохое?

Сначала она тоже думала, что все дело в Изольде. Что делала Женя, пока Тишка оставалась в комнате с мертвой лисой и живыми котами? И почему старуха оказалась дома, хотя должна была уйти?

Но вскоре стало ясно, что причина совсем в другом.

Девочка взбежала по лестнице в мансарду. Под крышей было огромное пространство, разбитое на четыре комнаты. Теперь-то она знала, что в самую первую ночь стучалась в дверь, которая вела в кабинет Прохора. Эту комнату называли лабораторией. Дед изредка брал фотокамеру и уходил бродить по поселку. Вернувшись, запирался наверху: проявлял, печатал, сушил снимки. Доступа туда никому не было. Там же он изредка работал, хотя компьютер стоял в гостиной, на видном месте, в окружении исписанных листов, которые, кажется, много лет никто не трогал.

Еще две верхних комнаты заперты. Бабушка говорит, там хранятся старые вещи. Ключ от них есть только у Прохора.

А одна стоит пустая. Из нее собирались сделать бильярдную, но дед передумал, и теперь она открыта: хочешь – танцуй, хочешь – спи. Привлекала Тишку не сама комната, а скат крыши, на который можно было выбраться из окна. Внизу малинник, сверху солнце: лежи себе и грейся как

ящерица.

Тишка перелезла через подоконник и растянулась на теплом ребристом шифере.

Нет, дело, определенно, не в Изольде. С ее смерти прошла уже неделя, и каждый новый день смывал волной страшные воспоминания.

Дело в Пашке.

Девочка сама не могла бы объяснить, откуда в ней эта убежденность. Но она многое бы отдала за то, чтобы сын Вениамина и Тамары не появлялся в Литвиновке.

Взрослые его любят. Пашка умеет нравиться. Перед Прохором крутится на турнике и бесстрашно прыгает с обрыва в реку. Дед ценит силу и радуется: «Настоящий мужик растет».

Дяде Юре предан, как сеттер хозяину. Каждый день на рыбалку с ним ходит с раннего утра. И вечером ошивается возле Леликового отца, забыв про собственных родителей.

Тете Люде и Тишкиной матери ненавязчиво помогает. Тут стул перенесет, там поможет землю в малиннике рыхлить. Милый, улыбчивый, скромный. Трудяга, но при этом не дурак.

Славный парень.

Ох, как же этот славный парень не нравился Тишке!

Время от времени она ловила на себе изучающий взгляд темных глаз. Пашка к ней присматривался. Оценивал. Прикидывал, каковы ее шансы понравиться деду.

Женька тоже все прекрасно понимала. Но она сама из победителей, ее Пашкины игры только забавляют.

Вероника, кажется, вовсе его не замечала. Скользнет по нему сонным взглядом – и плывет себе дальше.

А вот с Леликом дела обстоят паршиво.

– ...Не лезь к моему отцу!

– А то что?

– А то врежу.

Тишка, лежавшая на крыше, тихонько ахнула.

– Ушами нахлопаешь? – засмеялся Пашка. – Вали отсюда! Воин...

Девочка подползла к краю и осторожно высунула голову. Стоят возле малинника друг напротив друга: тщедушный светлоголовый Лелик и коренастый Пашка в своей кепке.

– Думаешь, я не понимаю? – голос Лелика дрожит, но не от страха, а от злости.

– Чего?

– Ты подлизываешься. Ко всем! К папе моему!

– Я твоего батю исключительно уважаю! – протянул Пашка. Издевательские интонации в его голосе сменились почтительностью. Переход был такой резкий, что сама почтительность эта прозвучала еще большей издевкой. – Хороший он человек! Побольше бы нам таких, глядишь, и все в стране пошло бы на лад...

Ерничает, поняла Тишка.

– Я скажу отцу, кто ты такой, – осипшим от волнения голосом пообещал Лелик.

Пашка почесал затылок.

– А кто я такой? – простодушно осведомился он. – Расскажи и мне, что ли.

– Врун ты, вот кто!

– Да брось! Кому я соврал?

– Всем врешь! Отцу – что тебе рыбалка нравится!

– Очень нравится. Как приехал сюда, полюбил ее всей душой. И отца твоего полюбил.

– У тебя свои родители есть! Их и люби.

Пашка помолчал.

– Я бы рад, – доверительно сказал он. – Только душа у меня уж больно широкая. Все в нее помещаются. А ты папку не жалей, не жалей. Его на всех хватит. И на меня, и на тебя... Хотя тебе-то, конечно, немного достается, но тут уж ты сам виноват...

Лелик сжал кулаки и пошел на противника. Тишка перевернулась, съехала на животе, уцепилась за водосток и спрыгнула вниз.

– Ого! – Пашка от неожиданности даже попятился. – Телки с неба падают!

Девочка схватила Лелика за руку.

– Не дерись с ним! Он тебя же выставит виноватым!

– Плевать!

– Да пусть дерется, – посоветовал Пашка. – Лишь бы не обосрался. Вони будет...

Тишка оттащила Лелика, который набычился и рванул вперед.

– Стой!

– Отпусти! Я ему врежу!

– Ты что, не видишь – он этого и добивается!

Лелик немного пришел в себя. Заморгал, словно очнувшись, и перевел на Тишку недоумевающий взгляд.

– А я ведусь, да?
– Ведешься! – кивнула Тишка. – Как дурак!
– Скучно с вами, детки, – огорчился Пашка. – Ладно. Бывайте.
Подмигнул и вразвалочку почесал к калитке.
– Он знает, что папа собирается взять на воспитание ребенка.
До Тишки не сразу дошло, что сказал Лелик.
– Что?!

Мальчик устало потер переносицу.

– Они с мамой всегда хотели двоих детей.

Он запнулся и с сожалением посмотрел на Тишку.

Вот как ей объяснить? Нет, она хорошая. И смешная! Мышам разноцветные ленточки повязала – говорит, чтобы различать их. Но она и представить не может, каково это – жить с отцом, который вознамерился совершить добрый поступок. Последние три месяца только об этом и твердит. «Алексей, ты взрослый! Алексей, ты поймешь!» Сначала искал в детских домах маленьких детей, а потом уцепился за идею взять уже подросткового пацана. Осчастливить его, значит. Дать ему все. Лелик с ужасом ждал того дня, когда отец приведет в дом чужого парня, от которого будет пахнуть казенным бельем, и скажет: «Вот тебе братик, Алексей! Люби его и уважай».

«Тебя на одного-то не хватает! – мысленно орал на отца Лелик. – Вечно пытаешься заставить меня участвовать в том, что тебе нравится! Рыбалка эта! Походы байдарочные! Хоть бы раз в жизни сделал то, что хочется мне, а не тебе!»

Хотелось простого: чтобы отец принадлежал ему одному. Нет, если женщину соберется завести – пусть. Про такое Лелик знал и не то чтобы одобрял, но не противился. Только не другого мальчишку! «Он ведь памятью о маме только прикрывается. А сам ищет мне замену. Потому что я неудачный. Бракованный».

И тут – Пашка! Идеальный сын.

– Чего ты несешь?! – прошипела Тишка и от злости даже толкнула Лелика в плечо. – Совсем спятил? У Пашки мать с отцом есть! Он же не сирота!

– Пока нет.

Тишка поперхнулась на полуслове.

– Что?

– Пока не сирота, – отчетливо повторил Лелик.

Девочка хватанула воздух ртом.

– Пашка, он ведь расчетливый, – задумчиво сказал мальчик. – Вдруг с

его родителями что-нибудь случится! А тут готовая замена.

– Что? Что с ними может случиться?

– Мало ли. Смертельная болезнь. Или тормоза у машины откажут.

– Какой машины? – крикнула Тишка. – У них нет машины!

– Вот именно. А у папы есть. «Ауди». И Пашка это отлично сечет.

Тишка хотела сказать, что Лелик совсем свихнулся, надо ему больше на свежем воздухе бывать... Но мальчик уже ушел.

3

Прохор запер дверь на два оборота ключа. Дети шныряют повсюду! Что поделаться, издержки его развлечения. Пару раз ему казалось, что кто-то подсматривает, и он шел проверить. Но всякий раз темнота не скрывала в себе ничего, кроме пустоты.

Но что еще хуже – кажется, кто-то рылся в его вещах. Книги на полках стоят не в том порядке. Бумаги, грудой лежавшие на столе, сдвинуты.

– Или старею, паранойя догоняет? – вслух спросил он себя.

Нет, не стареет. Фору даст обоим сыновьям. Во всем.

С одной стороны, обидно. Слабовато его семья.

С другой, он все-таки нашел выход. Не в детях обретет продолжение, так во внуках.

Это Райка испортила его кровь, развела ее своей жиденькой трусливой водицей. Юрка получился болезненный, его Прохор и за мужчину не держал. Что это за Савельев, который от цветов кашляет, от березы чихает! Порченный.

А второй сын уродился хоть и веселым, но безвольным. На все ему плевать. Ни честолюбия, ни амбиций, а мужик должен хотеть весь свет завоевать! Все города сжечь, всех баб перетрахать! Вот тогда он – настоящий, а не пальцем деланный.

В дверь поскреблись.

– Заходи, – сказал Прохор.

Потом вспомнил, что сам же запер ее на ключ.

Он впустил человека, стоявшего снаружи, и внимательно оглядел лестницу.

– Тебя никто не видел?

Гость покачал головой.

– Раздевайся.

Шорты, рубашка, носки, трусы... Прохор скользнул взглядом по

обнаженной фигуре, задержался на плоском животе...

– Ложись.

Подготавливая все к предстоящему действию, он снова чуть не забыл про дверь. Ключ щелкнул дважды. В последний момент Прохор едва удержался от желания еще раз выглянуть наружу и проверить, не стоит ли кто на лестнице.

Все-таки старый стал. Мнительный.

– Кто-нибудь догадывается, что ты здесь?

Человек, лежащий нагишом на кровати, отрицательно качнул головой.

– Скажешь кому, убью, – спокойно пообещал Прохор. – Ты меня знаешь. И кстати, больше по лестнице не приходи. Только через чердак.

Он все приготовил и включил лампы.

Мысль о собственном дряхлении засела в голове.

– А я ведь баб всегда любил, – доверительно сказал он. – И бабы всегда меня любили. Умные, красивые – всякие. А живу с дурой Райкой. Знаешь почему? Она под меня создана, как вот дом этот или сад. Знает, когда водочки подлить, когда помолчать, когда сказать. Все привычки мои помнит до муравьиной мелочи. Я себе ерундой голову не забиваю, для ерунды у меня Рая есть. А с другой бабой что? Ну, любовь. Любовь молодым хороша, им все равно больше делать нечего, да они ничего и не умеют. А тем, кто умеет, нужно другое.

Он подошел, сел на край дивана. Заглубевшим пальцем провел по атласной щеке.

– Боишься? Правильно! Меня и нужно бояться.

Он удовлетворенно погладил узкое плечо.

– Я ведь с тобой что хочу сделаю. Захочу – раздавлю. Захочу – возвышу. Главное, слушайся меня. И молчи.

Лежащий на кровати человек покорно кивнул. Он и без того не проронил ни слова, но Прохор, казалось, этого даже не заметил.

– Вот и молодец, – он потрепал гостя по щеке. – А теперь потерпи. Это будет долго.

Глава 7

2000 год

1

Пирог с миндалем получился горьким. То ли орехи оказались испорченными, то ли прогоркла мука, но корж оставлял на языке отчетливый привкус полыни.

Раиса квашней расплылась на стуле. Плохой пирог – это больше, чем неудача. Это предупреждение. Одни гадают на кофейной гуще, другие читают будущее по линиям ладони, а она – по еде. Единственное, что всегда выходит таким, как она задумала, это ее стряпня. Идеальное совпадение замысла и результата.

И вот – горький миндаль.

Раиса бы взвыла в голос, если б умела, но громко плакать она боялась и лишь тоненько захныкала. Беда приближается к их дому. Сначала Изольда, теперь пирог... События эти имели для Раисы равное значение. Смерть Дарницкой не взволновала ее сама по себе. Но она была отчетливым предвестником несчастья. Что-то дурное творится в тихом мирке их поселка, если по соседству с тобой убивают людей. И совсем все идет наперекосяк, если из твоих рук вышел горький пирог.

И ведь не расскажешь никому, поднимут на смех.

Думаешь, соль просыпалась – это ерунда? Разбилась тарелка, тесто не поднялось, в варенье попала косточка – случайности?

Это пророчество. Твой мир, который ты лелеешь и оберегаешь, говорит с тобой на понятном тебе языке. Слушай его, если хочешь жить в этом мире.

Раиса не умела молиться. А если бы умела, обращалась бы не к небесам, а к духовке.

– Рая! Ты что, плакала?

Люда стоит в дверях, таращится недоуменно.

– Да что ты! Просто лук терла!

– А-а-а... Ну ладно. Слушай, Веронику не видела?

Как не видеть, видела. Узкое кухонное окно выходит в сад, из него соседский дом – как на ладони. Живут там двое: отец и сын, иногда к ним наезжает мать. Мальчику восемнадцать, он студент. Отцу, Илье Сергеевичу,

чуть за сорок.

Вчера Раиса мыла посуду, подняла глаза и заметила младшую дочь Людды на крыльце рядом со студентом. И не просто рядом...

Щеки опалило жаром стыда. Рая задернула занавеску, отскочила, заморгала, словно надеялась вычистить подсмотренное из глаза, как соринку.

Ночью ворочалась, страдала. С кем поговорить? С Вероникой – бессмысленно. С мальчиком? Еще хуже выйдет! Не объяснять же ему, что она девочка совсем, тринадцать лет, ну куда это годится... Решила, что обратится к Илье Сергеевичу и все расскажет. Пусть сам со своим сыном разбирается и объясняет, что можно, а что нельзя.

А нынче утром вышла в сад нарвать мяты к чаю, рано-рано, когда еще туман поднимался от земли. И возле приоткрытой калитки увидела двоих. Девочка стояла, не сопротивляясь и не двигаясь, точно статуя, а мужчина обнимал ее и пытался целовать. Широкое красное лицо, борода лопатой...

Раиса остолбенела. Господи, да что здесь творится?

Она прислушалась.

– Уходи, – хрипло просил Илья Сергеевич, отец соседа-студента. – И чтобы я тебя больше не видел!

В голосе его звучало страдание. И руки он расцепил с таким усилием, словно их сковали вокруг тонкого белого тела.

Девочка молча отступила и исчезла в тумане, не сказав ни слова.

... – Рая! Ты о чем задумалась?

– А? – Раиса вздрогнула. – Нет, Люда, не видела я Веронику. Ищи сама.

2

Больше всего Лелик любил рисовать птиц. Чем неярче птичка, тем лучше. Вглядываешься в нее, маленькую, неказистую, и вдруг словно второе зрение открывается: начинаешь видеть за этой неброской оболочкой такую красоту, что дух захватывает. Столько оттенков серого! От пыли землистой до речного серебра. А каштановые шапочки, а тончайшей прорисовки ореховые перышки на грудке! А переходы мастерские от акварельной прозрачности до маслянистой черноты!

Лелик не знал, существует ли бог, но был уверен: если он есть, то он – художник.

Когда рисуешь, как будто заново создаешь чудо. Оно не исчезнет

больше, останется с тобой, и пока ты способен водить карандашом по бумаге, его у тебя не отнимешь. Может умереть мама. Отец не захочет разговаривать с тобой. Но за грифелем по шершавой поверхности тянется контур перышка – и рождается птица, а с ней целый мир.

Рисовать лучше всего лежа на подоконнике. Напротив окна – слива. Днем ее облюбовали зеленушки, а по утрам прилетают малиновки с огненными грудками. Пара этих сказочных птичек распевается с восходом солнца. На их оливковых спинках взъерошенные перья, серые брюшки пушисты, как у котят. Жаль только, что далеко они, толком не разглядишь.

Лелик нашел у деда атлас птиц, перерисовал малиновку. Бабушка увидела, ахнула, выпросила картинку себе – вставить в рамку и повесить на стену. Прохор тоже одобрил. «Талант!» – сказал.

При всех, между прочим, за завтраком.

Лелик – человек дотошный. Счел необходимым уточнить:

– Не талант, а способности. Но я их развиваю, и, на мой взгляд, вполне успешно.

Вениамин хмыкнул. Тетя Люда замечание сделала:

– Его хвалят, а он возражает! Ну и воспитание!

– Если бы я сам нарисовал малиновку, тогда было бы здорово, – пояснил Лелик. – Но я ведь просто скопировал чужое.

– Почему же не нарисуешь?

– Далеко она, – с сожалением признал Лелик. – Надо, чтобы поближе.

– А с фотографии срисовать?

– Не то!

– Перфекционист! – то ли осудила, то ли похвалила Тамара.

– Самостоятельный! – снова прорезался Прохор, и все почтительно замолчали. – Ни у кого на поводу не идет! Вот я смотрю: ты, Женька, не хочешь купаться, а по моей просьбе все равно в воду лезешь. И Пашка тоже. А Лелик не хочет – и не лезет! Уважаю! Кремень!

«Вот те раз!» – промелькнуло на некоторых лицах. Ай да разворот партийного курса на сто восемьдесят градусов.

Лелик ощутил себя так, будто на голову ему внезапно нахлобучили корону. Во-первых, все смотрят! Во-вторых, на голову давит тяжестью. Ну и уши покраснели, это уж как водится.

Он уткнулся в свою тарелку с кашей и пристального взгляда Пашки не заметил.

Пару часов спустя в дверь осторожно постучали.

– Да-да, – рассеянно отозвался Лелик.

Вошел Пашка в куртке.

– Чего тебе?

– Извиниться хотел. За вчерашнее.

Лелик отложил книгу. Подозрительность сменилась удивлением. Извиниться?

– Ты правильно сказал. – Пашка присел на корточки у двери, как будто не смел пройти дальше. – Нравится мне твой батя. И я к нему, ну, того. Короче, хотел, чтобы он ко мне тоже со всем расположением.

– Подлизывался!

– Есть немного, – с улыбкой согласился Пашка. – Мои-то оба в духовной жизни, как в облаках. Медитируют там, то-се. Не, ты не подумай, они хорошие! Просто скучные. А с твоим батей прикольно.

Лелик по-прежнему смотрел настороженно, ожидая подвоха.

– А тут я прикинул, каково тебе все это видеть, – так же спокойно продолжал Пашка. – Как будто у тебя родного отца отбирают, да? Я б, наверное, вообще убил за такое. Если б кто-нибудь подъехал к моему папаше с такой темой, что, типа, хочу с тобой на коврик кверху задом торчать и мычать по утрам, я бы ему рыльце подрихтовал. И плевать на карму! Так что я тебя понимаю.

Он выпрямился.

– Короче, это. Не держи зла, ага? Я не из вредности, а просто... По глупости, что ли. Ну и нравилось, что меня хоть кто-то принимает в расчет. Для моих-то, честно сказать, я дурак дураком. Учусь паршиво, с йогой у меня не заладилось, талантов никаких нету... Ты вон рисуешь! – Пашка уважительно кивнул на раскрытый альбом. – Круто. Художники большие деньги зарабатывают. А я как кобыле пятая нога. Ни к чему не пригоден.

Лелик хотел сказать, что он рисует не затем, чтобы большие деньги зарабатывать. Но Пашка стоял, ссутулившись, опустив голову, и мальчик внезапно почувствовал жалость. Он отчетливо увидел, насколько Пашка чужой в своей семье, и в эту секунду осознал, до чего все они – чужие своим родителям. И Тишка, и Вероника с Женькой, и его собственный отец... Как будто их нарочно раздали таких, наиболее неподходящих друг другу, и обрекли всех любить и мучиться от непонимания.

Но зачем? И что теперь с этим делать?

Потрясенный своим прозрением, Лелик даже забыл о Пашке. Ему казалось, что он стоит перед чем-то огромным, перед открытием, к которому не готов. Хотелось крикнуть неизвестно кому: «Хватит! Я слишком маленький для этого!» Но внутри чей-то голос, взрослый, умный, сказал ласково и грустно: «Вы все слишком маленькие» – и Лелик увидел

не своим, а чьим-то другим зрением несчастного отца: седого, взрослого, тщетно пытающегося разглядеть в единственном сыне черты умершей жены.

Но Лелик – копия бабушки Раисы в детстве.

Даже этого утешения папе не дали.

«Сходи ты с ним на эту глупую рыбалку, – сказал голос. – Он же будет счастлив. Что тебе стоит?»

Дурак я, дурак, сказал себе Лелик. Бедный папа.

– Слушай, я еще чего зашел-то... – Пашка почесал нос.

Лелик вздрогнул и непонимающе посмотрел на него. За прошедшую минуту он пережил столько, что совсем забыл, с кого все началось.

– В знак примирения, типа! Порадовать тебя хотел.

Пашка сунул руку в карман, вытащил что-то... Сделал два шага к мальчику и разжал кулак.

В грязной ладони лежала мертвая малиновка.

Это была одна из тех двух птичек, которых Лелик видел на сливе. Рыжая огненная грудка, пушистые перышки на брюшке. Крошечные лапки скрючены, как старушечьи пальцы. Пленка на глазах.

– Дарю! – с широкой улыбкой сказал Пашка.

Лелик, окаменев, смотрел на существо, которое еще час назад было воплощением красоты. Оно жило, пело, оно было каплей прекрасного мира, и мир отражался в нем.

– Как? – одними губами шепнул Лелик.

Пашка по-своему понял его.

– Да из рогатки. Делов то!

Мальчик перевел взгляд с жалкого окоченевшего тельца на скуластое лицо, расплывшееся в довольной ухмылке.

Когда наверху загрохотало, Раиса вздрогнула и обратила взор к потолку. Опять Прохор что-то затеял?

Пару секунд было тихо. А затем донесся крик, полный боли, и снова что-то громынуло, ударило, закричало и полетело в тартарары.

Когда Раиса подбежала к дверям, там уже толпились остальные.

– Ох ты ж господи! – охала Люда, прижав ладонь к губам. – Мальчики! Алешенька!

Перепуганная Рая заглянула внутрь. Паша сидел у стены, вытирая кровь с перепачканного лица. Вырывающегося Лелика с белыми от ярости глазами едва удерживал отец.

– Да я что... – бормотал ошарашенный Пашка. – Я ничего! Я как

лучше хотел!

Лелик ничего не отвечал, но выдирался с такой отчаянной силой, что, казалось, вот-вот вырвет себе руки.

– Ты его избил? – хмуро обратилась Женька к Паше.

– Я его пальцем не тронул! Только птичку ему принес. А он как кинется!

– Да угомонись ты! – рявкнул на сына Юра.

– Как будто взбесился!

– Лелик! Что с тобой?

Юра, кажется, едва удерживался от оплеухи. Он не понимал, что нашло на его тихого болезненного сына, и даже испугался силе этой ярости, непонятно откуда взявшейся в тщедушном тельце.

– Держи его, Юрочка! – кудахтала Люда. – Надо успокоительное! Принесите кто-нибудь валерьянку!

Из угла поднялась маленькая фигурка. Раиса только сейчас заметила Тишку, все это время что-то рассматривавшую на полу.

– Ты ее убил!

Звонкий голос прозвучал как пощечина. Все замолчали.

– Чего? – изумился Пашка.

– Ты убил птицу!

– Ну да... Он же сам сказал утром, что не может ее зарисовать, потому что она далеко! Вот я и постарался...

– Ах вот в чем дело! – Юрий наконец все понял и испытал облегчение. – Паша, ты принес ему птицу, чтобы он мог ее нарисовать с натуры! Да хватит дергаться! – это уже Лелику.

Пашка почти испуганно посмотрел на окровавленную ладонь.

– Рогатку сделал... – бормотал он. – Выслеживал ее. Как лучше хотел, честное слово! А чего случилось-то? Леш, за что ты меня?

Всем стало неловко. Этот большой побитый парень поскуливал, как собака, и был так явно расстроен и испуган происходящим, что молчаливо рвущийся к нему Лелик казался воплощением беспричинной злобы.

– Правда, нехорошо вышло, – подала голос Женька.

– Я как лучше хотел... помириться думал...

– Врешь! – выкрикнула Тишка. – Ты это нарочно!

– Чего-о?!

Девочка сжала кулаки и шагнула к Пашке:

– Нарочно! Эта птичка не нужна была ему мертвая! Он их любит!

Лелик внезапно перестал вырываться.

– Ты знал, что так все получится! – наступала Тишка. Кажется, она

сама готова была вот-вот броситься на сына Тамары и Вениамина. – Ты все продумал!

Люда всплеснула руками:

– Яна, Яночка! Да что ж ты такое сочинила!

Пашка обвел всех ошарашенным взглядом.

– Я чего... я извиниться! – бессвязно заговорил он. – Лелик вчера мне велел, чтобы я больше с вами не общался, дядя Юра. Вот я и пришел... прощения попросил!

– Что он тебе велел? – недоверчиво переспросил Юра.

– Ну, это... Я думал, вы знаете. Думал, вы его сами об этом попросили.

– Я попросил?! Лелик, это правда?

Мальчик молчал, закусив губу.

– Лелик! Говори!

Пашка вскочил.

– Ты же сама все слышала! – воззвал он к Тишке.

Взгляды взрослых обратились к девочке.

– Это так? – тихо спросил Юра. – Мой сын потребовал, чтобы Паша со мной не разговаривал? Яна, отвечай!

Тишка беспомощно посмотрела на Лелика. Тот молчал и глядел себе под ноги.

– Да, – шепнула она. – Но все было совсем по-другому!

Юра выпустил руки сына. Секунду всем казалось, что он отшвырнет его. Но Юрий только отряхнул ладони.

– Не ожидал от тебя, – брезгливо сказал он. – Это низость, Алексей.

И вышел.

Остальные понемногу потянулись за ним. Поняв, что развлечений больше не будет, ускользнула Женька. Люда ушла, охая и причитая. Раиса увела Пашку промывать разбитое лицо. Тишка с Леликом остались одни.

– Иди, – попросил мальчик.

– Ну уж нет!

– Иди, – повторил он. Поднял мертвую малиновку, держа ее бережно, как хрустальную. – Я сам справлюсь. Правда.

Тишка чуть не задохнулась.

– Этот урод тебя обвинил! Выставил каким-то мерзавцем... Несправедливо! Я поговорю с твоим отцом! Я ему все объясню... расскажу...

– Ничего ты ему не объяснишь, – устало сказал Лелик. – У него каменная голова. Там все мысли выбиты долотом. Ступай, Тиша. Мне надо птичку похоронить.

От взрослой обреченности в его голосе Тишка ощутила себя жалкой, беспомощной и глупой. Она молча дотронулась до его плеча, повернулась и быстро вышла.

Вечером в комнату Лелика заглянул отец.

Мальчика не было. На столе лежал открытый альбом. Юрий подошел, склонился над рисунком, рассматривая его с недоверием, почти испугом.

Посреди листа с необычайной тщательностью была нарисована мертвая малиновка.

2

С утра Татьяна поссорилась с Раисой.

Повод был пустяковый. Но все в доме были так напряжены, как будто это на их крыльце нашли труп.

Бедная Раиса ни в чем не была виновата. Она просто увидела в окно Тишку и заметила, что девочке нужно гулять в другой одежде.

– В какой? – взвилась Татьяна. – В юбке? В порнографических платьицах, как Женя?

– Танюша, но эти шорты...

– Эти шорты – единственная вещь, которую они купили вместе с отцом, – отрезала Татьяна. – Как видишь, они ей велики. Он никогда не умел выбирать для нее одежду. Однажды я попыталась заменить их на другие. Женственные, удобные... Старые выкинула. Надеюсь, что Янка поплачет и успокоится.

– Плакала? – сочувственно спросила Раиса.

Татьяна коротко рассмеялась.

– Полтора часа рылась на помойке. Ни слезинки, ни упрёка. Она просто закапывалась в мусор, точно крот, а я бегала вокруг и думала, что если она не найдет эти проклятые шорты, мне придется тащить ее домой силком. Когда она вылезла из груды мусора с этой тряпкой в руках, от нее воняло хуже, чем от привокзального бомжа. Сама выстирала их, высушила на батарее... И что ты думаешь – легла в них спать!

– Почему ты ей не запретила?

– Ты многое могла запретить своим детям?

– Но она... – неуверенно начала Раиса, – она такая маленькая!

– Думаешь, упрямство зависит от размеров?

Раиса беспомощно шевелила губами. Она пыталась и не могла

выразить, что неправильно, когда дети не слушаются взрослых, что так не должно быть и что она сама всегда слушалась родителей, а потом слушалась мужа, и теперь временами на нее накатывает липкий страх, что Прохор умрет, и тогда ей некого будет слушаться, а иногда хочется, чтобы это поскорее случилось... Страшно, очень страшно вглядываться в самого себя, хотела сказать Раиса, гораздо страшнее, чем в другого, и еще хотела добавить, что она ведь безумно любит Прошу, но спохватилась, что разговор был совсем не о том.

Татьяна не дождалась ее ответа. Бросила раздраженно полотенце и ушла в сад.

«Господи, бедная моя девочка. Привезла я ее сюда, точно выставочного котенка, и жду, что ей повесят медаль на тощую шейку. Как же невыносимо и любить своего ребенка, и жалеть, и стыдиться, и мучиться от этого проклятого, несправедливого стыда. Перед кем я испытываю неловкость? Перед Прохором!»

Королевские зайцы, думала Татьяна, ожесточенно щелкая секатором в зарослях малины. Мы все здесь королевские зайцы и сбежались на поляну, едва пастух подудел в свою дудочку.

Это все деньги, будь они прокляты. Как подумаешь, какой суммы хватило бы, чтобы избежать всех этих унижений – так смешно становится. Двадцать тысяч долларов – и прощай, дядя Прохор. Развлекайся с кем-нибудь другим.

С другой стороны, у Юрки с деньгами все благополучно. А он все равно приехал, хоть и по другой причине. Тяжело быть заложником любви к матери. Тем более такой, как Раиса.

Надо же так себя поставить, что вся семья вытанцовывает вокруг и не знает, какое еще па изобразить, чтобы оставить Прохора Петровича удовлетворенным. Вот где талант!

Татьяна укололась малиновым шипом. Вскрикнула, слизнула каплю крови и отложила секатор.

Все валится из рук, и нервы ни к черту. Вчера вечером встретила Прохора, спускавшегося из своей лаборатории. Тот вдруг накинулся: «Ты чего здесь ошиваешься? Следишь за мной?!» Татьяна едва оправдалась.

А еще дважды было странное. Сидела в библиотеке и вдруг над головой слышала легкие, но отчетливые шаги. Над библиотекой комната Прохора, посторонним туда вход воспрещен. Татьяна решила, что почудилось. Но на следующий день повторилось: быстрые шаги, затем приглушенный стук, как будто что-то уронили, и все стихло.

Татьяна вышла из дома, обошла сад. Женька обнаружилась возле качелей, Тишка как раз вернулась с прогулки. Паша помогал Юрию что-то строгать в гараже. Вероники не было видно, но тут подвернулся Лелик и сообщил, что девочка только что ушла в магазин за мороженым.

Чертовщина какая-то.

– Завтра Изольду хоронят, – сказал Вениамин. Жена лениво повернула к нему голову.

Они сидели под деревом, прижавшись спинами к стволу. Солнечный свет просачивался сквозь листву, пятна прыгали по траве.

– Хочешь пойти?

– Не хочу, но придется.

– Брось, отбудем свои два часа и сбежим.

– И два часа не хочу! Жуткая баба она была, между прочим!

– Так уж и жуткая? – усомнилась Тамара.

– А ты знаешь историю с ее сыном?

– Расскажи!

Тамара вытянулась на траве, закинула ногу на ногу и закурила, слушая мужа.

Давид был поздним ребенком, и отец его был неизвестен. Поговаривали, что Изольда родила его от одного очень популярного певца. Но певец был уродлив – спасали его талант и харизма, а Давид рос изумительно красивым мальчиком и вырос в прекрасного, библейской красоты юношу.

С детства мать внушала ему, что она пожертвовала ради него своим талантом. Сколько в этом было правды, а сколько лжи, никто не знал. Сама Изольда формулировала так: «Твоя жизнь вытянула из меня мой дар, и я потеряла его. Теперь ты стал моим даром, Давид». После родов у нее действительно испортился голос. Изольда еще некоторое время пела, но лет через пять оставила сцену.

Давид был ее собственностью. Ее любимым хрупким мальчиком. Его красота тоже принадлежала Изольде. Когда однажды он ввязался в драку и вернулся домой с синяком под глазом, Дарницкая устроила чудовищную сцену. «Ты не смеешь! – кричала она, захлебываясь в истерических рыданиях. – Не смеешь портить это! – И широко обводила рукой фигуру сына. – Это не твое, понял ты, подлец? Это мое!»

Та драка была первой и последней в жизни Давида. Тихий, робкий мальчик, он страшно боялся огорчить мать.

В восемнадцать лет Давид влюбился. Изольда была к этому готова.

Войска ее давно стояли на заранее отведенных позициях, и орудия были заряжены. Сначала она не препятствовала сыну в его увлечении. «Пусть мальчик наиграется». Но когда юноша заговорил о женитьбе, в ход пошел весь арсенал трагических ухищрений и уловок, от сердечного приступа до слез и заламывания рук.

Свадьба расстроилась.

Жену Изольда нашла сыну сама. Внимательно изучила претенденток, отсеяла красивых, отбраковала умных, бестрепетно вычеркнула чрезмерно самостоятельных. В итоге остановилась на стоматологе по имени Соня. У самой Дарницкой зубы были не слишком хорошие, так что она убивала сразу двух зайцев. Неплохо, конечно, будь Соня еще и эндокринологом, думала Изольда, но нельзя требовать от жизни слишком многого.

Соня была крупная черноволосая женщина с усами и бородавкой над верхней губой. От красоты Давида она немела. По вечерам расчесывала ему волосы, любуясь мужем точно куклой или ангелом. Эта двойственность отношения сохранилась в ней навсегда: благоговейный восторг, приправленный требовательным чувством собственности. Изольда выбрала себе достойную преемницу.

– У них в семье был культ матери, – сказал Вениамин. – Везде ее портреты, фотографии. Изольда то, Изольда се... Вот мамино кресло, вот мамина подставка для ног!

– Откуда ты знаешь?

– Давид и рассказывал. Он, бедный, жил под двумя каблуками.

– Сам виноват.

Вениамин улыбнулся. Помолчал, передвинулся под тень нависающей ветки и спросил:

– Думаешь, Прохор ни о чем не догадывается?

Тамара пристально взглянула на мужа.

– Нет. Пока нет.

Вениамин опустил на траву и обхватил голову руками. Тамара впервые увидела, как он теряет над собой контроль.

– Тихо, тихо... – она присела рядом, гладила его по спине, по плечам. – Все будет хорошо.

– Может, стоит ему рассказать?

Тамара отстранилась.

– Что рассказать?

– Что я болен. Что нужны деньги. Нет, подожди! – глаза его вдохновенно заблестели. – Не ему! Матери! И пусть она его продавит...

Он увидел выражение ее лица и осекся.

– Веничек, ты сбрендил, – ласково сказала Тамара. – Куда она его продавит? Твоя мать ничем не поможет, только навредит.

– Тогда ему в ноги броситься!

– Что-то тебя на литературщину понесло.

– Мне не до шуток, знаешь ли!

Тамара покачала головой.

– Он об тебя подошвы вытрет, мой милый. Стоит ему понять, что ты от него зависишь, и больше уже никуда не денешься. Отыграются на тебе, Веничек, за все годы твоей свободы. Думаешь, я ошибаюсь?

Вениамин молчал.

– А потом, наигравшись, – мягко продолжала она, – выставят тебя пинком под зад без копейки денег. С цитатой «Ты все пела? Это дело! Так пойдди же, попляши!».

Крылов добил Вениамина окончательно. Он уткнулся жене в плечо, обмяк.

– Но что же делать, Тома, что же делать?

– Во-первых, молчать. И матери ни слова.

– А вдруг она что-нибудь придумает?

Тамара вздохнула.

– Милый, твоя мама чудесная женщина. Но очень небольшого ума, ты уж меня прости за прямоту.

– Она меня любит!

– Если Прохор заподозрит, что она что-то скрывает, он вскрыет ее как протухшую устрицу. Без всякого ножа. Поэтому делаем, как договорились. Не расклеивайся!

– Не могу!

– Можешь! – голос ее стал жестким. – Только не сейчас. Недолго осталось, потерпи.

– С чего ты взяла?

– Ты плохо знаешь своего отца. Он почти наигрался. Еще пару недель и объявит призывную лошадь. Вот тогда все и выложишь.

– А если...

– Что – если?

– Если что-нибудь пойдет не так?

Тамара посмотрела на мужа, он на нее. Оба прекрасно поняли, что скрывается за этим неопределенным «что-нибудь».

– Вдруг он выберет не нашего мальчика... – начал Вениамин, как будто именно это и хотел сказать с самого начала.

Тамара наклонилась к нему, взяла за отворот рубашки и несильно

тряхнула.

– Слушай меня внимательно, Веничек... – она улыbnулась одними губами. – Он выберет нашего, поверь. У него просто не будет вариантов.

3

Последние дни Тишке все время казалось, что за ней следят. Не дома, а в лесу. Она чувствовала чужой взгляд как легкое жжение между лопаток, оборачивалась – но видела лишь подрагивающие ветки кустов. Это мог быть и ветер.

Она больше не заговаривала с матерью об отъезде. Ощущение угрозы, нависшей над домом Савельева, никуда не исчезло. После драки Лелика с Пашкой оно притихло на время, а затем дало о себе знать с новой силой – точно ноющий зуб. Но Тишка твердо убедилась, что мать не уедет из дома Прохора. Что-то крепко держало ее здесь.

Оставалось лишь одно: быть настороже. Не ввязываться в новые Женькины проекты. Не огрызаться на Прохора. Вести себя тише воды ниже травы.

– Две недели, – повторяла про себя Тишка. – Две недели!

Ей осталось вытерпеть совсем немного.

Кроме того, у нее была очень веская причина задержаться. Но о ней Тишка не говорила никому, даже Лелику.

Взрослые шептались, что Прохор устал от них. Он столько лет жил один – Раиса не в счет – и вдруг целая компания. Причем часть этой компании – его собственные дети, что, конечно, добавляет невыносимости бытию. Чужих вытерпеть еще можно. Но своих!

И Прохор срывается. Все чаще запирается в своей лаборатории. Накричал на Раису, которая принесла ему туда чай. Дядя Юра попытался вступить за мать, и его чуть не выгнали из дома.

После драки с Пашкой дед сначала привечал Лелика. Все опасались, что мальчишке достанется, но они плохо знали деда: он расценил его нападение на более сильного брата как проявление характера. Приблизил к себе Юриного сына, захвалил. Однако вскоре Лелик ему наскучил.

И теперь у Прохора новая игрушка.

Тишка.

Дед поет дифирамбы ее самостоятельности, ее любви к высоте, даже ее маленькому росту! То ли провоцирует остальных, то ли и в самом деле доволен Тишкой. Обсудил с ней сборник рассказов Стивена Кинга.

Сошлись на том, что страшилки – ерунда, а вот «Короткая дорога миссис Тодд» – отличная вещь.

В общем, мать могла бы быть довольна.

Но и на ее лице Тишка замечала следы плохо скрытой тревоги. Наверное, она думала, что если дед полюбит Тишку, все у них будет хорошо. Наивная мама! Все самое плохое начинается, когда такие люди, как Прохор, выделяют кого-то своей любовью.

Это как черная метка. Если ты получил ее, жди беды.

Из всех, кого Прохор одарял своей милостью, пока везло только Пашке.

– Куда собралась?

Женька выскочила на крыльцо как раз тогда, когда Тишка решила удрать в лес незаметно от остальных.

– Гулять.

– Пойдем вместе?

– В другой раз.

Женька криво улыбается, молчит, не уходит с крыльца, пока Тишка идет к калитке. Может, это ее взгляд сверлит спину? Последнее время Женька ведет себя до того дружелюбно, что ожидаешь подвоха. Женька – взрослая, высокомерная, насмешливая. Зачем ей дружба маленькой сестры?

Тишка на днях случайно подслушала разговор матери и дяди Юры. «Трется возле лидера», – непонятно сказала мать. А дядя Юра подтвердил: «Качественно держать нос по ветру – великое умение». И оба неприятно рассмеялись.

Кое-что стало яснее. Но не все.

Нет, Женьке нечего делать в лесу. Лес – только для Тишки. Там ей никто не нужен.

Была еще одна причина, почему Тишка не желала компании.

У нее был почти завершен проект, который она старательно готовила последние три недели.

Проект носил кличку Дымчик и жил в поленнице.

Мойва бабушки Раисы сотворила чудо. Из маленького дичка, бросавшегося прочь при первом подозрительном звуке, котенок стал человеком. Ну, почти.

– Ах ты мой маленький! Ах ты мой хищненький!

Тишка держала котенка на коленях и ворковала, почесывая его за ухом. Три недели – и такой прогресс! Зверек, которого тщетно пытались поймать Женька с Вероникой, доверился только ей. Совсем ручным он пока не стал. Но у них впереди еще две недели!

– Блох выведем, – говорила Тишка, глядя сытого котенка. Дымчик урчал и топтался по ней растопыренными лапами. – Командам тебя обучим. И покажем маме. Она тогда согласится взять тебя в город, правда?

Вот почему Тишка готова была торчать в Литвиновке еще две недели. Ради котенка она вытерпела бы и дольше.

«Никаких животных в доме!» Мать была категорична.

Но Тишка рассудила так: она хорошо себя вела, нравилась деду и заслужила небольшую награду. Маленькую такую награду на четырех рахитичных лапках.

Впрочем, на мойве котенок окреп и перестал казаться заморышем.

– Пойдем прогуляемся.

Тишка посадила котенка на плечо и прошлась по окрестностям. До чего упоительное чувство – ощущать себя хозяйкой живого существа! Дымчик сначала больно цеплялся когтями, но потом сообразил, что можно растянуться вокруг ее шеи. Он вырастет в огромного кота, в бархатного кота-Баюна, и будет перед сном приходить к ней в постель и мурлыкать сказки.

Если бы не кот, Тишка пешком ушла бы из Литвиновки. Но из-за Дымчика все изменилось.

– Ну все, до вечера! В лес тебе нельзя. Там леший.

Каждому известно, что леший обращает котов в сов. Будет Дымчик ухать и летать, расправив крылья, а Тишка останется без питомца.

Вокруг гнезда, устроенного в развилке старой липы, кружились пчелы. Девочка забралась наверх и проверила свои сокровища. Все здесь, в мешочке, обернутом для надежности пакетом. И рисунок Лелика, на котором смешная птичка с густой челкой, и волшебный лесной кулон, и камешек с дыркой, найденный на берегу реки, и синее перо, и гладкий корень в виде страшной физиономии с округленным ртом.

Послышался шорох. Тишка вскинулась, замерла.

Неужели ее выследили?

Женька, больше некому. Увлеченная мыслями о котенке, Тишка прошлапила слежку. Вот балда!

Девочка сгребла свои сокровища, распихала по карманам. Слетела с дерева как птица и помчалась по тропе в глубь лесной чащи.

Хочешь поиграть? Сперва попробуй догони!

Краем уха сквозь шум ветра она улавливала то шелест листьев, то хруст треснувшей ветки. Тишке внезапно вспомнилась мертвая старуха. Она вздрогнула и впервые подумала, что это может быть вовсе и не Женя.

Но кто тогда мчится за ней?

Резко остановившись, Тишка вгляделась в густую листву.

– Эй!

Тишина.

– Выходи! Я не буду играть!

Чаща молчит, настороженно смотрит на нее. Кажется Тишке, или до нее и впрямь доносится чье-то тяжелое дыхание?

Девочка оказалась в самой густой, тенистой части леса, где тесно переплетались ветви орешника, дрожала осина и кусты волчьей ягоды поднимались вдоль тропы. Здесь мало солнца, проходы между деревьями затянуты паутиной, и от влажной земли пахнет кладбищем.

– Эй!

Никого. То ли и не было никакого преследователя, то ли он хорошо затаился.

Тишка внезапно осознала, как далеко она от поселка. «Случись что, меня даже не найдут».

На секунду перед ее глазами листья сомкнулись в зеленый коридор, пахнуло кошачьей мочой и сладостью гнилых яблок. Накатила слабость. К горлу поднялась тошнота, когда из землистой тени под лещиной соткалась черная фигура в серебристой паутиной шали и начала расти, расти...

Ветка снова хрустнула, совсем близко. Девочка отпрыгнула и стремительно помчалась прочь, не разбирая дороги.

Сердце колотится, губы пересохли от страха. Но лес по-прежнему ее союзник, она знает его ловушки и подсказки, помнит, где нужно обогнуть болото, а где подпрыгнуть над корявым щупальцем соснового корня.

Никогда еще Тишка так не бегала. Мертвая старуха шла за ней гигантскими шагами, а слева мелькала среди стволов приземистая черная фигура без лица. Быстрее, быстрее, быстрее!

Когда под ногами осел пластом песок, Тишка схватилась за ближайшую ветку и едва удержала равновесие. Только сейчас она поняла, что выбежала на берег. Внизу под невысоким обрывом текла река, на другой стороне рыбак загружал резиновую лодку в багажник машины.

Вырвалась, поняла Тишка.

Спаслась.

На ватных ногах она спустилась к самой воде. Сидела, глядя, как неторопливо уезжает машина, пытаясь унять дрожь. Болел низ живота, синие и золотые пятна дрожали, двоились перед глазами.

Понемногу девочка почти успокоилась. Рядом с рекой она в безопасности. Все знают, что мертвецы и оборотни боятся текучей воды.

Когда она подходила к дому, вокруг снова все поплыло. Тишка схватилась за калитку, чтобы не упасть.

– Ты к ужину опоздала.

Вероника. Смотрит без всякого удивления на пошатывающуюся Тишку.

– Не хочу есть, – пробормотала Тишка.

– Тебя мать искала.

Девочка молча кивнула, пошла к дому. На полпути остановилась:

– Женька здесь?

Вероника пожала плечами.

– Без понятия. Я ее с утра не видела.

Живот опять скрутило. Тишка застонала.

– Эй, ты чего? – встревожилась Вероника. – Ну-ка иди сюда. Ложись.

Тишка не в силах была сопротивляться. Она привалилась к яблоне, обхватила коленки и закрыла глаза.

– Тебе нужно мать найти, – странным голосом сказала Вероника, присев рядом.

– Да, ты уже говорила. Она меня искала.

– Нет, не поэтому. Она тебе поможет. – Девочка ткнула в Тишкины шорты, по которым расплывалось темное пятно.

– Это что, каждый месяц так будет? – в ужасе спросила Тишка.

Нет, мать предупреждала ее. Подсовывала книжки, в которых подробно расписывалась физиология процесса. Но одно дело читать о нарисованных женщинах и совсем другое – ощущать, будто ты рыба, у которой в брюхе крючок и его время от времени тянет безжалостный рыбак.

– Держи, – мама протянула таблетку. – Станет полегче.

Боль действительно отпустила. Но в голове поселилась муть и взвесь. Как будто смотришь на мир сквозь илистую воду.

4

Лелик хотел попросить у Тишки дать ему пару уроков искусства лазить по деревьям. Ей можно доверять. К тому же Тишка из всех самая ловкая, хоть и мелюзга. Но девочка последние сутки сама не своя: бледная, замученная, то и дело руку прижимает к животу. Яблок, что ли, переела? Лелик сочувственно понаблюдал за ней и решил отложить обучение.

Тишка сама заглянула к нему:

– Эй! Ты как?

После драки с Пашкой она и ее мать – единственные, кто обращается с Леликом как ни в чем не бывало. Ну, еще Раиса: она как прежде его особо не замечала, так и теперь смотрит мимо.

– Да так себе... – Лелик сунул карандаш за ухо. – У меня мышшь пропала. Самая большая, королевская. Она с полторы моих ладони.

– Опять бабушку станешь пугать?

– Да нет же! Говорю тебе, всерьез пропала.

– Помочь искать?

– Я сам, – великодушно отказался Лелик. – Ты слабенькая. Пропадешь еще вслед за мышью!

– Ну смотри. Если что, зови на помощь.

Вообще-то мне нужна твоя помощь, хотел сказать Лелик. Что мне делать с тем, что я узнал? К взрослым идти нельзя. Они ничего не понимают, это ясно показала история с малиновкой.

Он сам толком не представлял, какая сила побудила его однажды, когда Прохор ушел, подняться по лестнице и толкнуть дверь. Ей полагалось быть запертой, но что-то в тот день пошло не так и она беззвучно приоткрылась перед мальчиком.

Лаборатория была овеяна ореолом таинственности. Две другие, нежилые, тоже манили мальчика, но с их замками он разобрался еще пару недель назад. Как и предупреждала бабушка, там оказалась свалка старых вещей. Нагромождение коробок до самого потолка да дряхлые шубы с дубленками, упакованные в прозрачные пакеты.

Лелика вело не простое любопытство. Он составлял план дома.

Пространство – тоже часть истории, которая творится вокруг тебя, а историю мальчик любил. Каждый вечер в его дневнике появлялась новая заметка, зашифрованная на случай кражи ценного документа. Если Тишка чувствовала себя хозяйкой леса, Лелик был летописцем.

В этом заключалась вторая причина, отчего Лелику хотелось попасть в святая святых Прохора. Фотографии! У деда там целый архив. Недавно Прохор снимал их семью, установив камеру на специальную треногу, и больше всего мальчику хотелось раздобыть этот снимок.

Вот это будет Свидетельство Истории! Все их семейство, собранное на одном снимке.

Но дверь поддавалась. Лелик был настолько уверен в неосуществимости своего плана, что опешил.

Уходить было глупо, и мальчик с замирающим сердцем шагнул через

порог. Пустые книжные полки в дальнем углу, до самого потолка. Огромный, как палуба авианосца, письменный стол. Но в первую минуту ему бросились в глаза необычные зонты на длинных ножках, серебристые внутри, черные снаружи. «Оборудование для съемки!» – догадался Лелик.

Он шмыгнул к столу, перебрал бумаги. Снимка не нашлось. Лелик поискал в шкафу и в нижних ящиках наткнулся на большие конверты.

Мальчик высыпал пачку фотографий на колени и с изумлением уставился на верхнюю.

На лестнице послышались шаги. Лелик заметался. Задвинул ящик, судорожно запахав снимки в конверт, попытался вернуть на свои места разбросанные по столу бумаги.

В двери проскрежетал ключ. Пока Прохор разберется, что замок не заперт, пройдет от силы пять секунд.

Лелик бросился за шкаф, втиснулся в узкую щель между торцом и внешней стеной. Дед хранил здесь металлические трубки непонятного назначения. Лелик в панике прижал их рукой, чтобы не повалились на пол, и в этот момент дверь распахнулась.

Тяжелые шаги. Звук чиркнувшей зажигалки. До мальчика донесся крепкий запах табака. Прохор подошел к окну, но вместо того, чтобы открыть его, плотно задернул шторы. Лелик вжался в стену.

Раздался негромкий стук. Но доносился он не от двери, а как будто с потолка. Что-то проскрежетало, ругнулся Прохор – и в комнате оказался еще один человек. Лелик почувствовал это по молчанию деда, по его учатившемуся дыханию.

«Откуда он взялся?»

Заскрипели ступеньки, и тут Лелик понял.

Это были не пустые книжные полки. Это была лестница.

Гость пришел с чердака.

– Что стоишь? Раздевайся!

Защелкало, скрипнуло, послышался шорох сброшенной одежды. Лелик сглотнул и очень осторожно поднял руку, чтобы стереть со лба капли пота. В нем боролись два голоса. Один кричал, что он будет идиотом, если выглянет. Второй шептал: «Я должен посмотреть, что происходит, какой же я летописец, если не узнаю этого». В конце концов, придерживая трубки одной рукой, Лелик очень медленно высунулся из-за шкафа, чувствуя себя жучком, которого вот-вот склюнет дятел.

И тотчас спрятался обратно. Но того, что он увидел, ему хватило, чтобы он пожалел о своем безрассудном решении.

– Мам, расскажи мне сказку!

Татьяна отвела взгляд от монитора и потерла воспаленные глаза.

– Что за глупости?

– Маленькую сказочку!

– Яна, мне поработать надо.

– Тишка, – поправила девочка.

Татьяна едва не вспылила. С тех пор как Сергей окончательно ушел, дочь уцепилась за дурацкую кличку. Все, что осталось у нее от отца – драные шорты да фамилия. Татьяна понимала это и жалела девочку. Но иногда ей хотелось встряхнуть ее за шкирку и заорать, что он бросил их, повел себя как законченный урод, хватит делать из него кумира и воображать себя наследницей родового имени!

– Какую сказку? – устало спросила она.

– Про одну девочку. – Тишка с ногами забралась в соседнее кресло.

– Сказка, – послушно повторила Татьяна. – Жила-была одна девочка...

– И была она очень-очень счастлива.

– И была она очень-очень... Подожди. А дальше что будет?

– Дальше ничего не будет, – удивленно отозвалась Тишка. – Это конец.

Татьяна помассировала виски. Опять голова ноет к вечеру...

– Это какая-то неправильная сказка.

– Почему?

– В ней ничего не происходит.

– В ней происходит счастье, – поправила дочь.

– Про такое сказок не сочиняют.

– А мы сочиним! Рассказывай! «Жила-была одна девочка, и была она очень-очень счастлива. Конец!»

Татьяна почувствовала, что окончательно выдохлась. И спор-то был пустяковый! Что тебе стоит – повтори то, что она просит, и дело с концом. Но Татьяна не могла. Все время ее кто-нибудь продавливают: то Прохор, то Венька с Тамарой, а теперь вот собственная дочь.

– Знаешь что... – суховати сказала она. – Я могу рассказать ту сказку, которую сама захочу. А вот так я не умею. Извини, мне работать надо.

Она повернулась к компьютеру.

Тишка некоторое время смотрела ей в спину. Потом тихонько слезла с кресла и на цыпочках вышла из комнаты.

В библиотеке обосновался дядя Вениамин. Тишка через окно столовой

перелезла в сад и побрела к качелям.

Вверх-вниз! Вверх-вниз!

Когда качаешься, кажется, будто можно улететь от всего плохого.

– Эй, дурилка!

Девочка вздрогнула и чуть не свалилась. Пашка сидел на черемухе, на той самой ветке, которую облюбовала Женька, и насмешливо смотрел на нее.

– Всем нравятся маленькие девочки, – умильно произнес парень и сложил губы трубочкой.

Тишка спрыгнула и направилась к дому.

– Э! Ты куда? А поговорить?

– Сам с собой разговаривай, – отозвалась она.

– Может, лучше с твоей киской?

Гаденький смешок. Тишка отлично поняла двусмысленность, и ее будто толкнули.

Она остановилась. Медленно обернулась и встретилась с Пашкой глазами.

– Ну давай, спроси, с какой киской! Чего засохла?

Девочка молчала.

– Ты какая-то тупенькая, Яна, – сочувственно сообщил Пашка. – В мать пошла, что ли?

Тишка не отрываясь смотрела на него.

– Ну чего выпучилась? Думала, никто не узнает? – Пашка сел поудобнее. – Слушай, где вас таких дур раздают? В Москве? Я бы съездил, взял парочку. Для личных нужд. – Он усмехнулся, облизал губы.

– Что не узнает? – с трудом выдавила Тишка.

– Про кошечку твою. Мяу-мяу, мяу-мяу!

Он выгнулся, сделал вид, будто точит когти, и озабоченно глянул на свою руку.

– Кусачая оказалась, тварь! Вся в тебя.

Через мгновение Тишка стояла под черемухой.

– Где Дымчик?

– А, так это самэц!

– Что ты с ним сделал?

Пашка перегнулся, навис над девочкой. От этого движения как будто маска сползла с его лица, и под ней открылась злая, умная, торжествующая крысиная морда. Пашка тоненько хихикнул.

– Я дизайнер!

– Что ты с ним сделал?!

– Украсил им твоё жильё!

Девочка отшатнулась.

– К-какое жильё?

– «К-к-к-какое ж-ж-жильё?» – передразнил Пашка. – Твоё! Где ты яйца несешь!

Ухмылка перешла в торжествующий оскал. Он наслаждался каждым мигом её унижения.

– Он, конечно, сперва поорал малость, – сокрушенно поведал Пашка. – А потом ничего. Утомился.

Тишка попятилась и бросилась бежать. Ей вслед несся злорадный хохот.

Все время, пока она мчалась по дороге, и потом, когда свернула на лесную тропу, перед её глазами стоял мертвая малиновка.

Тишка выскочила к липе и остановилась.

– Дымчик! – срывающимся голосом позвала она. – Кис-кис-кис!

Прошла несколько шагов, озираясь по сторонам. Может быть, котенок испугался и спрятался в кустах?

– Дымчик!

Пашка был здесь. Забирался в её гнездо, сидел там с котенком на руках. Дымчик стал доверчивый, он вышел к тому, кто подманил его рыбой.

– Кис-кис-кис!

Вот кто наблюдал за ней все это время. Пашка узнал, где её гнездо, выследил котенка. Что он с ним сделал?

– Кис-кис...

Тишка подняла глаза к своему укрытию на липе и онемела.

Над гнездом, подвешенный на шнурке, болтался какой-то серый комочек. Невнятный, сморщенный. Тонкие лапки свисали безжизненно, словно ниточки.

«Я дизайнер! Украсил им твоё жильё».

Человек с извращенной фантазией мог бы сказать, что это лампа.

Налетел ветер, тронул шнурок, раскачал комочек.

Тишка стояла, глядя на него, очень долго. Кажется, много лет.

Сознание раздробилось. Часть её говорила, что нужно забраться наверх и снять убитого зверька. Другая понимала, что никогда не подойдет к нему, просто не сможет, потому что больше не существует её гнезда, в котором так уютно было спать, и разбитой липы, под которой живут гномы, и леса, где она была так счастлива.

Ничего этого больше нет.

«Отведи глаза».

Тишка отвернулась и пошла обратно, напролом через лес, не замечая веток и паутины.

В ее жизни не было дороги длиннее.

Мертвый лес, мертвая тропа. Какая разница, что вокруг качаются сосны и пахнет смолой. Ее лето умерло, убито, висит безжизненным комочком на ветке сгоревшего дерева.

– Девочка, ты не подскажешь, где здесь магазин? – спросил какой-то прохожий, когда она вышла к поселку.

Тишка качнула головой. Прохожий открыл рот, чтобы что-то сказать, но увидев ее взгляд, отступил на шаг и промолчал.

Когда она открыла калитку, ветер донес до нее голоса.

Женька раскачивалась на качелях, Пашка стоял рядом и что-то вдохновенно плел. Тишка шла как робот и задержалась только на секунду, чтобы наклониться за камнем.

– А что это у нас с лицом... – начала Женька, заметив ее.

Первый удар, нанесенный со всей силы, попал ему в плечо. Пашка по-женски взвизгнул, шарахнулся в сторону, и тогда Тишка ударила второй раз.

Выбежавший на крики Лелик замер на краю поляны, оторопело моргая. Двое мальчишек катались в траве, вцепившись друг в друга. Лица были перепачканы грязью. Пашка отчаянно пытался сбросить с себя мелкого противника, но тот был изворотлив, как хорек, и дрался с яростным ожесточением.

– Разнимите их! – Женька вопила в полный голос. – Она его убьет!

Она?

И тут Лелик понял, кто Пашкин враг. Лицо Тишки было так страшно искажено, что он не узнал ее. Лелик никогда не думал, что мелкая девчонка может так биться. Пашка был сильнее, старше и втрое тяжелее. Он мог прихлопнуть Тишку одним ударом, как комара. Но девочка стремительно уклонялась, молча кусала его, не обращая внимания на тычки, и в глазах ее горело такое бешенство, что Лелику стало страшно.

Набежали взрослые, вокруг замелькали высокие фигуры. Кто-то, ругаясь, оттаскивал девочку, кто-то помогал Пашке подняться.

– Вы что тут все, озверели?!

– Янина! Ты с ума сошла?

– Господи, они опять дерутся!

– Принесите воды кто-нибудь!

Пашка отошел в сторону, пошатываясь. Он выглядел растерзанным.

Кровавые полосы на щеках, следы от укусов на предплечьях... Парень потер лицо, захныкал и превратился в маленького обиженного мальчика.

– Господи, Пашенька!

Тамара выскочила откуда-то из кустов, обняла сына, прижала к себе. Тот схватился за ее руку, как утопающий.

– Мам, клянусь, я ничего не сделал! Она на меня просто так бросилась!

– Правда, без всякого повода, – подтвердила бледная Женька.

Тишка обвела всех безумными глазами. Взгляд остановился на Пашке, и Тамара непроизвольно вскинула руку, словно защищая сына.

– Ты убил моего кота, – хрипло сказала Тишка. Жутковатый контраст между детским личиком и бешенством, звучащим в ее голосе, заставил взрослых переглянуться.

– Что?

– Ты убил моего кота!

– Какого еще кота?! – завопил Пашка. – Люди, да она психованная!

Тишка сделала шаг к нему, и Юра схватил ее за плечо.

– Янина, что здесь...

– Ой. Кто-то снова подрался?

Юра осекся при виде Вероники, вышедшей на поляну со своим обычным отрешенным видом. На руках ее угнездился маленький черный котенок, которого девочка рассеянно гладила по спине.

– Дымчик, – прошептала Тишка.

Котенок крутил головой, живой и невредимый, и таращился желтыми глазами.

Но кто же тогда был на липе?

Осуждающее молчание стало физически ощутимым. Невинно пострадавший от рук бешеной дикарки Пашка сидел, уткнувшись в мать. Жертва, несчастный парень, затравленный мелкими неудачниками – ею и Леликом.

– Ни разу сдачи не дал, – прошелестела тетя Люда. – Пальцем не тронул. Джентльмен!

Если бы Тишка могла, она бы рассмеялась. Но в голове ее царил хаос. Она не в силах была осознать, что произошло. Пашка убил другого котенка? Но черный был в поселке лишь один...

Девочка обвела непонимающим взглядом Женьку, Пашку, тетю Люду, Тамару, прижимавшую к себе сына, и задержалась на Лелике.

«У меня мышь пропала. Бойцовская, любимая».

Вспышка сверкнула перед Тишкой и озарила безжалостным светом ее

любовно выстроенное гнездо, над которым болталась игрушка – черно-серая королевская мышь, украденная у Лелика.

Если бы она забралась в гнездо, то увидела бы, что это не котенок.

Но она не забралась. Пашка точно все рассчитал.

И речь подготовил правильную, которая должна была убедить ее, что он расправился со зверьком.

Тишка вскинула голову и увидела мать, бегущую к ним от дома.

С беспощадной ясностью она поняла, что ей никто не поверит. Можно привести взрослых к ее гнезду, но Тишка знала, что мыши там не будет. Кому раскрыл Пашка тайну ее укрытия? Кто бы ни был этот человек, он вскарабкался на дерево, снял мышь и исчез. Никаких следов Пашкиного замысла не осталось.

– А вот это, братцы мои, уже чересчур!

Проخور возвышался над Тишкой, гневно сдвинув брови: Саваоф, карающий сошедшее с ума человечество.

– Ты зачем Пашу обидела?

Тишка разлепила губы. Она больше никогда и никому не станет врать в этом доме. К черту деда. К черту их всех, взрослых лжецов!

– Потому что он мразь, – отчетливо сказала она в тишине.

6

– Мы уезжаем завтра утром, – сухо сообщила мать. – Ты довольна?

Если бы она попыталась расспросить Тишку, девочка все бы рассказала. Но Татьяна слишком устала. Больше месяца кроличьих танцев перед пастухом закончились ничем, потому что у ее дочери сдали нервы. Она не хотела слышать никаких объяснений. Несправедливая, иррациональная обида разбухала в ней, и Татьяне стоило больших трудов удержать ее внутри.

«Я старалась ради нее. А она!»

Тишка спустилась на первый этаж, ведя рукой по нагретым перилам. Дом – хороший. Ей будет его не хватать.

Внизу никого не было. Взрослые к вечеру решили жарить шашлык в саду. Все они стали обращаться друг с другом подчеркнуто доброжелательно, словно пытаются загладить впечатление от ее дикой выходки, но все это отдавало фальшью.

Тишка прошла столовую с насупившимся буфетом, миновала горку, в которой сочувственно поблескивали бокалы. Библиотека с длинными

книжными шкафами – темная, уютная, как домик под столом, сделанный из одеяла. Гостиная, где со стены взирает огромный портрет Прохора: пронзительный взгляд, раскрытая книга под грубой ладонью.

Вокруг все заставлено подарками, которые преподносили великому писателю. Статуэтки, кубки, вазы... Самая волшебная, малахитовая, зеленеет на столе. В ней никогда не бывает цветов – наверное, не найти достойных такой красоты. В зеркале над искусственным камином темнеет ее отражение.

На Тишку снова накатила слабость, и она ухватилась за край стола. Эти приступы, во время которых ее бросало в холодный пот, стали повторяться почти каждый час.

И живот опять ноет. Надо попросить у мамы таблетку...

– Выгнали тебя?

Тишка вздрогнула.

Пашка стоял в дверях. За ним сгущался сумрак коридора.

– Пошел вон, – хрипло сказала она. – Иначе опять врежу.

– Да ты уж свое отвоевала, – рассмеялся Пашка.

Один глаз у него заплыл, на щеке остались царапины. Но выглядел он победителем.

– Как же ты мне надоела. Все вы.

– И дед? – не держалась Тишка.

– При чем здесь он? Вы, малолетки. Сытые...!

Он произнес такое слово, что Тишку передернуло – не столько от ругательства, сколько от ненависти в его голосе.

– Дед тебя не выберет! – прошипела она.

Пашка внезапно рассмеялся.

– Да и пускай! Что бы ты понимала, дура. Здесь совсем другая игра идет! И ставки в ней выше. Ты хоть знаешь, что такое ставки?

Тишка промолчала, с ненавистью глядя на парня. Ей было худо, почти так же худо, как в доме Изольды. Стены то и дело шли волнами, перед глазами сгущалась пелена. Надо было уйти, но при мысли о том, что придется протискиваться мимо Пашки, как будто она бежит с поля боя, внутри все бунтовало.

– Противная ты, – задумчиво сказал Пашка. – И везде лезешь! Кто тебя просил про птицу рассказывать?

– Ты ее убил!

– Ну и что? Хотел как лучше.

«Прохору эту лапшу вешай на уши», – собиралась сказать Тишка, но к горлу из желудка поднялся ком.

– Я про тебя все знаю, – выдавила она, преодолев тошноту. – И Лелик знает.

– Тебя завтра уже здесь не будет. Ту-ту! Наденут на тебя смирительную рубашку и повезут в белой карете.

– Чего?

– Ты же психическая. Тебя надо подальше от людей держать. Твоя мамашка тебя в психушке закроет, ты в курсе?

– Что ты врешь!

Но страшное подозрение вдруг кольнуло в сердце: а если правда?

– Заберут тебя и на укольчики посадят, – заверил Пашка. – Матери твоей свободы хочется. Она ж в разводе? Ну точно. Кому она сейчас нужна, с прицепом. А так хоть мужика себе найдет. Потрахается с ним вволю.

– Заткнись!

Тишка, пошатываясь, сделала несколько шагов.

– Ага. Уже заткнулся. – Пашка улыбнулся. – Зря я, что ли, себя подставлял под твои зубы? Получай в ответку правду. Не нравится?

Девочка хотела только одного – уйти. Уже не только стены, но и сам Пашка расплывался перед глазами. Вкрадчивый голос льется в уши и застывает там, как смола.

– Тебя в дурке закроют, – Пашка зашел в комнату и стал ходить вокруг Тишки, приглядываясь. – Мамашка твоя натрахается и выпускать тебя оттуда не захочет.

– Не смей так говорить про маму!

– А чего? Она не такая уж и старая. Может, еще одного родит. Тогда ты ей точно будешь ни к чему.

Тишка отчаянно сопротивлялась этому тягучему голосу. «Неправда! Он лжет!»

– Ты не замечаешь, что она странновато себя ведет? И звонит куда-то все время. Прикидывает, в какую больничку тебя запереть. Ну и жалеет тебя, не без этого.

Господи, но ведь правда же, все так и есть. Мама и в самом деле часто разговаривает по телефону, и на Тишку временами смотрит так странно...

– Замолчи, замолчи, замолчи, – бормотала Тишка, плохо понимая, что говорит.

– А, да! С котиком-то твоим я закончу.

Девочка чуть не задохнулась от ужаса.

– Что ты сказал?!

– Тебе ж его с собой не разрешили взять, – посочувствовал Пашка. – Спасибо, кстати, что приручила. Меньше возни.

– Не смей...

– Если бы ты мне вывеску не попортила, – он дотронулся до синяка и сморщился, – я бы затеваться не стал. А так – извини.

– Не трогай кота! – взмолилась Тишка. – Пожалуйста!

– Сама виновата!

– Я все что хочешь сделаю! – она уже плакала, не скрываясь. – Только не обижай его! Пожалуйста!

Пашка театрально приставил пальцы ко лбу, словно принимая трудное решение. Все взвесил, посмотрел еще раз на похолодевшую от ужаса, зареванную Тишку и сокрушенно покачал головой:

– Не могу. За все надо платить – слышала такие правильные слова?

И вдруг превратился в какого-то чудовищного клоуна, изображающего одному ему понятную пантомиму. Тишка в полной оторопи смотрела, как Пашка медленно обводит пальцем вокруг шеи, словно надевая петлю, дергает вверх сжатый кулак... Голова его повалилась на левое плечо. Глаза закатились, он захрипел и вывалил язык.

И тут девочка поняла, что ей показывают.

Повешение.

Эта омерзительная кривляющаяся харя каким-то образом окончательно заставила девочку поверить в то, что каждое слово, сказанное Пашкой – правда. Все будет так, как он обещает. Мама увезет ее и положит в психбольницу, а он в это время убьет ее Дымчика.

– Хыр-хыр! – прохрипел Пашка и для правдоподобности выпустил изо рта струйку слюны. А затем открыл глаза, не выпрямляя свернутой шеи, отчего выражение его лица стало невыносимо жутким, подмигнул Тишке и ослабил.

При виде этого оскала с Тишкой случилось что-то вроде припадка. Ничего не соображая, она схватила со стола малахитовую вазу, как будто самую прыгнувшую в руку, и с размаху ударила Пашку по голове.

Ваза взорвалась, и вместе с ней взорвался мир. Все рассыпалось: Пашка, портрет деда, зеркало, стол, обои с розами... Нестерпимо блестящие осколки закружились вокруг Тишки, ее подхватило водоворотом и затянуло вглубь черной хохочущей воронки.

Глава 8

2015 год

1

Алексей Савельев

Так странно смотреть на нее, живую и невредимую. Девочку тогда почти сразу увезли, и в глубине души я, оказываясь, все эти годы считал ее мертвой. Абсурдно, да. Но мне казалось, они погибли оба.

В каком-то смысле так оно и было. Никто из нашей семьи при мне не упоминал о трагедии. Отец, когда я пытался поговорить с ним, посмотрел на меня такими глазами, что я осекся на полуслове. Он оплакивал Пашку, и мое любопытство было оскорбительно для его горя.

Но вот она здесь. Маленькая хозяйка большого дома.

Даже не знаю, кого я ожидал увидеть. Девицу с черными волосами, угрюмым взглядом и кроваво-красной помадой на искусанных губах? Я помнил ее пигалицей с густой челкой над блестящими глазами. Любопытная и в то же время замкнутая, ловкая, юркая, точно белка. Прохор называл ее мечтательницей. Вряд ли она улавливала тот пренебрежительный оттенок, который он вкладывал в это слово.

Кто вырастает из девочек-убийц?

Теперь я знаю кто.

– Лелик, хочешь кофе?

Кофе она варит отвратительно, но я рассыпаюсь в благодарностях. Мы оба не знаем, как вести себя друг с другом. Отсюда преувеличенная вежливость и деликатность.

– Что ты станешь делать с домом?

– Пока не решила.

Я рассказал ей, как создавал свое издательство. Она изобразила пару сценок из своих рабочих будней. Мы смеялись, пили кофе, и меня не оставляла мысль, что оба мы старательно врем друг другу.

Позавтракав, я поднялся наверх. После смерти Прохора бабушка не допустила меня к его архивам. Собственно, она вообще не разрешила мне вести поиски в доме. Трижды я пытался, и трижды терпел поражение.

Но Тишке об этом знать не надо.

До обеда я разбираю завалы папок на его рабочем столе. Один раз

спустился на кухню заварить себе чай и обнаружил там Женьку за странным занятием. Она снимала со стены хохломские блюда, осматривала и вешала обратно. С минуту я озадаченно наблюдал за ней, а потом кашлянул.

– Лелик! – она едва не выронила блюдо. – Ты что тут делаешь?

– А ты?

– Э-э-э... Ищу год создания.

– Зачем?

– Чем старше блюдо, тем дороже. Яна разрешила мне выбрать, какие я захочу. На память о бабушке.

Все это показалось мне очень странным. И на ходу сочиненное вранье про стоимость, и Женькино желание взять на память не что-нибудь, а именно хохлому.

– Раньше, кажется, они были в столовой?

– Да, Раиса перевесила все на кухню после смерти Прохора.

Женька улыбнулась мне нетерпеливой улыбкой, в которой ясно читалось «ну когда же ты уйдешь, наконец?»

Вот уж кто не изменился!

Наверное, каждый человек считает себя предназначенным для счастья. Но есть люди, воспринимающие чужое счастье как личное оскорбление. Как будто в мире ограниченные запасы радости, и если достанется одному, соседу может не хватить.

Женька – тот самый ревнивый сосед.

Я помню ее тем летом. Дерзкая, азартная, демонстративно плюющая на нас, маленьких зануд.

Иногда в Женьке просыпалось благородство и даже самоотверженность. Я называл это «Приемные часы». Правда, график работы был неизвестен. В ней приоткрывалось окошечко, в которое могли постучаться живые люди и получить ответ. Может быть, на короткое время Женька даже допускала, что просители не слишком отличаются от нее.

Хотя вряд ли.

Все-таки в ней была очень сильна врожденная уверенность, что она – королева эльфов, а вокруг туповатые орки.

Меня она презирала. Мелкий задохлик. Да еще и лопоухий! Обнаружив, что я умею рисовать, она пыталась заставить меня изобразить себя в образе амазонки. Я нарисовал как мог – лишь бы она отвязалась! Ссориться с ней мне не хотелось.

В итоге получилась красивая женщина верхом на лошади. Сходство с Женькой ограничивалось короткими волосами, зато я наделил ее

сногшибательной фигурой и надеялся, что моей заказчице это придется по душе.

– Ничего себе сиськи! – сказала Женька, внимательно рассмотрев наездницу. – Слышь, спирохета! Я просила нарисовать меня, а не твои влажные фантазии.

Я-то надеялся ей польстить!

После этого она утратила ко мне всякий интерес. Кроме разве что энтомологического.

Мы все для нее были букашками. Кроме Прохора и, пожалуй, Пашки. И, кажется, обоих она люто ненавидела – именно за то, что приходится их уважать.

Но к маленькой Тишке Женька внезапно прониклась покровительственными чувствами. Может быть, ее привлекало, что сестра не ищет ее дружбы. Но скорее – что она не ищет дружбы деда. А может, было что-то еще, о чем я не знаю.

Помню, Янка пошла купаться и потеряла какую-то девчачью драгоценность, болтавшуюся у нее на шее. Как она ревела! Даже бабушке побежала жаловаться, чего никогда не делала. Почему-то важна была для нее эта блестяшка. «Он свалился, когда я переплывала речку!»

Пашка ухмылялся. Вероника равнодушно пожимала плечами. Взрослые мимолетно посочувствовали и отправились по своим делам.

И тут явилась Женька.

– Показывай, где вы плавали! И кончай реветь! Твоя распухшая морда оскорбляет мое эстетическое чувство.

Может, Тишкина зареванная физиономия и впрямь действовала ей на нервы. Но Женька ныряла полтора часа, пока глаза у нее не стали краснее земляники. Я наблюдал из лесных зарослей, как она раз за разом набирает воздух, уходит в прозрачную глубину, как ее тело скользит, изгибаясь, над донным песком. Она выныривала, отдыхала и снова ныряла, пока ее не начала трясти дрожь.

– Хватит! – Тишка давно перестала реветь. – Достаточно!

– Я сама решу, когда достаточно, – отрезала Женька.

И снова плыла у самого дна. За ней в воде поднимались дымные струйки песка, который она просеивала между пальцами.

Женя так ничего и не нашла. Когда она выбралась на берег в последний раз, я испугался, что сейчас ей придет конец. Она выглядела как гигантская издыхающая рыбина. Тишка тоже запаниковала: метнулась к поселку, потом начала звать на помощь...

– А ну заткнись!

Женька прохрипела это из последних сил.

– Орешь, как будто тебя в задницу клюнули.

Она прибавила несколько крепких матерных слов, и я немного успокоился. Кто ругается, тот не помирает. Так я думал тогда, и хотя с возрастом выяснилось, что обобщения здесь не работают, в отношении Женьки я оказался прав.

2

Яна Тишко

После завтрака выглянуло солнце, и Алексей с Женькой решили прогуляться. Кажется, дом действовал им на нервы. А может быть, виной всему была я.

Слишком толстый слой воспоминаний окутывал нас. Слово вата – новогодние игрушки.

Я осталась одна. Ареал моего обитания постепенно расширялся: я уже поднималась в мансарду, заглядывала на второй этаж. Пора навестить самых старых призраков.

Сегодня мне было легче это сделать. Во-первых, в доме находились другие люди, и это внушало уверенность. Из-за их присутствия крепкий настой времени как будто был разбавлен водой. Его можно было пить без боязни отравиться.

Во-вторых, все комнаты изменились почти до неузнаваемости. Новая мебель, другие шторы – и все выглядит иначе.

Я собралась с духом. Выцветшие розы на обоях кланялись мне, когда я шла к гостиной. К той комнате, где я когда-то убила человека.

Несомненно, Прохор все там переставил. Интересно, сохранился ли портрет на стене, свидетель моего преступления?

С этой мыслью я распахнула дверь и окаменела.

Кто-то огромный взял меня за шкуру, словно котенка, и одним взмахом перебросил в двухтысячный год, где мне было двенадцать лет, я стояла, раскачиваясь от ужаса и горя, слушая чудовищные Пашкины обещания, и в конце концов, не выдержав, схватила первое, что подвернулось под руку.

Да, Прохор с Раисой меняли интерьер во всех комнатах.

Но в гостиной они не тронули ничего.

В это невозможно было поверить. Однако я стояла, озираясь, посреди тех самых вещей, которые окружали меня в тот летний вечер.

Камин, портрет, столик с вазой – с малахитовой вазой! Я в ужасе отдернула руку. Как она могла здесь оказаться? Она же раскололась!

Я что, схожу с ума?

Выйти отсюда скорее, захлопнуть дверь, сделать вид, что этой комнаты не существует! Несколько секунд я действительно собиралась сбежать. Но усилием воли заставила себя опуститься на кушетку.

Тише, Яна, тише.

Хотя таблетки действуют, у меня, оказывается, еще сохранилась способность задавать вопросы.

Отчего жуткий музей остался нетронутым?

Казалось, я умру, если не узнаю ответ. Может быть, таким образом дед пытался увековечить память мальчишки, к которому он был привязан?

В углу на кушетке лежал фотоальбом. Пытаясь успокоиться, я взяла его, открыла на первой попавшейся странице и чуть не вскрикнула.

Вот она, эта комната, на фотографии, подписанной: «2012 год». Толстая старая Раиса серьезно смотрит в объектив. Дед снимал широкоугольником, в кадр попали почти все предметы обстановки.

Она была другой! На стене вместо портрета телевизор. Кушетки нет, ее заменили глубокие кресла, вокруг которых толпятся деревянные кадки с фикусами. Между кресел – квадратный столик в виде доски с шахматами.

Один снимок, второй, третий... Не осталось никаких сомнений: после гибели Пашки гостиная действительно была преображена. Долгие годы она выглядела так, как на фотографиях в альбоме. Я поспешно пролистала его до конца. Последний снимок датирован июнем этого года. В июне еще живая Раиса сфотографировала гостиную с фикусами, телевизором и шахматами. Сейчас все это исчезло без следа. До октября кто-то успел сделать перестановку и вернуть все так, как было пятнадцать лет назад.

Похоже, этот музей убийства создан в честь моего приезда.

Я отложила альбом.

Чья-то безжалостная издевка?

Напоминание о том, что и так оставалось неизгладимым из моей памяти?

Чем дольше я сидела в окружении вещей из прошлого, тем отчетливее понимала, что ошибаюсь. Кто-то позаботился не только о том, чтобы восстановить все в прежнем виде. Он – или она – положили здесь фотографии. Их приготовили для меня. Человек, подкрутивший стрелку времени, пытался мне что-то сказать.

Звуки, запахи того лета оживали в моей памяти. Я слышала гнусавый Пашкин голос, обещающий мне психушку. Видела его глумливую ухмылку.

Та же обморочная слабость, что преследовала меня ту июньскую неделю, накатила волной и растворилась, оставив после себя слабое ощущение тошноты.

Не осознавая толком, что делаю, я поднялась и взяла малахитовую вазу. Орудие убийства, которое не могло, не должно было оказаться на прежнем месте.

Она была легкая. Не как пластиковая бутылка, конечно, но и не как камень.

Недоумеваю, я покрутила ее в руках и вдруг поняла: это же гипс! Копия той старой вазы. Очень точная копия: я не отличила ее от настоящей, пока не почувствовала вес.

Вес!

Это ощущение – противоестественной легкости того, что должно было оказаться очень тяжелым – словно включило в моей памяти кнопку воспроизведения. Мне часто снилось, как я бью Пашку в висок. Но то, что я пережила в эту секунду, было в тысячу раз реалистичнее сна.

Время задвоилось, закружилось водоворотом, в котором расслоилось прошлое и настоящее, и я вновь подняла вазу над головой своего врага.

Девочка Тишка, нанеся смертельный удар, потеряла сознание.

Я-взрослая увидела, как рассыпается гипсовая ваза.

Озарение было таким ярким, что я непроизвольно зажмурилась. Меня пошатнуло, я села мимо кушетки, ударилась об пол и от боли немного пришла в себя.

Не может быть...

Я ударила Пашку не настоящей вазой.

Мне потребовалось не меньше пяти минут, чтобы эта мысль как следует укрепилась в сознании. Ваза была имитацией! Поделкой из гипса!

Вот почему я краешком ускользящего сознания видела блестящие осколки – она и в самом деле раскололась и внутри была не зеленой, а белой.

«Камин!»

Только камин мне не хватало, чтобы дорисовать невидимую часть моей картинки.

Пятнадцать лет назад мне почудилось в зеркале отражение малахитовых узоров. Сейчас я понимала, что ошиблась. Этого просто не могло быть. Маленькая Яна Тишко чувствовала себя плохо, в голове у нее мутилось. Иначе бы она сообразила, что камин в два раза выше стола. А значит, над ним стояла вторая ваза. Настоящая.

С которой бабушка Раиса и сделала копию.

Копчик ныл, и эта боль приземляла меня в моем времени, напоминая о реальности. Боль всегда реальнее всего.

Я выпрямилась, подошла к зеркалу, ковыляя как старуха. Отражение испугало меня: оно было не просто бледным, а мертвенным, синеватым.

Но сквозь бессилие, ошеломление и страх все ярче просвечивало понимание.

Если я ударила Пашку гипсовой вазой, я никак не могла его убить.

Если не я убила его, это сделал кто-то другой.

Часть 2

Глава 9

1

– Этой истории очень много лет, – сказала сидевшая в кресле миниатюрная черноглазая девушка, взъерошенная, как искупавшийся в пыли воробей. – Мне рассказывать по порядку?

– Если получится, – кивнул Макар Илюшин.

– Пятнадцать лет назад наша семья собралась в доме у моего деда. Нас было двенадцать человек: пятеро детей, семеро взрослых. Мы прожили вместе месяц, и в конце этого месяца я убила своего троюродного брата.

Она выглядела спокойной, эта крошка, похожая на птичку. На очень сосредоточенную птичку, подумал Бабкин. И слишком спокойной. Как молоко под крышкой кастрюли за секунду до того, как убежать. Маленькие пузырьки уже поднимаются со дна, но вы еще не придаете им значения. А зря.

– Три дня назад я вернулась в этот дом...

– Зачем? – перебил Макар. – Простите, это важно.

– Он достался мне в наследство. – Кажется, она немного смутилась. – От бабушки. Бабушки Раисы.

– А дед?

– Он два года как мертв.

– Хорошо. Вы вернулись в дом...

– ...и поняла, что я не убивала брата. Это сделал кто-то другой.

Макар слегка подался вперед и щелкнул пальцами. «Высокая степень заинтересованности», – диагностировал Бабкин. Не высшая, но высокая. У птички-черноголовки все шансы, что он займется этим делом, если только она сейчас все не испортит.

– Хм, – сказал Илюшин. – Любопытно.

Она заволновалась.

– Экспертиза показала, что мой брат был убит ударом малахитовой вазы. Она размозжила ему висок. Я помню, как схватила вазу, помню сам удар, но кроме этого больше ничего. Я почти сразу потеряла сознание. Завели уголовное дело, но на момент преступления мне было всего двенадцать лет, так что сами понимаете, – она выразительно развела руками.

– Вы сказали, что убийца – не вы. Вам что-нибудь рассказали? То, что

скрывали от вас?

– Нет. Все было не так. После этого... несчастья дед поменял всю обстановку в гостиной. Но незадолго до смерти бабушки все вернули как было. Я думаю, это сделала Раиса.

Яна вкратце пересказала, что произошло, когда она схватила вазу.

– Моя бабушка лепила из гипса. Мне кажется, я правильно восстановила ход событий. Я ударила брата не настоящей малахитовой вазой, а бабушкиной копией. Долгие годы я думала, что находилась в состоянии аффекта, когда схватила ее. Но только вчера поняла, что мои ощущения меня не подводили. Просто это был не камень. Это был муляж. Он раскололся от удара. Я это даже видела, но не осознала.

Яна Тишко перевела дыхание. Бабкин подвинул к ней стакан воды, и девушка благодарно улыбнулась. Все-таки она очень нервничала, теперь это бросалось в глаза.

– Допустим, вы ударили его муляжом, – нахмурился Илюшин. – От этого не умирают.

– Не умирают, – кивнула девушка. – Но от удара гипсовой вазой тоже можно потерять сознание.

Некоторое время Макар молча смотрел на нее.

– Я вижу, вы провели хорошее расследование, – наконец сказал он.

– Гонорара не обещали, но у меня была большая личная заинтересованность.

Илюшин рассмеялся. Яна Тишко улыбнулась в ответ – впервые с того момента, как вошла в квартиру Макара, и лицо у нее стало совсем детским и очень славным.

– Хорошо, – согласился Илюшин. – Допустим, ваш брат упал в обморок.

– Я тоже потеряла сознание. Нашли нас лежащими рядом. У Паши была разбита голова, возле него валялась малахитовая ваза с моими отпечатками.

– Ага, – кивнул Макар. – Я понял. Поправьте меня, если я ошибаюсь. Вы ударили его муляжом, но парню этого хватило, чтобы вырубиться. Пока вы лежали без сознания, в комнату вошел кто-то третий. Оценил обстановку, взял настоящую вазу и добил парня. Потом прижал ваши пальцы к оружию убийства и ушел. Предварительно собрав обломки гипса, конечно же.

Яна кивнула.

– Красивое решение, – одобрил Макар. – Требуется ума, большой решительности и готовности рисковать. И жестокости. Сколько лет было

пацану?

– Пятнадцать.

– Расшибить голову подростку, который и так валяется в обмороке?

Мощно!

Бабкин промолчал. У него дома собственный подросток время от времени выступал с сольными номерами, и он отлично представлял, как можно расшибить ему голову.

– И вы хотите от нас, чтобы мы нашли убийцу.

– Сама я не справлюсь.

– Не совсем наш профиль... – Илюшин задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику.

– Я знаю. Вы занимаетесь пропавшими людьми. Но мне говорили, что иногда вы расследуете и убийства. Вот я и подумала: прошло так много лет, что никто не возьмется, а я... мне...

Она замолчала.

«Мне пришлось пятнадцать лет жить с мыслью, что убийца – я», – перевел Бабкин.

– Вы близки с вашей семьей? – спросил Макар.

– Нет. Я не виделась с ними все это время.

– Ни с бабушкой, ни с дедом?

– Они мне не родные, вернее, не прямая линия. Моя родная бабушка – сестра деда Прохора.

– Она жива?

– Она умерла совсем молодой, когда моя мать была подростком.

– А ваши двоюродные сестры?

– Впервые за все эти годы я поговорила с Женей, когда она позвонила мне и сообщила о смерти бабушки и о завещании. Раиса оставила письменные указания.

– Любопытно.

– В наследство я вступлю только через полгода после ее смерти. Завещание есть у нотариуса, а копия лежала на столике возле ее кровати.

– Вы точно не общались с бабушкой после убийства?

– Ни разу. Я думаю, в доме Прохора запрещалось даже упоминать мое имя. Хотя не знаю, может, я и ошибаюсь. У меня не было времени выяснить это.

Макар подался вперед.

– Вы осознаете, что если мы возьмемся за расследование, то могут всплыть любые факты?

Девушка кивнула.

– Нет, не осознаете, – сказал Илюшин. – В какое время был убит ваш брат?

– Около пяти вечера. Нас нашли в пять двадцать.

– Что делала ваша мать в промежутке с пяти до пяти двадцати?

Она широко раскрыла глаза и стала похожа на изумленного галчонка.

– Моя мать не убивала Павла!

Илюшин удовлетворенно кивнул и откинулся в кресле.

– Это я и имел в виду. Нет, Яна, мы не возьмемся за ваше дело. Именно потому, что в нем замешаны близкие вам люди.

Некоторое время она смотрела на него, не меняясь в лице, и вдруг широко улыбнулась.

– Вы не поняли! Моя мать не убивала Пашку, потому что ее не было в доме. Она ушла на станцию покупать билеты и задержалась там, заболталась с соседкой. Вернулась, когда нас с Пашкой уже нашли.

– Есть показания соседки?

– Нет, но думаю, будут, если вы с ней поговорите. Не знаю, правда, вспомнит ли она тот день.

Илюшин хмыкнул.

– Ну допустим. А остальные? Они живы, кстати?

– Все, кроме бабушки с дедом. Хотя подождите-ка... Не уверена насчет родителей Павла. Но если бы с ними что-то случилось, мать рассказала бы мне.

– То есть мы можем найти всех людей, которые были тогда в доме. Кроме самых старших.

– Именно так.

– А дом теперь принадлежит вам.

Яна кивнула.

Бабкин никогда не умел читать мысли Илюшина. И это его совершенно не расстраивало. У Макара специфическое устройство мозгов, а специфическое устройство мозгов – оно как вирус. Пообщаешься с носителем, и, глядишь, уже сам несешь какую-нибудь пургу.

Однако не требовалось выдающихся способностей, чтобы понять, о чем думает Макар в настоящий момент.

«Занятно!»

Его любимое слово. Сейчас вцепится в бедную девчонку, словно это новогодний подарок ему под елочку, и распотрошит ее до косточек. «Ты посмотри на нее! – хотел сказать Бабкин. – Джинсы, свитер, стрижется сама перед зеркалом. Откуда у нее деньги на оплату твоих развлечений?»

– Кто вы по профессии? – спросил Илюшин. Бабкин иногда

подозревал, что если мысли Макара от него скрыты, то его собственную голову напарник может просвечивать, как рентгеновскими лучами.

Яна снова улыбнулась, как будто вопрос был ей приятен. Сергею это понравилось. Ему были симпатичны люди, которые улыбаются, говоря о своей работе.

– Я ветеринар.

– Собаки?

– Собаки тоже, но в основном кошки.

Макар не любил ходить кругами.

– Расследование, которого вы ждете, может занять много времени. Это значит, что...

– ...что стоимость ваших услуг будет высокой, – подхватила Яна. – Знаю. Если вас беспокоит моя платежеспособность, то я решу этот вопрос. Все-таки я без пяти минут владелица недвижимости.

– Не берись за это дело, – предупредил Бабкин, когда девушка ушла. – Увязнем! Как ты представляешь себе расследование убийства десятилетней давности?

– Пятнадцати.

– Тем более. Половина свидетелей разъехалась, половина в могиле. Никаких гарантий мы ей дать не можем. Да и по правде говоря, сомнительный рассказ: ударила вазой, но не каменной, а гипсовой... Слишком сложно, нет?

– Именно степень идиотизма и заставляет меня поверить в достоверность этой истории.

– Поясни!

Макар поднялся и потянулся до хруста в костях.

– Ты когда последний раз в тренажерке был? – заподозрил неладное Бабкин.

Илюшин вопрос проигнорировал.

– Рассказ этой Тишко выглядит нагромождением нелепых событий. Сначала кто-то делает копию вазы, потом девочка хватает ее вместо настоящей, бьет, и почти взрослый парень теряет сознание... Ну сколько он пролежал? Двадцать секунд? Тридцать? За это время в комнату вбегает кто-то третий, прикладывает его настоящей вазой, убегает...

– Громоздко и неубедительно.

– Громоздко и именно поэтому убедительно, – возразил Макар. – Возьми любое событие, в котором замешано больше трех человек. Увидишь натяжки, шероховатости, чрезмерные совпадения... Потому что

это жизнь, мой недоверчивый друг. Она, при ближайшем рассмотрении, всегда выглядит если не абсурдно, то странно. А временами и вовсе начинает отдавать бульварной литературщиной.

– По-моему, девочка цепляется за иллюзию.

– Не такая уж и девочка. Ей двадцать семь.

Бабкин почесал в затылке. Яна Тишко показалась ему гораздо младше. Он даже удивился вопросу Макара о работе: ясно же, что нигде пока не работает, поскольку студентка. А тут вон оно как.

– Плохо считаешь, – упрекнул Илюшин. – Если было двенадцать на момент убийства, и прошло пятнадцать лет, то арифметика совсем простая. Даже ты бы справился.

Он протянул руку за кубиком Рубика, валявшимся на столе.

Это было новое увлечение Илюшина, и оно несказанно выводило Бабкина из себя. Сам он кубик Рубика мог собрать только по схеме, пыхтя и чертыхаясь. А Илюшин купил головоломку пару недель назад и уже тренировался собирать ее на скорость. Три минуты, видите ли, его не устраивают! Глядя, как он небрежно передвигает разноцветные квадраты, Бабкин всякий раз испытывал острое желание разогнуть подкову, перекреститься трехпудовой гирей либо, на худой конец, выжать лежа килограмм сто шестьдесят – то есть каким-либо нехитрым образом доказать свое превосходство в той единственной сфере, где он действительно обставлял Макара по всем пунктам.

– Если это сделала не Тишко, то пацана убил кто-то из своих. – Илюшин быстро крутил кубик. – Скорее всего, бабка.

– Почему бабка?

– А зачем ей оставлять наследство убийце?

– Думаешь, пыталась искупить вину?

– Ага. Еще и подсказку подбросила в виде преображенной комнаты.

– Странная подсказка! Догадайся, мол, сама.

– Ну уж какая есть.

– А почему прямо не написала? – усомнился Бабкин. – Очистила бы душу покаянием перед смертью. Зачем эти игры с комнатами и вазами? Это ж надо было заново слепить орудие убийства! Прикинь, сидит старушонка и раскрашивает гипс под изумруд.

– Малахит.

– Один черт!

– Два разных. Но в одном ты прав: все это действительно выглядит странновато. Почему бабушка не сказала прямо... Очень хороший вопрос. – Илюшин отложил кубик. – Допустим, раскаялась. Пусть даже

свихнулась на почве потревоженной совести и проводила остаток дней среди интерьера, напоминавшего о ее злодеянии. Допустим! Но отчего не призналась?

«Увлекся, – обреченно понял Бабкин. – Сидеть мне в богом забытом поселке ближайший месяц». А ведь хотел в отпуск! Как раз сейчас, пока нет работы, подумывал вывезти Машку на отдых. Присматривался к подмосковным пансионатам, но, узнав стоимость, решил, что лучше съездить куда-нибудь в Индонезию. Море, солнце. Густой том ям опять же...

– О чем бы ты ни размышлял, все сводится к жратве, – печально сказал Илюшин.

Сергей остолбенел. Будь он инквизитором, Макар в эту минуту был бы как никогда близок к сожжению на костре.

– Судя по твоей отвисшей челюсти, я угадал, – вздохнул Илюшин. – Не смотри на меня как на бога. Хотя нет, смотри. Пожарь мне бифштекс и отвари к нему риса, жалкая бессмысленная тля!

На бессмысленной тле Бабкин пришел в себя.

– Я что, губы облизываю?

– И еще мерзко причмокиваешь при этом, – кивнул Макар.

– Врешь!

– Преувеличиваю.

– Ты не бог, – Бабкин поднялся. – Ты сатир. Я про них недавно читал. Жизнерадостны и наглы. Славились пристрастием к алкоголю и избыточной сексуальной активностью.

– Поклеп! Кстати, ты куда?

– Мясо из морозилки выну, – мрачно сказал Сергей.

2

Янина Тишко

Как сильно, оказывается, мы вцепляемся в самих себя: в свои страхи, в свои кошмары, в свою боль. Сперва просим кого-то всемогущего: помоги! облегчи мне ночь! Но едва доходит до дела, становимся самыми жадными людьми во вселенной. Мое! Не отдам!

Не могу выразить, что я ощутила, когда поняла, что я не убийца.

Представьте, что вы с самого детства живете с горбом. Вы привыкаете таскать на спине тяжесть. Умеете держать голову, изгибая шею под неестественным углом. Да, горб угнетает вас, да, он уродлив, и вы не

ощущаете себя нормальным человеком.

Но, черт возьми! вы притерлись к нему, как любой калека притирается к своему уродству. Вы с ним сроднились и научились извлекать из него выгоду. Чего вам не хватает? Смирения? Напора? Если у вас достаточно ума, вы извлечете из своего горба и то, и другое, как из сундука с драгоценностями.

И вдруг выясняется, что ваш горб – мыльный пузырь!

Я жила с осознанием, что я убийца. И в некоторые мгновения моей жизни черпала из этого факта мрачную радость. Когда в подъезде тот тип с выцветшими глазами и голосом, источающим сизую вонь, притиснул меня к батарее и забормотал, шаря по моему телу, что-то мерзкое, я испугалась его только в первую секунду.

А потом вспомнила, что я могу убить человека.

Удивительно, как много сил придает эта мысль. Гнус с вонючим голосом слетел по лестнице, кувыркаясь и визжа. Я даже испугалась, что сейчас он сломает себе шею и тогда на моем счету будет уже два трупа.

Верите или нет, эта мысль заставила меня рассмеяться.

Как советует моя старенькая соседка, из смеха и рыданий всегда выбирай первое.

За исключением тех случаев, добавляет милейшая Марья Геннадьевна, когда разговариваешь с мужчиной.

Когда я окончательно поняла, что у меня нет горба, то внезапно почувствовала себя обделенной.

А потом на меня нахлынула злость.

Была драма моей жизни. Мучения, страдания. Терновый венец изгоя на голове! Я отличалась от прочих: девочка, убившая брата! Гарри Поттер, вывернутый наизнанку, то есть почти Волан-де-Морт. Я страшна и отвратительна, ха-ха-ха!

Как вдруг демонический убийца сменился нелепым дурачком. Трагедия обернулась цирком.

Пятнадцать лет назад было расследование. Я помню медицинскую комиссию, врачей, задававших бесконечные вопросы. Потом суд признал, что я не нуждаюсь в изоляции от общества в компании себе подобных – малолетних зверьков, убийц и насильников. Меня поставили на учет и отпустили.

Мама хотела, чтобы меня лечили. Разве может здоровый ребенок убить другого ребенка?

Врачи сказали, что я совершенно здорова. Состояние аффекта, повторяли они. Кратковременное помрачение рассудка на фоне пережитого

стресса.

Тогда, в детстве, страха не было. Он пришел, когда я повзрослела. Я стала бояться убить человека. Иногда мне снилось, что я убиваю собственную мать.

Один врач, другой, третий... Наконец, психиатр прописал мне таблетки и дал понять, что лечение будет долгим.

Кажется, мне нужно выкинуть их, как только я вернусь!

Я остановилась перед домом – моим домом. Сколько ни повторяй, поверить в это трудно. Не оставляет чувство, что Раиса передала мне его на время. Или кто-то зло подшутил. Я войду, а там чужие люди. Ходят, ведут себя по-хозяйски, смотрят на меня насмешливо и недоуменно. Кто ты, девочка?

Я с силой толкнула калитку, да так, что она хлопыстнула об забор. Это мой дом! Я разберусь, что в нем произошло пятнадцать лет назад.

В прихожей горел свет. Из столовой доносилось позвякивание приборов. Странно... Женька собиралась съездить к матери за вещами, а Лелик обещал привезти продукты. Кто из них вернулся раньше срока?

Я заглянула в комнату и остолбенела.

За столом сидела задумчивая женщина с длинными светлыми волосами. Увидев меня, она поднялась. Ни стеснения, ни страха не выразилось на ее странно красивом, каком-то нездешнем лице.

– Здравствуй, Яна, – певуче сказала она. – Рада тебя видеть. Прости, я тут похозяйничала. Женька заверила, что ты не будешь против.

– Женька, – машинально повторила я. – Заверила?

И тут до меня дошло.

– Господи, Вероника!

Привычка улыбаться краешком рта за эти годы у нее не исчезла.

– Конечно, это я. А ты ожидала кого-то другого?

3

– У вас есть предположения, кто и зачем мог убить вашего брата?

Они сидели в кафе, в райцентре по соседству с поселком. Бабкин с Макаром прибыли заранее. «Хочу посмотреть на дальнобойщиков», – ныл Макар, пока Бабкин объезжал улицы, выбирая, где они будут обедать. «Никаких дальнобойщиков», – отрезал Сергей. «У меня антропологические изыскания!» – «А у меня аллергия на твои выкрутасы».

В конце концов Бабкин остановился возле маленького, отдельно

стоящего кирпичного домика с чистыми занавесками и обещанием украинской кухни.

Пампушки в представлении повара выглядели как сухарики, но борщ и в самом деле оказался неплох. Яна Тишко заказала только чай. Бабкин поймал себя на желании накормить ее. Илюшин, черт проницательный, тут же глянул насмешливо. Потом опять будет высмеивать Сергея за стремление опекать маленьких и хрупких.

– Я знаю, кажется, почему его убили, – сказала Яна. – Только не знаю кто.

Бабкин даже про суп забыл.

– Знаете, почему убили? – недоверчиво переспросил он.

– Да. Только недавно поняла. Пока я считала, что виновата в его смерти, мне в голову не приходило задумываться. Зато уж как начала...

Она замолчала, собралась с мыслями.

– В общем, так. В то время, когда мы жили у Прохора, в поселке убили и ограбили одну старуху...

И Яна рассказала, что случилось с Изольдой Дарницкой.

– ...а потом мы убежали из дома и никому не рассказывали о том, что видели.

– Вы серьезно думали, что вам встретился тролль? – не удержался Бабкин.

– У меня было очень развитое воображение, – сдержанно ответила девушка. – Я жила наполовину в своем собственном выдуманном мире, и, поверьте, он был для меня более чем реален. К тому же во многих отношениях я была гораздо младше своих двенадцати лет. Да, я серьезно думала, что видела тролля. Точнее, что-то страшное. Нечеловеческое. Мне казалось, Изольда дала жизнь этому существу, а мы каким-то образом разбудили его. Или разгневали. В общем, я ощущала свою вину.

– С Женей вы это не обсуждали? – спросил Макар.

– Никогда. Мы вообще не упоминали об этом случае.

– Хорошо. А какое отношение эта история имеет к вашему брату?

Девушка обеими ладонями обхватила чашку с чаем.

– Когда мы выбежали из дома, мне показалось, что я вижу в кустах Пашкину физиономию. Сейчас я уверена, что не ошиблась. Он дожидался нас.

– Зачем?

– Пашка за всеми следил. Вынюхивал. Ему нужно было знать обо всех как можно больше, потому что это давало возможность с нами справиться.

– В каком смысле?

– Женька конкурировала с ним за расположение деда. Эти двое, Женька и Пашка, были лидерами нашей гонки. Думаю, он собирал на каждого что-то вроде компромата. Факты, которые в правильно выбранный момент можно было предъявить Прохору. Дед колебался, как флюгер, ему нравилось то одно, то другое, он был очень непостоянен в своих симпатиях. Сейчас-то я думаю, что он притворялся. Его не привлекали в качестве наследников ни я, ни Лелик. Дед считал нужным при всех высказать одобрение лишь для того, чтобы заставить остальных поволноваться. Но мы тогда этого не знали, и Пашка не знал.

– Вы ведете к тому, что его убила Женька?

Девушка покачала головой:

– Как раз Женька и не могла его убить.

– Но вы же сами сказали...

– Нет-нет, вы меня не поняли. Смотрите: Изольду ограбили. Это произошло в тот же день, когда мы с Женькой забрались в ее дом. Совпадение, чистая случайность! Пашка следил за нами. Должно быть, он подслушал тот разговор, когда Женька убедила меня присоединиться к ней. Или просто ходил за ней по пятам... В общем, он оказался возле дома Дарницкой и видел, как мы убегаем. Понимаете, что это значит?

Бабкин отрицательно покачал головой. Макар кивнул:

– Вы предполагаете, что он увидел убийцу Дарницкой.

– Ну конечно! Это самое простое и очевидное объяснение. Я не смогла разглядеть лица человека, который следовал за Изольдой. Наверное, он был в маске – потому-то я и приняла его за чудовище. Но когда он выбежал на улицу, то наверняка снял ее. И если Пашка не успел к этому времени удрать, то он должен был его увидеть.

– Вы ведь сами сейчас осознаете, к чему ведете, правда? – мягко спросил Макар.

Яна вздохнула:

– Да. Если я права, получается, что Изольду убил один из тех, кто жил тогда в доме Прохора. Кто-то из моих родственников. Убил и ограбил.

Макар помолчал, помешивая остывающий кофе.

– У вас есть хоть какие-нибудь подозрения, кто это мог быть? Кто-нибудь внезапно разбогател?

– Я ведь ничего не знаю о них, – виновато сказала Яна. – Меня, так сказать, вышвырнули на обочину, и эта карета катилась дальше без меня. Если у кого-то и изменилось материальное положение, мне об этом не рассказывали.

– А вашей матери?

– Вряд ли. Если на мне стояло клеймо «убийца», то на ней – «мать убийцы». Это не способствует взаимопониманию с родственниками.

Илюшин взглянул на Сергея, и тот обреченно достал записную книжку. Макар пользовался планшетом, но Бабкин электронным носителям информации не доверял и по старинке записывал все на бумаге.

– Изольда Дарницкая, – продиктовал Илюшин. – Все, что сможешь найти.

«Не будет у меня никакого месяца в тихом поселке, – подумал Сергей. – Придется бегать как лосю по болотам».

– Я не уверена, что она Изольда, – вмешалась девушка. – Вдруг это сценический псевдоним?

– Это нетрудно выяснить.

– Я могу спросить у Лелика. То есть у Алексея. Он-то наверняка помнит.

– Это тот, который вчера приехал в дом вашего деда?

– Да. Он хороший... Или казался таким, когда мне было двенадцать лет.

Лелик, Лелик, бледная спирохета! Лелик много замечает, но мало говорит. Лелик рисует в тетради супергероев и придумывает о них истории. Однажды показал Тишке свою тетрадь. Его автопортрет тоже был там, но не среди героев, а на внутренней стороне обложки.

– Почему ты не с ними?

Тишка ожидала, что Лелик придумает себе какую-нибудь выдающуюся суперспособность. Скажем, умение взглядом прожигать дыры. Или летать!

Мальчик покачал головой:

– Потому что я не герой. Я наблюдатель.

– Это же неинтересно!

– Зато важно. Кто-то ведь должен вести летопись событий. Супергероев в конце концов убьют.

– Летописца тоже могут!

– Ну и пусть. Зато летопись останется. Память – это самое важное.

Лелик делает дурацкие вещи. Прячет плюшевых мышей по выдвижным ящикам. Ставит железную коробочку под водосточной трубой и говорит, что в нее льются песни дождя. Раскладывает кленовые листья по подоконникам, и когда тетя Люда открывает форточку, сквозняк разносит их по комнате.

Тетя Люда сердится, а Тишка думает: листья на полу – это ведь так красиво.

– ...В детстве он мне нравился. Наверное, я могла бы даже назвать его своим другом. Случаются ведь такие краткосрочные друзья в жизни человека, правда?

– А сейчас?

Яна задумалась.

– Я не знаю, кто он такой, – сказала она наконец. – По-моему, с прежним Леликом его роднят только уши.

– Говорите, он приехал вчера?

– Да. Вчера утром.

– Судя по оживлению в вашем семействе, можно ожидать скорого появления его отца, – пробормотал Макар.

Яна Тишко слабо улыбнулась и покачала головой:

– Вряд ли. Дядя Юра всегда был наособицу. Приглашение Прохора он принял, потому что...

Он запнулась и растерянно посмотрела на Бабкина и Макара.

– Ой. Я вдруг поняла, что не знаю, зачем он приехал тогда в Литвиновку. Прохор над ним насмеялся. А дядя Юра с отцом разговаривал так, как будто за каждое слово ему приходится платить.

– Это тоже выясним. – Илюшин помахал официантке и попросил еще кофе. – Кстати, где он живет?

– В Питере. Кажется.

Второй выразительный взгляд Илюшина в сторону напарника. «Еще и Питер», – вздохнул Бабкин, добавляя пометку в блокноте. Кроме шоколада для Машки, он традиционно привозил оттуда простуду.

– Чем сейчас занимаются ваши сестры?

– Не знаю. – Яна почувствовала себя ученицей, которая плохо подготовилась к экзамену. – Я не успела их расспросить. По правде говоря, они не рвались со мной общаться.

Бабкин хмыкнул.

– Они живут в вашем доме и при этом не хотят с вами общаться?

– Не то чтобы не хотят...

Черт, это трудно было объяснить.

– Просто некоторые очень деликатны, – пришел на помощь Макар. – В отличие от тебя, мой стенобитный друг.

– Нет, дело не в деликатности. Но поймите, они ведь по-прежнему видят во мне убийцу Пашки. В семье у меня своя роль, и это роль преступницы. Паршивой овцы. А я больше не готова ее играть. Теперь, когда я знаю, что убийца не я, мне все время хочется наорать на них,

встряхнуть, заставить смотреть на меня другими глазами. Крикнуть им: «Вы столько лет ошибались!» Я понимаю, что этого не стоит делать...

– Преждевременно, – согласился Макар. – Любой из них мог быть тем, кто взял в руки настоящую малахитовую вазу.

– И тогда вы живете под одной крышей с убийцей, – подытожил Сергей.

Яна потерла нос и смешно поморщилась:

– Знаете, я пятнадцать лет жила под одной крышей с убийцей. Потерплю уж еще немного.

Илюшин рассмеялся. До Сергея не сразу дошло, о чем она говорит, но поняв, он осуждающе покачал головой. Если девочка права и история со смертью ее брата и в самом деле не так однозначна, как выглядела, то слет родственников на место давнего преступления ему не нравился.

– Скорее всего, они приехали делить наследство, – отвечая на его невысказанные мысли, пробормотал Илюшин. – Но в любом случае рядом с ними может быть небезопасно. Яна, как вы смотрите на то, чтобы представить меня своим другом?

– Хотите поселиться вместе с нами? – догадалась она.

– Хотя бы на несколько дней. Неплохо бы собственными глазами взглянуть на место преступления и познакомиться с вашей родней.

Она не задумалась ни на секунду:

– Никаких проблем! Дом огромный, там куча места. Сможете расположиться где пожелаете.

– Вот и прекрасно.

«Быстро же они договорились, – подумал Сергей. – Вот так всегда. Кому-то предстоит раскапывать ограбление столетней давности, а кто-то будет наслаждаться компанией трех хорошеньких девиц».

4

Алексей Савельев

Я видел, как они вышли из кафе. Худощавый взъерошенный парень придержал дверь перед Яной, здоровяк шел замыкающим. Мой «Ауди» был припаркован близко, я успел хорошо их разглядеть.

Парню лет тридцать, вряд ли больше. Умное лицо, располагающее. Губы насмешливые, хорошего рисунка, без инфантильной припухлости, которую так часто можно встретить у наших ровесников. И прищуривается. Когда он обернулся ко второму, я поймал характерный наклон головы.

Бьюсь об заклад, он часто наклоняет голову, когда прислушивается или всматривается. Словно меняет угол обзора.

Второй мне не понравился. Бритая башка, угрюмый взгляд, тяжелый подбородок. Про таких говорят – зыркает. Ну да, так и есть. Он и на меня зыркнул, но я опустил глаза в смартфон и почти сразу почувствовал, как чужой взгляд перестал давить на меня.

Они посадили Яну в такси, а сами двинулись к черному БМВ на другой стороне улицы. Я не сомневался, что за руль паркетника сядет бритый, и оказался прав.

Кто они такие? Братки, чтобы вышибать долги?

Чушь. Во-первых, из кого?

Во-вторых, на братка похож только здоровяк. Присутствие второго парня – я окрестил его Умником – меняло все дело.

Что им здесь надо?

Интуиция подсказывала, что эти двое как-то связаны с наследством Раисы и Прохора.

Когда я вернулся домой, мне навстречу по лестнице спускалась Вероника. Кажется, я застыл на месте. Она и в детстве оказывала на меня такое воздействие. Не из-за ее особенной красоты. Я вообще не уверен, можно ли назвать ее красивой. Просто когда видишь ее, хочется стоять и смотреть, вот и все.

Помню, я тогда много раз пытался ее нарисовать. Женька требовала от меня портрета, а Вероника ни разу не просила об этом. И все-таки я пробовал, снова и снова. У меня была своя секретная тетрадка, и в ней с каждой страницы смотрело ее лицо.

Широко расставленные прозрачные глаза. Губы, сложенные в полуулыбку. Девочка-тайна, девочка-загадка. Двигается с ленцой, не идет, а плывет. Воздух вокруг нее загустевает, превращается в воду, и течения несут пылинки шлейфом из комнаты в комнату. Девочка-русалка. Принц от такой не ушел бы никуда, пропал в этих светло-голубых глазах, утонул, и ведьма пропала бы и до конца своей жизни приплывала к берегу, чтобы взглянуть на белокурую девочку с улыбкой феи.

Иногда мне казалось, что она полная дура. Пару раз я заставлял ее валяющейся на диване с плеером. В ушах наушники. Я, помню, обрадовался – думал, найдется общая тема для беседы! Попросил дать мне послушать, что там у нее – а это оказалась какая-то невыносимая попса. В двенадцать лет я был достаточно продвинутым, чтобы слушать Гребенщикова и Цоя. А тут – ла-ла-ла, мой любимый, ла-ла-ла, мы два

мира... Вот уж точно! Два мира.

Самое поразительное – это выражение ее лица. Она слушала адскую пошлятину, а улыбка на ее губах была до того одухотворенной, словно ей в одно ухо играл Бах, а в другое – Моцарт. Помню, меня это ошеломило. Я полагал, должна быть какая-то связь: например, тот, кто слушает «Руки вверх», непременно имеет придурковатую рожу. Вероника буквально перевернула мои представления о людях.

– Привет!

– Здравствуй, Леша.

Она показалась мне огорченной, и я задал прямой вопрос.

– Огорчена? – обычным своим рассеянным тоном переспросила она. – Просто устала.

Второй день она просиживает наверху, в дедовом кабинете. Перебирает фотоальбомы. Рассматривает дедов архив. Делает вид, что в ней проснулся интерес к семейной истории.

Из всех нас она была меньше прочих заинтересована в том, чтобы понравиться Прохору. Кроме меня, конечно же.

Но меня оберегало отцовское состояние. Папе было глубоко наплевать, кому достанется наследство старика. Ему оно не требовалось. Я тогда впервые в жизни понял, что на самом деле дают деньги. Независимость! Скажете – банальщина? Ну да. Но для двенадцатилетнего мальчишки это было открытие. Прежде-то мне нравилось воображать, будто я презираю все эти низменные материи. Ага, как же. Достаточно оказалось папе принести мне коробку дешевых карандашей вместо моих, привычных, и все мое презрение ухнуло в пропасть.

Веронику же защищало нечто иное – внутреннее безразличие ко всем играм Прохора. Я старался напустить на себя независимый вид. Однако в глубине души мне нравилось, когда дед хвалил меня. «Я вам покажу Лелика-анаболика! – думал я, имея в виду в основном Женьку. – Узнаете еще бледную спирохету!»

А Веронике и впрямь было все равно. Иногда по ее лицу пробегала едва уловимая гримаса, если дед обращался к ней со словами одобрения.

Совсем легкое движение губ. Взгляд, быстро отведенный в сторону.

Я бы мог поклясться, что в этом взгляде таилась ненависть. Ярость жертвы, вынужденной улыбаться своему мучителю. Я столько минут провел, наблюдая за этой чарующей девочкой, что самоуверенно считал себя способным истолковать ее мимику.

– Почему ты так смотришь?

Я спохватился, что, ударившись в воспоминания, по-прежнему

таращусь на Веронику.

– Прости! Просто задумался...

– У тебя все в порядке?

Я хотел ответить, что да, но не успел: дверь распахнулась, и на пороге появилась Яна.

– Всем привет! – с напускной жизнерадостностью сказала она. – А у меня сюрприз. Ко мне в гости приехал мой... э-э-э... друг.

Она посторонилась, и за ее спиной я увидел Умника.

– Здравствуйте. – Улыбка у него была на редкость обаятельная. – Меня зовут Макар. Рад познакомиться.

Яна отвела своего лжедруга на кухню, а я отправился предупредить Женю. На самом деле мне хотелось поговорить с кем-то, кто мог разделить мою злость. Женька подходила идеально: она терпеть не могла Яну. Даже не знаю почему.

Впрочем, догадываюсь. В маленькой Тишке уязвимость странным образом сочеталась с неприступностью. Она была трогательная, доверчивая и очень, очень наивная. Ее ничего не стоило обмануть. Но как только Женька решала, что она хозяйка положения, Тишка выкидывала что-нибудь эдакое...

Даже не знаю, как объяснить.

Скажем, она не брала Женьку с собой в лес. Ни разу. Сколько та ни просилась, Тишка просто молча улыбалась и качала головой, и это выглядело так, словно у нее есть своя тайна, к которой никому нельзя прикоснуться. Женька пыталась ее выслеживать – я точно знаю, потому что и сам пробовал. Но Тишка, оказавшись в лесу, превращалась из девочки в юркого зверька. Она просто исчезала в траве – как мышь или белка. А мы оставались людьми: шумными, неуклюжими, медлительными. Представляю, как это бесило Женьку. Проигрыш! Она все отношения, каждый разговор расценивала с точки зрения поражения или победы. Утомительно иметь дело с человеком, который все время думает, что вы на ринге, и стремится врезать тебе по челюсти.

Но сейчас мне требовался союзник. Яна врал насчет своего бойфренда. Я мог бы прозакладывать свое издательство: никакой он ей не друг. Я видел, как они обмениваются взглядами. Как стоят рядом. Как прикасаются – вернее, *не* прикасаются! Последние мои сомнения рассеялись, когда Яна позвала всех пить чай. Она положила ему чайную ложечку справа, а парень был левшой. Я заметил это на второй минуте

общения.

Нет, они были знакомы совсем недавно. А значит, Яна солгала нам. Привела в дом чужака. И чем больше я смотрел на него, тем сильнее убеждался, что этот чужак для нас опасен.

Женьку я нашел в библиотеке. Она рассматривала что-то на подоконнике, какую-то грудку мелких предметов, и вздрогнула, когда я подошел.

– Ой! Я тебя не заметила...

Я уставился на рисунок – птичку с густой челкой.

– Где ты их нашла?

Пальцы сами потянулись к этой мелочовке. Кулон с зеленой стекляшкой, дырявый камешек, синее перо, какой-то сморщенный корешок... Все это принадлежало Тишке. Старинные сокровища, ее ценности того давнишнего лета.

– Мыла батарею под подоконником, а там тайник, – удивленно сказала Женька. – Надо ей отдать...

– Я отнесу!

Женька, кажется, хотела возразить, но я уже распихивал детское счастье по карманам.

При виде картинки, которую я рисовал для Тишки, со мной что-то произошло. Злость испарилась. Я вспомнил девочку, которая была моим единственным другом в том лихорадочном июне, и как я рисовал для нее смешную пичужку, стараясь, чтобы она вышла похожей на нее, и как мы воевали двумя армиями мышей...

Женька стояла ко мне боком, плечи ее были сильно напряжены. Мне показалось, она кусает губы.

– Эй, ты чего? Расстроена чем-то?

Она обернулась, и я чуть не отшатнулся. Глаза у нее были злые.

Я помню ее в детстве: вызывающие платья, белоснежные длинные ноги, лебединая шея. Да что там шея! Женька вся была – лебедь. И пантера. Может существовать гибрид лебедя с пантерой? Однажды мы купались, и Прохор рассказал нам, как учат плавать детей, бросая в воду с лодки. Я тогда подумал, что случись это с Женькой, она принципиально пошла бы ко дну, чтобы не оправдывать ничьих ожиданий.

В нынешней Женьке лебедя оставалось все меньше, а пантеры становилось все больше. И эта была довольно потрепанная в драках, уставшая пантера.

– Почему ты вечно лезешь, куда не просят? Я сама хотела ей отдать!

Женька говорила взвинченным тоном. От нее исходила волна

напряжения. Стоять рядом с ней было неприятно, и вместо экспрессивного рассказа о новом госте я отделался сухим отчетом.

– Макар? – она не проявила особого интереса. – Дурацкое имя. Слушай, Лелик...

Она вдруг взяла меня за руку. Я вздрогнул: ладонь была жаркой.

– Ты не простужена?

– Что? Господи, да нет же! Ты должен мне...

Ей не дали договорить: в библиотеку вошла Яна.

– Леша! Я тебя везде ищу. Женя, прости, я у тебя его забираю.

Женя запротестовала, но Янка уже вела меня за собой, решительная, будто крейсер. Мы поднялись в ее бывшую детскую комнату. Она закрыла дверь и обернулась ко мне:

– А теперь для разнообразия я хочу услышать правду. Зачем ты приехал?

Глава 10

1

«Это ж сколько стоит отапливать такую дуру!» – подумал Бабкин, но вслух выразил восхищение размерами дома и продуманностью его архитектуры. Яна фыркнула. Кажется, она ни на секунду не приняла его восторги всерьез.

Они сидели вдвоем в столовой, а за окнами бушевало желтое море листьев – золотистых, лимонных, янтарных. Ветер раскачивал деревья, бился в печной трубе.

– Наконец-то взрослая осень! – одобрительно сказала Яна. – А то было какое-то бледное преддверие зимы.

У двери выросла тонкая светловолосая фигурка.

– О, Вероника! Познакомься: это Сергей, друг Макара.

– Здравствуйте, Сергей, – равнодушно сказала голубоглазая женщина, похожая на выросшую Снегурочку, которой никогда не дарили подарков. – Яна, ты не дашь мне ключи от верхних комнат?

Яна секунду помедлила, потом кивнула:

– Они в ящике комода в прихожей.

– Зачем ей ключи? – тихо спросил Бабкин, когда женщина исчезла.

– Понятия не имею.

– А зачем даете?

– Не понимаю, на каком основании я могла бы ей отказать, – призналась Яна.

– Может, на том основании, что вы хозяйка?

Она только виновато улыбнулась в ответ. На плите загудел чайник, будто готовящийся отплыть пароход, и пару минут спустя Бабкин прихлебывал крепкий сладкий чай, пахнущий хвоей.

Час назад он перевез свои вещи в дом Савельевых. Первые же несколько дней расследования показали, что им с Илюшиным нужна общая база и проще всего было организовать ее в Литвиновке.

Едва войдя в дом, Сергей столкнулся с Алексеем Савельевым. Взгляд у того был пронизательный и неприязненный. Впрочем, неприязнь младший Савельев постарался скрыть, и руку Бабкину пожал с фальшивым воодушевлением.

«Неглупый парень, – оценил его Сергей. – Себе на уме. Похож на

ботаника, но из тех, у которых в самую неподходящую минуту выплывает какое-нибудь внезапное увлечение вроде метания кинжалов или джиуджитсу».

Пока Сергей допивал свой чай, парень, похожий на ботаника, поднялся на второй этаж, стараясь издавать как можно меньше шума. Он дошел до комнаты, где Вероника рылась в вещах Раисы и кивнул, словно убедившись в справедливости своих предположений.

«Я знаю, зачем сюда приехала одна сестра. Но что здесь нужно второй?»

Женьку Лелик нашел в библиотеке. Последние два дня она отчего-то с ним не разговаривала.

– У нас еще один гость, – предупредил Лелик.

«Тоже не тот, за кого себя выдает».

Женька новости не обрадовалась.

– Надолго он здесь?

– Не знаю.

Она хмуро постучала пальцами по подоконнику. «Мы тебе мешаем, – подумал Лелик. – Все, кто сейчас обитает в доме. Новый человек – новая помеха».

– Как ни зайду, ты все время в библиотеке, – задумчиво сказал он. – Почему? Книг ты не любишь.

Женька ответила не сразу.

– Понимаешь, я часто здесь бывала. Дед в основном сидел наверху, бабка – ну, ты сам знаешь. Здесь можно было спрятаться от всех.

– И от Пашки?

– Этот хорек всегда умел меня выследить, – фыркнула Женька. – Но он думал, что я читаю. А я просто валялась на подоконнике и смотрела на улицу. Наблюдала за мамашей.

Лелик покосился в окно. Оно выходило в узкий, заросший крапивой проход между их и соседским заборами.

– Какой мамашей, Жень?

– Своей собственной. Шныряющей туда-сюда.

– Как это – шныряющей? – непонимающе переспросил Лелик. – Зачем?

Ему представилась тяжеловесная Людмила, бегающая кроссы вдоль забора.

– До Изольды и обратно.

Он взглянул на Женьку, подозревая, что его разыгрывают.

– Чего уставился? – холодно, но без враждебности осведомилась она,

не поворачивая головы. – Мать моя бывала у Изольды по два раза в неделю, не меньше. И никому об этом ни словом не обмолвилась.

Савельев молча переваривал эту новость.

– Понимаешь, что это значит? Что ей, глупой корове, Изольда открыла двери. А мне – нет!

– Твоя мать не глупая корова.

Женька отмахнулась.

– Она самая! Чем она могла так заинтересовать старуху, объясни мне! Можешь? Вот то-то же. И я не могу.

– А спросить не пробовала?

– Бесполезно. Из нее ничего не выжмешь, если она сама не захочет рассказать.

2

За несколько дней проживания в Литвиновке Илюшин отпустил щетину и приспособился носить толстые шерстяные свитера с горлом.

– Ты похож на неудачную заготовку Хэмингуэя, – констатировал Сергей, войдя в комнату. – Скоро совсем опростишься. Начнешь сморкаться в два пальца, драться с соседями и запивать водку самогоном.

– Звучит заманчиво! – Макар поднял воротник свитера до самого подбородка и отсел от окна, в которое колотился набирающий силу ветер. – Ладно, ближе к делу.

Бабкин расположился за столом и открыл блокнот.

– С кого начинать?

– Давай с деда.

– Савельев Прохор Петрович, – зачитал Сергей. – Погоняло – Тульский Зодчий. Год рождения – тысяча девятьсот тридцать пятый. Профессия – писатель. Это все ты и без меня знаешь.

– Писатель-почвенник, – уточнил Макар. – И не погоняло, а творческий псевдоним. Кстати, почему Тульский?

– Потому что родился в Туле. Молодец мужик, выжал из этого непримечательного факта все, что только можно. Хотя с двадцати лет жил в Москве, а в конце девяностых прочно обосновался в Литвиновке. Ты читал его прозу?

– Не осилил. Пробовал, но не смог. Все мой хороший литературный вкус, черт бы его побрал.

– Графомания?

Макар скорчил сложную физиономию.

– Видишь ли, Савельев – чистой воды конъюнктурщик. Он всегда знал, о чем нужно писать. Родные просторы, морщинистые лица стариков, озимые... В общем, восходы с закатами и прочее полесье. Подсолнухи колосятся, родники бьют из сердца матушки-земли... Все по Ильфу и Петрову: рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучики по белу светушку. При этом я не сказал бы, что Савельев – полная бездарность. Вовсе нет. И это самое печальное.

– Почему?

Макар ненадолго задумался.

– Есть писатели-предприниматели. Они, собственно, и не писатели в классическом смысле слова. Это люди, которые понимают, как с помощью букв можно заработать. И зарабатывают! Они энергичны, находчивы, могут обладать большим обаянием, которое тоже, между прочим, успешно конвертируют в гонорар. Много выступают и вообще стараются торговать лицом. Понимают: чем больше светишься, тем выше продажи. У них чутье на востребованные темы и запросы общества. Скажем, богатая почва для них – патриотизм. Или наоборот: трагические песни о деградации нынешнего общества. Для них, в принципе, нет никакой разницы, о чем писать, но один раз оседлав лошадь, перепрыгивать на другую не слишком удобно, да и читатель может попасться памятный. Талант у них один, и к литературе он не имеет отношения. Зато бизнесмены они отличные.

– Хочешь сказать, Савельев не из их числа?

– Он-то как раз настоящий писатель, и потенциально – очень неплохой. Я нашел старые журналы с его ранними вещами. Они наивны, конечно... Но в них что-то есть. Какая-то искра. Они запоминаются. Но Савельев, видимо, рассудил, что если писать как хочется, ни денег, ни славы это не принесет. И стал писать так, как надо. Нашел востребованную тему и принялся без устали вспахивать эту делянку. Деревенская проза, историко-патриотические экскурсии... Сразу у него все заработало: публикации, Союз писателей, а там и свои сборники пошли. Легенда о тульском самородке выстрелила в нужный момент. Савельев объявил, что он певец родной земли – и пел как соловей. На радио много выступал, читал свои тексты. Даже передача была: «Час Тульского Зодчего».

– Час? – ужаснулся Бабкин.

– Шла двадцать пять минут.

Оба рассмеялись.

– Прохор успел вскочить в последний вагон, – сказал Илюшин. – Лет через десять все эти деревенские славословия уже никого не интересовали.

Но тогда он снял сливки со своей популярности. Не удивлюсь, кстати, если б его патриотические рассказы о воспитании молодежи включили в школьные учебники. Они такие... правильные. Не придерешься! Но кем Прохор никогда не был, так это дураком. Он отлично понимал, что вся его писательская слава – пшик. Где-то есть настоящий табель о рангах, и в этом табеле Прохор Савельев никто.

– Думаешь, его это заботило?

– Судя по тому, как тщательно он поддерживал легенду о своем величии – еще как.

– Просто они все чокнутые на этой теме. Писатели.

– Может быть, и так. А может, Савельев всех презирал: и тех, кто взрастил его как Тульского Зодчего, и тех, кто его читал. Но нельзя играть в игру «как здорово я вас всех облапошил» и не задумываться над тем, что самым главным облапошенным в ней оказываешься ты сам.

Бабкин заварил себе кофе и вернулся к Макару.

– Ладно, поехали дальше. В двухтысячном году на Прохора нисходит блажь, и он собирает у себя семейство, которое до этого сам же разогнал. Крутого норова был мужик. С обоими сыновьями поссорился, племянниц за людей не держал. Встреча закончилась смертью Павла Варнавина.

– Почему Варнавина?

– Вениамин еще в юности поменял фамилию. В общем, было проведено расследование, установили виновность Яны Тишко. Она, собственно, все признала. Ее с матерью выгнали из дома Савельева, остальные в течение следующих двух недель сами разъехались. Прохор никого из детей при себе не оставил, но облагодетельствовал двоих: племянницу Людмилу и младшего сына. Вениамина, среди домашних – Веника.

– Значит, племянницу и сына, – повторил Макар. – А третьему ничего не досталось. Вот с этого момента давай-ка подробнее.

...Юрий Савельев был отцовским разочарованием примерно с трех лет. Как только пошел в детский сад, и к нему злыми репейниками принялись цепляться простуды и гриппы. Наследник рода Савельевых – и вдруг жалкий болезненный выродок? Прохор злился. Не будь так очевидно, что Раиса ему верна, он обвинил бы ее в том, что ребенок не от него.

Юра рос, но из болезней не выбрался. Он пропускал детские праздники, на утренниках ему никогда не давали большие роли, потому что учителя знали: Юрка под новый год наверняка свалится с очередным гриппом. Так и случалось.

Сам Прохор никогда не болел ничем серьезнее простуды. Он презирал хилых и чахлых. То, что хилый и чахлый родился в его собственной семье, оскорбляло Прохора. Унижало его достоинство.

Юрка со своими соплями, головными болями, температурами и воспалениями был постоянным отцовским позором.

Пожалеть мальчика Прохору и в голову не приходило. Для жалости есть мать. А парень должен расти мужиком, а не сопливой тряпкой!

Старший Савельев уважал физическую силу. Обливался холодной водой, нырял в прорубь, отжимался и подтягивался на турнике пятьдесят раз, несмотря на крупное свое телосложение. Мечтал, чтобы сын был похож на него.

Юра рос серьезным, сосредоточенным, много читал (что еще делать, когда валяешься в постели с температурой) и отказывался понимать, зачем нужно терпеть ледяную воду и холодный ветер. С отцом его родила одна черта – упрямство. Прохор тщетно пытался заставить сына делать хотя бы утреннюю зарядку. Юрка, только выбравшийся из простуд, желал лишь одного: чтобы его не трогали. Он знал, что промежуток между болезнями будет недолгим, и отказывался тратить ресурсы своего тела на то, что не приносит ни малейшего удовольствия.

– Ты будешь здоровым! – гремел Прохор. – Это закалка, кретин!

– Польза от закаливания не подтверждена, – сдержанно сообщал пятнадцатилетний Юра. – Возможно, мы имеем дело с одним из самых глобальных самообманов за всю историю медицины.

Очередной чувствительный удар он нанес Прохору, когда внезапно для отца и матери поступил на геологический.

Старший Савельев распланировал, как будет проходить дальнейшая жизнь его сына. Сначала – экономический факультет. Потом его связи позволят пристроить Юрия на теплое место в тульской администрации. Карьерный рост сыну обеспечен. Последует перевод в Москву, а там лишь нужно будет прибиться к стоящему человечку, и тот потащит за собой Юрия, как паровоз.

– Я хочу быть ученым, – сказал Юра.

Прохор его чуть не проклял. Какой из тебя ученый, придурок? А главное – зачем?

– А дальше, – сказал Бабкин, – начинается самое интересное. Еще во время учебы Юрий женился. У них родился сын, Алексей. Нужны были деньги, и Савельев стал искать, где можно заработать. Дальний родственник жены втянул его в дело, которое обещало принести золотые

горы. Геологическая разведка, ни больше ни меньше. Но к тому моменту, когда наивный Юра Савельев влез в этот бизнес, этот кусок был поделен. Отдавать свою долю никто не хотел. Юрий тем временем раскручивался: открыл свою фирму, набрал людей. Его предупредили один раз, предупредили другой. Но это были лихие девяностые, и с непонятливыми бизнесменами никто не проводил долгих воспитательных бесед.

– Жестко наехали? – спросил Макар.

– Когда они возвращались с женой из театра, их встретили возле подъезда. Стреляли в обоих: женщину убили, Юрий выжил. Отлежавшись в больнице, приехал к Прохору и попытался оставить ему сына. Отец его выгнал. Ему не нужен был ребенок, а Юрию он сообщил, что тот сам во всем виноват: следовал бы его руководящим указаниям – все было бы в порядке. Расхлебывать последствия сыновней дурости он не желает.

– Интересно, как отнеслась ко всему происходящему Раиса, – задумчиво сказал Макар.

– Думаю, ее никто не спрашивал. После того как отец его выставил, Юрий пристроил мальчика к родителям жены. Отношения у них были натянутые, а после ее смерти они зятя и вовсе видеть не могли. Но Алексея взяли. Воспитывался он у них пару лет. И вот тут у меня пробел...

– В смысле?

– В биографии Юрия. Мне не удалось восстановить, чем он занимался эти два года. Но внутренний стержень у мужика оказался крепким. Те люди, которые стояли за несостоявшимся заказным убийством, по истечении этих двух лет просто исчезли. Кто погиб в разборках, кого посадили. Я не верю, что стоял за этим младший Савельев – в конце концов, он тогда был просто юнцом, который полез, не разобравшись, на чужую территорию. Но каким-то образом он в этом поучаствовал. И в итоге все-таки получил свою долю. Мне говорили, что деньги его в те времена не интересовали. Якобы он все делал в память о жене.

– Романтично. Но сомнительно.

– Вот и я так думаю. В настоящее время у Савельева с компаньоном собственное нефтяное месторождение. Он ведь начинал как раз с того, что искал нефть в Иркутской области.

– То есть Юрий у нас состоятельный человек?

– Более чем, – кивнул Бабкин. – Я тебе принес документы по его фирме, глянь. – Он передал Макару папку.

– Файлом не мог сбросить? – проворчал Илюшин.

– Уже сбросил. Это просто распечатка. Мне так удобнее.

Макар быстро пролистал отчет.

– Ну, теперь мы достоверно знаем, что в двухтысячном году он поехал к отцу не за деньгами. И вряд ли, учитывая предысторию, он хотел, чтобы его сын понравился Прохору. Любопытно...

– Вот и мне стало любопытно, – сказал Бабкин, забирая папку. – С Савельевым я встретиться не рискнул, хотя можно было бы спросить у него прямо.

– Не факт, что он вообще стал бы с тобой разговаривать. Но учитывая вот это, – Илюшин помахал папкой, – можно утверждать почти наверняка, что Изольду ограбил не Юрий.

– Бизнесмен, забирающийся в дом старухи, чтобы украсть у нее фамильные украшения...

– Не так фантастично, как тебе кажется, но для этого характер должен быть другой. Азартный, бешеный. А младший Савельев – кузнец.

– Кто?

– Кузнец. Бьет себе методично по раскаленной железяке, пока из нее что-нибудь не выкуется. Пунктуальный, методичный. Зануда. Мне такой типаж хорошо знаком. Когда у него нет денег, превращается в ноющего меланхолика.

– А когда есть?

– Просто в меланхолика, без нытья. Ладно, с Савельевым разобрались. Теперь рассказывай, что у нас с Людмилой.

Бабкин достал из сумки спортивную толстовку с капюшоном и утепился. После часа, проведенного в этом доме, ему стала понятна внезапная тяга Макара к свитерам.

– У Прохора, как ты знаешь, была сестра Настасья – по воспоминаниям близких, очень похожая на него и внешне, и характером. Она рано умерла, остались две девочки от разных мужей: Татьяна и Людмила. Отцы ими никогда не занимались, девчонки росли как трава. Выросли совершенно непохожими друг на друга.

– Вот удивил. Ты посмотри на Вениамина с Юрием.

– Татьяна – трудяга, всю жизнь пашет экономистом. Дочь воспитывала одна, когда развелась с мужем.

– Про нее я знаю от Яны. Давай про Людмилу.

Бабкин перевернул страницу записной книжки.

– Шестьдесят шестого года рождения. В восемнадцать лет вышла замуж, взяла фамилию мужа – Кошелева. Быстро развелась. Детей родила вне брака, отец неизвестен.

– Или отцы.

– Или отцы, – согласился Бабкин. – Работала кассиршей в

супермаркете, продавцом-консультантом в зоомагазине, торговала сетевой косметикой... Нигде не задерживалась дольше, чем на полгода. Вообще работает она редко. Эпизодически.

– А живет на что?

– Хороший вопрос. Я разговорил ее соседку – та утверждает, что Людка вечно на содержании у мужиков.

– Хм, – усомнился Макар.

Бабкин понимающе кивнул:

– Не слишком она похожа на женщину, которую обеспечивают мужчины.

Илюшин потянулся за планшетом и открыл фотографию Людмилы Кошелевой. Коренастая, широкоплечая. Когда на нее смотришь, кажется, что она из тех женщин, которые не умеют бегать – только ходить: неторопливо, основательно. Аляповатое платье-халат в цветочек, легкомысленные бараньи кудряшки вокруг оплывшего лица. Но при этом нежнейшая золотисто-розовая кожа, голубые глаза...

Бабкин покосился на снимок.

– У такой колоды – и такие дочери.

– Эта колода до родов вполне могла быть красавицей, – задумчиво сказал Илюшин. – На что же она, интересно, жила?

– Заметь, по-прежнему нигде не работает.

– Сколько ей сейчас?

– Дай сообразить... Сорок девять.

– Ты ее видел?

– Да. Дождлся, пока она выйдет на улицу, и некоторое время шел следом. Людмила, между прочим, посетила клинику эстетической косметологии. Пробыла там два часа, вышла с распухшей физиономией. Вряд ли ей там рыло начистили.

– Похоже, уколы. Получается, Кошелева следит за собой.

– Выглядит она для своего возраста очень неплохо, – рассеянно сказал Сергей, занятый другими мыслями. – А что, – не удержался он, – правда в физиономию иглами колют?

– До сорока лет дожил и не знаешь?

– Не, серьезно.

– С размаху, – подтвердил Илюшин.

Бабкин содрогнулся.

– Значит, на косметологию у нее денег хватает. – Макар закрыл программу. – Откуда, спрашивается? Если нет доходов... Может, квартира, которую Людмила сдает в аренду? Или дочери обеспечивают?

– Квартиры точно нет, я выяснил. У нее одна в собственности, и ту в свое время помог приобрести Прохор. Машины не имеется, дачи не обнаружено. Ее старшая дочь не работает.

– Угу. А младшая зарабатывает недостаточно, чтобы содержать и себя, и мать.

Сыщики переглянулись.

– И мы плавно возвращаемся к Изольде Дарницкой, – подытожил Макар. – Что с убийством?

Бабкин усмехнулся. Настало время для сюрпризов.

– Для начала – то, что никакого убийства не было.

За два дня до описываемых событий

– Нам нужны материалы дела, – сказал Макар.

Бабкин начал свирепеть. Мало того, что он сгонял в Питер, проделал колоссальную работу и раскопал полную биографию Юрия Савельева, так теперь Илюшин требует от него невозможного.

– Ты старуха, – мрачно сказал он.

– Какая старуха?

– Из сказки о золотой рыбке. Хочешь все больше и больше.

Илюшин сунул в рот зубочистку и высокомерно сообщил, что рыбка из Бабкина как из скунса парфюмер.

– Будь я золотой рыбкой, я бы тебе корытом дал по морде, – обозлился Бабкин. – Откуда я возьму дело столетней давности? Его давно изъяли из архива и уничтожили.

– Придумай что-нибудь! Найди. Восстанови. Укради. Зачем я тебя нанял?

– Ты меня нанял?

– А кто?

– Это я тебя осчастливил, – холодно сказал Бабкин, подражая интонациям друга. – Вдохнул жизнь в твой загнивающий бизнес.

Он разрешил себе несколько секунд насладиться физиономией Макара и лишь потом вышел из комнаты, удовлетворенно посмеиваясь про себя. Все-таки чему-то он у Илюшина научился.

С архивами неожиданно вышло проще, чем он думал. Дело когда-то вела прокуратура райцентра, и Бабкин с облегчением обнаружил, что в ее архивном отделе творится полный бардак. Сергей с его склонностью упорядочивать вещи, процессы и явления в некотором смысле бардаку поклонялся. Чужому, конечно. Самая крупная рыба ловится в самой мутной

воде.

Две беседы по душам, одна не слишком толстая пачка купюр – и двери архивного отдела открылись. В общем-то ключ к запертым помещениям всегда выглядел одинаково.

Сергей изучил дело. Сергей обругал следователя. И отправился на окраину пыльного городка, где жил человек с фамилией Гусак.

– ...Антон Антонович, здравствуйте. Можем побеседовать?

Бывший следователь посмотрел на Сергея неприветливо. Щеки в прожилках сосудов свисали мешочками. С сыщиком Гусака разделяла невысокая калитка, и открывать ее он, похоже, не собирался.

– Ты еще кто?

– Оперативник. Бывший.

Вопреки ожиданиям Сергея, эта информация Гусака к нему не расположила.

– Чего тебе?

– Помощь ваша нужна, Антон Антонович. Убийство в Литвиновке, двухтысячный. Дело Дарницкой.

– Пошел на хер, – пробормотал бывший следователь и повернулся, чтобы уйти.

Бабкин по роду деятельности был мало восприимчив к подобным предложениям. К тому же он был флегматик. Снисходительность его к людям, не желавшим его присутствия, простиралась довольно далеко. Однако грубость следователя возымела неожиданно сильный эффект.

Бабкин рассвирепел.

Возможно, дело было в том, что он только что вернулся из Питера. Откуда в очередной раз, кроме простуды, привез глубокое изумление перед учтивостью местных жителей. Бабкину везло: на каждом шагу ему встречались любезные обходительные люди. Но больше всего его ошарашил таксист. Когда под колеса «Форду» внезапно с тротуара шмыгнула резвая старушка, сам Бабкин не удержался от вопля. Встреча старушки и капота казалась неизбежной. Однако в последний момент шофер успел-таки вывернуть руль, и, провожая взглядом старую ведьму, пробормотал: «Не ходи так часто на дорогу в старомодном ветхом шушуне!»

Бабкин ожидал чего угодно, но только не Есенина. С этого момента он преисполнился уверенности, что жители Санкт-Петербурга – это отдельная порода людей, выведенная для того, чтобы служить всем прочим образцом для подражания.

А тут – грубый Гусак.

Сергей перемахнул через хлипкий заборчик и оказался вплотную с пенсионером. Тот попятился.

– Э, ты чего, чего?.. Куда?!

– С тобой как с человеком, – ласково сказал Бабкин. – А ты херами обкладываешь. Куда это годится, Антон Антонович.

Гусак не мог сказать, что его больше испугало: неожиданная легкость, с которой этот здоровенный мужик преодолел ограду, или та вкрадчивая хищная мягкость, с которой он обратился к бывшему следователю. Бабкин был похож на льва, который перед тем, как откусить от антилопы заднюю ногу, повязывает себе салфеточку.

– А чего кидаться-то сразу? – плаксиво сказал Гусак. – Калитку мне сломал...

– Могу калиткой ограничиться, – пообещал Бабкин.

«А могу и нет», – услышал бывший следователь.

– Чего там за дело? – смирился он.

– Изольды Андреевны Дарницкой.

– Не помню я такую.

– А убийство в Литвиновке помните?

Чая бывший следователь бывшему оперативнику не предложил. Но хотя бы позволил присесть на скамейку, и Бабкин, умевший быть благодарным за малое, искренне его поблагодарил. Впрочем, Гусак все равно смотрел на него с опаской.

– Козицкий. – Он шмыгнул и утерся рукавом. – Геннадий Козицкий старуху ограбил.

– Вы так хорошо помните, как его звали? – поразился Бабкин.

– Да чего его не помнить, урода обдолбанного! – с внезапной злостью сказал Гусак.

На Геннадия Козицкого они тогда вышли довольно быстро. У убитой старухи весь дом был утыкан датчиками сигнализации, однако перед ограблением систему отключили. Напрашивалась версия: кто ставил, тот и отключал. Начали искать, кто отвечал за охрану в доме Дарницкой, и всплыла фирма «Муромец».

– Московская? – спросил Сергей.

– Тульские они.

– А почему Дарницкая заказывала сигнализацию в Туле? Поближе места не нашлось?

– Кто ее знает. Может, и не нашлось. Литвиновка-то примерно посередине между Москвой и Тулой, а в провинции дешевле. Старуха

скупая была. Сын у нее вечно деньги клянчил, а она не давала. Мы его подозревали сначала, пока Козицкий не всплыл.

Версия нарисовалась простая: Геннадий три месяца назад переустановил сигнализацию в доме бывшей певицы. Изольда беспокоилась за судьбу драгоценностей. Поэтому и в дом никого не пускала, кроме сына с женой. Козицкий осмотрелся и решил, что ограбить богатую старуху сам бог велел. Три месяца выжидал, потом вернулся, отключил систему, забрался в дом.

– Следил он за ней наверняка. – Гусак почесал бородавку на носу. – Знал, что она каждый день уходит гулять. А тут лоханулся.

В день ограбления было пасмурно, и Дарницкая передумала наносить визиты. Козицкий самоуверенно набрал украшений и собирался уходить. Тогда-то и появилась Изольда, привлеченная шумом.

Эту часть истории Бабкин знал от Яны Тишко. Но причина злости бывшего следователя по-прежнему оставалось ему неясной.

– Коньки он отбросил! – Гусак выругался. – Жил идиотом и помер как дебил.

Геннадий Козицкий нанес следователю оскорбление, не попавшись ему в руки. Этого Бабкин осознать не мог. Преступник установлен? Установлен. Дело закрыто? Закрыто. Чего ж тебе еще надо?

– Вопросы у нас к нему были, – объяснил Антон Антонович. – Все цапки так и не нашли. Прикопал он их где-то, я так полагаю. Ну не придурок? Половину сдать в комиссионки, а половину зарыть – вот кто так делает? А потом сдохнуть!

Гусак осуждающе покачал головой и сплюнул в лопухи.

З

– Геннадий Козицкий, двадцать семь лет, родился и проживал в Туле, не женат, – перечислил Сергей. – А, да! Замечен в употреблении наркотиков.

– По-человечески рассказывай, а не этим вашим казенным языком!

Бабкин сделал вид, что «этим вашим» не заметил.

– По версии следствия, сутки спустя после ограбления погиб по неосторожности. У него в крови нашли следы амфетамина. Закономерно решили, что он обдолбался на радостях, ну и попал под электричку. Драгоценности Дарницкой Геннадий успел распихать по комиссионкам. У него потом из карманов выгребли целую стопку квитанций. Все вернули

наследнику. Точнее, как раз не все: половину украденного так никогда и не обнаружили.

– Ровно половину? – нахмурился Илюшин.

– Не знаю, не сверялся еще со списком. Я повторяю слова Гусака.

– А почему ты сказал, что убийства не было?

– Потому что экспертиза доказала отсутствие признаков насильственной смерти. Дарницкая умерла от сердечного приступа. Испугал ее этот Козицкий. Смертельно испугал.

Илюшин открыл копию архивного дела. С первой страницы на него смотрел прыщавый угловатый парень с настороженным взглядом.

– А следователь-то твой молодец! – в голосе Макара прозвучал неприкрытый скептицизм.

– Что значит «твой»? Меня к этому не примазывай. Засранец он ленивый. Или просто тупой. Одно из двух.

Илюшин с Бабкиным отлично поняли друг друга без лишних слов. Сигнализация отключена, драгоценности пропали, старуха мертва, а следом умирает и грабитель, причем половину сокровищ не нашли. Козицкий погиб исключительно своевременно: за несколько часов до того, как в его квартиру явились оперативники. Вывод напрашивался один: у Геннадия был напарник. Ленивый Гусак искать никого не стал, дело закрыл и успокоился.

Илюшин задержал взгляд на одном из листов дела.

– Смотри, по всему дому Изольды были обнаружены отпечатки пальцев, которые не принадлежали ни Козицкому, ни кому-то из членов ее семьи. Так и не нашли, кто их оставил.

– По всему дому – это где именно?

Макар протянул Сергею папку.

– Выключатели, полка в ванной, дверные ручки, сами двери... М-да, кто-то изрядно наследил.

– Жаль, следователь не додумался снять отпечатки у всех Савельевых.

Бабкин пожал плечами:

– Он никого из них не подозревал. Слушай, Гусак утверждал, что Козицкий предварительно следил за старухой и знал о ее перемещениях. Думаю, это ерунда. Работающему человеку не наездиться от Тулы до Литвиновки каждый день. А вот если Козицкого навел кто-то из местных, тогда все складывается.

– У нас есть и еще одно свидетельство в пользу того факта, что грабитель был не один.

– Смерть мальчишки, – кивнул Сергей.

– Именно.

Пашка Варнавин следил за своими троюродными сестрами и спрятался в кустах возле дома старухи. Девочки проникли внутрь – беспрепятственно, ведь система охраны была отключена, – и принялись бродить по огромному дому. Илюшин представил себе этот дом похожим на лабиринт. В одной его части маленькая девочка гладит кошку. В другой Женя Кошелева осматривает спальню, проводит рукой по платьям старухи. Он не знал, так ли все происходило на самом деле, но был уверен, что Женя из тех, кому всегда нужно потрогать чужое. А в третьей секции лабиринта Изольда натывается на грабителей, сначала кричит, потом ковыляет прочь, задыхаясь, и Козицкий с напарником бегут за ней.

Тогда все части лабиринта смещаются, и фигурки оказываются рядом.

Перепуганная Яна Тишко наблюдает последние секунды жизни Дарницкой. Она еще не знает об этом; воображение подсказывает ей, что она видит тролля, в то время как это грабитель с маской на лице. Но сразу после того, как за девочками захлопнется дверь, старуха умрет от сердечного приступа. А спустя минуту на крыльцо выбегут двое, ставшие причиной ее смерти.

И тогда их заметит Пашка.

Геннадия Козицкого он не узнал, потому что никогда прежде его не видел. Но второй человек был ему хорошо знаком...

– Либо грабитель сразу понял, что Пашка его заметил, либо подросток чуть позже пытался его шантажировать, – сказал Илюшин.

Он придвинул к себе лист бумаги и быстро рисовал на нем черточки и закорючки. Из них потом сложится дом, старушечий профиль с сияющей бриллиантовой серьгой в ухе, заросли черемухи, чьи-то испуганные лица...

Бабкин каждый раз изумлялся этому колдовству. Илюшин не умел рисовать, совсем. Его каракули не походили ни на людей, ни на животных. Когда-то жена зачитывала вслух Бабкину отрывки из книги воспоминаний Нины Берберовой, и в одном месте Сергей смеялся до слез: когда юную Нину, хвастающуюся своим рисунком, гость спрашивает: «Это что, пряники?» – «Нет, – отвечает Нина, – это свинья с поросятами». Радость узнавания охватила Сергея. Вот история про Макара! Что бы тот ни рисовал, расстояние между задуманным и воплощенным равнялось дистанции между пряниками и свиньей с поросятами.

Однако когда Макар заканчивал свое живописное полотно, происходило чудо. Вернее, оно случалось, когда у рисунка появлялся зритель. Из сплетения каракулей, из безголовых человечков и ручек-ножек-огуречиков вдруг вылеплялись совершенно узнаваемые образы. Как будто

Макар своей шаманской пачкотней открывал у зрителя во лбу третий глаз, и тот получал способность видеть задуманное сразу – напрямую, пренебрегая воплощением.

– Если верить рассказу Яны Тишко, я бы поставил на шантаж.

– Согласен. Осталась суцая ерунда: выяснить, кто из семейства Прохора Савельева решил ограбить старуху.

Бабкин выложил перед собой на столе бумажные карточки с именами свидетелей. Юрий Савельев, Вениамин Варнавин, Тамара Варнавина, Татьяна Тишко, Людмила Кошелева... Прохора с Раисой переставил выше, детей сгруппировал внизу. Илюшин краем глаза следил за его манипуляциями, вертя свою головоломку.

– Кого мы можем исключить? – спросил он, когда Сергей сложил из Савельевых небольшое генеалогическое древо.

– Юрия? – предположил Бабкин. – Он к тому времени уже заработал небольшое состояние.

– Я бы его и без состояния исключил. Хотя бы потому, что он зануда. Из зануд получают отличные убийцы, но паршивые грабители.

– Еще Татьяну Тишко, – вспомнил Бабкин. – У той алиби.

– Угу. Кого еще?

Оба одновременно подумали про родителей Пашки, и оба выкинули эту мысль из головы. Илюшин – потому что был уверен, что слухи о безусловности родительской любви сильно преувеличены. Бабкин – потому что после десяти лет работы оперативником знал это наверняка.

– Еще Раиса Савельева в списке претендентов тоже выглядит странно, – сказал он. – Тихая бабушка. Варит борщи. Лепит поделки из гипса. И вдруг забирается к своей приятельнице грабить ее дом, а потом убивает собственного внука?

– Была у меня одна такая знакомая бабушка, – сказал Илюшин. – К ней однажды забрел продавец кастрюль. Ну, знаешь, такие посланцы дьявола на земле. Разносят кошельки из кожи никогда не существовавших зверей и сковородки, к которым еда не прилипает, потому что боится. У них с бабушкой вышел небольшой спор. Продавец настаивал, что ручка, отвалившаяся от кастрюли спустя ровно минуту после покупки, никоим образом не препятствует использованию кастрюли по назначению. А бабушка требовала, чтобы денежные средства были ей возвращены в полном объеме. Возможно, в ходе дипломатических переговоров одна из сторон позволила себе излишнюю экспрессию. В частности, были использованы фразы «старая дура», «в другой раз умнее будешь» и «ты мне еще за науку должна». Когда спустя некоторое время продавца нашли, он

был аккуратнейшим образом расфасован по стеклянным банкам в погребе.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – затосковал Бабкин.

– Причем, что любопытно, – невозмутимо продолжал Илюшин, – обнаружилось не все детали конструктора под названием «человек». Лично я предполагаю, что часть была использована бабушкой для экспериментальной проверки качества вышеупомянутых кастрюль.

– А я понял зачем, – просветлел Сергей. – Это была твоя бабушка.

– У меня не было бабушки.

– Она кормила тебя в детстве котлетами из продавца кастрюль.

– Я не любил котлеты.

Но Бабкина было не остановить.

– Поэтому ты вырос каннибалом и теперь каждый день ешь мой мозг!

Он торжествующе посмотрел на Илюшина.

– Господи, что там есть-то, – с выражением безмерного сострадания сказал Макар. – Я бы с голоду умер.

3

Алексей Савельев

Первым делом я выяснил, что собой представляют мои подростковые троюродные сестры.

Женька нигде не работала, ничего не имела за душой и никогда ни к кому не была привязана. «Перекаати-поле» – сказал бы я, но для перекаати-поля ей не хватало легкости.

У Вероники на первый взгляд все сложилось удачнее. Не с браком, нет. Ее муж оказался алкоголиком и ревнивцем и какой-то очередной праздник отметил тем, что сломал своей жене два ребра. Ребята из службы безопасности рассказали, что Вероника спрыгнула из окна второго этажа, взяв с собой лишь паспорт, босиком дошла до ближайшего отдела милиции и больше никогда не возвращалась в их общую квартиру.

Я всегда знал, что решительности ей не занимать.

Но работала она в приличной фирме, занимавшейся поставкой газа. Должность ее называлась «личный ассистент заместителя генерального директора». Современный эвфемизм для секретаря.

В первую минуту, узнав о ее профессии, я удивился. Но потом вспомнил, что Вероника всегда была, как бы это назвать, довольно упорядоченным ребенком. Ни малейшего бардака в вещах. Книжки выстроены по алфавиту. Она паршиво умела общаться, но зато мир

предметов охотно ей подчинялся. Думаю, такой же порядок был у нее в документах.

С Яной все оказалось совсем просто. Она трудилась ветеринаром аж в двух московских клиниках, и судя по тому, что я прочитал о ней в отзывах на форумах, специалист из нее получился неплохой.

Осталось узнать, кто те двое, которых она поселила с нами в доме.

4

– Итак, – сказал Макар, отложив в сторону кубик, – рабочая версия такова: Павла убили как свидетеля ограбления. Это сделал кто-то из живущих с ним в одном доме, поскольку больше ни у кого такой возможности не было. Девочек убийца не тронул, и это понятно – они его не узнали из-за маски. Не факт, что Женя Кошелева вообще его видела. А Яне Тишко померещилось чудовище. Награбленное соучастники поделили между собой. Своей половиной Козицкий распорядился крайне недальновидно. По сданным драгоценностям его бы быстро нашли.

– Если бы Гусак профессионально занимался своим делом, – буркнул Сергей.

– В любом случае следствие на него вышло. Кстати, встает вопрос, отчего на самом деле погиб Козицкий. Но самое главное – с кем он грабил старуху. Найдем ответ – поймем, кто убил Павла Варнавина.

– Полагаю, Козицкого наняли. – Бабкин написал на карточке «Геннадий Козицкий» и присовокупил ее к остальным, положив в самом низу. – Судя по поведению, он явная шестерка. На подпевках. Сам бы такое дело не провернул. Но вот отчего напарник после не проконтролировал, что Геннадий станет делать с награбленным, – это и впрямь загадка.

– Может, поссорились?

– Или что-то пошло не так.

– Так у них старуха померла. Были воры, стали грабители и соучастники в непреднамеренном убийстве.

Илюшин добавил к своему рисунку несколько загогулин.

– Любопытный психологический портрет подозреваемого у нас вырисовывается, – вслух подумал он. – Это человек, нуждающийся в деньгах. Он находит сообщника, способного отключить сигнализацию. Вдвоем они грабят старуху, наш подозреваемый возвращается в дом Савельева, некоторое время ведет обычный образ жизни, не навлекая на себя подозрений. Однако когда перед ним возникает необходимость

устранить свидетеля, он действует с большим хладнокровием и сообразительностью.

– Да просто пользуется моментом, – фыркнул Бабкин.

– Людей, способных грамотно воспользоваться моментом, крайне мало. На то он и момент. Фьюить – и закончился. Убийца прикончил пацана, подставил девочку и вышел сухим из воды. Красиво!

Привычка Илюшина восхищаться всякими ублюдками была Сергею глубоко чужда. Он неприязненно посмотрел на список и перечислил:

– Прохор Савельев, его жена Раиса, Вениамин Варнавин, Тамара Варнавина, Людмила Кошелева. Пятеро. Если наши предположения верны, нам нужно выбирать из них. Есть у нас еще какие-нибудь факты? – И сам себе ответил: – Нету.

– Еще как есть. Один факт, но довольно весомый.

– Это какой же?

– Наследство. Которое Раиса оставила своей «неправильной» внучке.

Глава 11

1

«Ты занимаешься линией Козицкого, – сказал Макар. – Я – семьей Савельева». Поэтому Сергей Бабкин ехал в направлении Тулы, а Илюшин вместе с Яной Тишко восстанавливал последние часы жизни Павла Варнавина.

Макар сразу понимал, что одних воспоминаний Тишко будет недостаточно. В двенадцать лет она была разумная девочка – но всего лишь девочка. «Мне потребуются взрослые голоса».

Самыми здравомыслящими из всех, кто пятнадцать лет назад гостил в доме Прохора, представлялись ему Татьяна Тишко и Юрий Савельев. К тому же у одной алиби, второй не был заинтересован в смерти мальчика.

Но Макара что-то останавливало.

Яна Тишко оказалась хорошим проводником в прошлое.

Большинство людей, рассказывая о детстве, проникаются таким сочувствием к себе маленькому, что начинают непроизвольно искажать факты в свою пользу. Пересказ событий превращается в сеанс психотерапии. Когда-то Макар поделился этим наблюдением с Машей, женой Бабкина.

«Ничего удивительного, – сказала Маша. – Многих из нас в детстве жалели недостаточно. Вот люди и возмещают недостаток любви таким простым способом».

«Перевожу: дай только повод, и человек примется упоенно гладить себя по макушке и приговаривать: «Ах ты мой бедненький! Ах ты мой горемыка!»

Однако рассказы Яны Тишко о времени, проведенном в доме Прохора, не были проникнуты состраданием к себе. И это удивляло Макара. Ее самоощущение не было самоощущением жертвы, при том, что обстоятельства были против нее. С одной стороны, Илюшину это нравилось. Но он не мог не спрашивать себя: а если вся история с разбитой вазой и восстановленной комнатой – вымысел? Большая мистификация? Что, если Яна Тишко сама придумала и воплотила этот сценарий, а затем привлекла на освещенную сцену двух новых актеров?

Разложив вещи, Макар накинул куртку и вышел на улицу. На крыльце

курила Женя. От предложенной сигареты Илюшин отказался и спустился в сад, прозрачный и мокрый после дождя, заросший какими-то лохматыми ржавыми метелками, которым он не знал названия. На земле валялись уже подгнивающие яблоки. Илюшин подобрал одно, бледно-желтое и крупное, как айва, и потер об рукав.

– Держи еще!

Он обернулся и поймал красное яблоко, брошенное Яной.

– Это слаще, – сказала она. – Сорт другой.

В руках у нее был дуршлаг, наполовину заполненный падалицей.

– Зачем ты их подбираешь?

– Шарлотку хочу испечь.

– А ты умеешь?

Она рассмеялась:

– Нет. Бабушка оставила книжку с рецептами. – Яна пошла рядом с Илюшиным, приноравливаясь к его шагу. – Знаешь, я не люблю готовить. Терпеть не могу. Но это лучший способ почтить бабушкину память.

Илюшин остановился и взглянул прямо на девушку.

– Ты ведь ее совсем не знала.

– Я знала ее грибные супы и кулебяки, – без улыбки возразила Яна. – Сырники она заливала малиной, протертой с сахаром. В чайник обязательно клала смородиновую веточку и пару листов лимонника. И еще она заботилась обо мне. Мне все кажется – ты только не смейся, – что она огорчается, видя, что на кухне никто не хозяйничает. Думаешь, это глупость?

– Думаю, в шарлотку нужно добавить корицы, – сказал Макар.

Он прогулялся по Литвиновке, заглянул в поселковый магазин и в процессе покупки ненужного батона и нужной тетради поинтересовался, к кому лучше обратиться, если приспичило перетащить мебель. Продавщица, молодая и кокетливая, кажется, готова была сама вызваться помочь Илюшину. Но потом все же сообщила, что у Загорских с начала лета живут рабочие.

– Третий дом строят, – сказала девушка. – У них семья большая, молодежи много. Женятся, замуж выходят... – она непроизвольно вздохнула.

Макар поблагодарил и ушел, провожаемый мечтательным взглядом.

Дом Загорских он нашел у пруда. За приоткрытыми воротами курили двое работяг в дождевиках.

– Здорово, братцы, – сказал Макар. – Не вы ли бабушке моей с месяц назад помогли мебель перетаскивать?

- А дом-то какой? – рассудительно поинтересовался старший.
- Тридцать пятый, по Лестева.
- А, это в дальней части. Не, не мы...
- Постой. Вроде Леха там с кем-то договаривался.
- А где Леха? – живо заинтересовался Макар.

Кликнули Леху. Из дома вышел широкоплечий бородатый мужик и, выслушав Макара, кивнул:

– Я там был, да. А чего? – Он вдруг насторожился.

– Нормально все, – успокоил Илюшин. – Ничего не пропало. Просто поспорил с приятелем, что один человек не мог так быстро перетаскать мебель из мансарды вниз.

Мужик фыркнул и пренебрежительно оглядел худощавого Макара:

– Чего там таскать-то? На три часа работы. А кресла бабулька твоя разрешила мне забрать. Сам у нее спроси!

– Бабулька померла, – сказал Илюшин. – Кресла себе оставь, мне они ни к чему. Скажи, при ней никого не было? Внушки, дочки?

Бородач покачал головой:

– Она меня заранее подрядила. Позвонила за пару недель. Очень настаивала, что все нужно сделать быстро. Как будто опасалась кого.

Он рассказал, как под ее руководством перетащил всю мебель и поменял обстановку в гостиной. В красках изобразил, как мучился, волоча сверху по узкой лестнице кушетку и столик. Умолчал лишь о том, что старуха показала ему помешанной. Она заставляла его двигать чертов гарнитур по сантиметру до тех пор, пока не осталась удовлетворена результатом, и заплатила за работу вдвое больше, чем он надеялся получить.

Когда Илюшин, поблагодарив за сведения, пошел к пруду, сзади его окликнули. Из дома Загорских торопливо ковылял к нему тощий синюшный старик.

– Ты чьих будешь? – не приветливо осведомился он.

– Я из тридцать пятого... – начал Илюшин.

– И чего тебе здесь надо? – перебил его взвинченный дед. – Хрен ли ты тут разнюхиваешь? Вали давай отсюда!

– Похоже, тут недоразумение, – спокойно сказал Макар. – Я не из семьи Савельевых. Я друг их внушки. К вам заходил узнать, заплатила ли ее бабушка вашему строителю за помощь по дому.

Старик с сомнением посмотрел на него, шмыгнул.

– Нечего мастеров моих сманивать, – буркнул он чуть тише. – Да еще и к Савельевым. Не был бы работник такой годный, выгнал бы его к чертовой

матери.

– Что вам Савельевы сделали?

Глаза старика зло блеснули.

– А то ты не знаешь!

– Откуда? Я же приезжий.

– Парня мне искалечили, – хмуро сказал старик.

– Кто?

– Да никто! Собака ихняя. Ладно, проваливай. И больше тут не отирайся, понял? А то ружья-то у нас имеются!

Илюшин заверил, что понял, и направился к дому. Он выяснил главное: Яна Тишко не лгала.

– Я уеду в Питер на сутки, – сказал Илюшин, дозвонившись до Бабкина. – Хочу поговорить с Вениамином. А потом с матерью девочек.

– Кошелевой?

– Ага.

– Почему именно с ними? – удивился Сергей.

– Да черт его знает, – искренне ответил Макар. – Нутром чую, что копать нужно среди безалаберных и беспечных.

Бабкин отчетливо хмыкнул, и произнесенное «ну-ну!» застряло в телефонной трубке.

– Как твои успехи? – спросил Илюшин. – Что-то новое есть?

– Пока нет. Как появится, скажу.

Сергей задрал голову и внимательно рассмотрел дом. Панельная пятиэтажка со следами вырождения на фасаде. На застекленных лоджиях сушатся трусы и майки. Возле подъезда урны с окаменевшим мусором, помнящим еще клятвы предыдущего мэра. Разбитый асфальт.

Мимо Бабкина ветер пронес опавшие листья, пыль и мелкий мусор. На футбольной площадке мальчишки, сбросив ранцы, перекидывали друг другу пустую консервную банку.

Дом когда-то стоял на окраине Тулы, но со временем лес был оттеснен новым кварталом. Возможно, когда рядом зеленели деревья, здесь было повеселее. Но сейчас от этого городского пейзажа хотелось или выпить, или повеситься.

И нестарая женщина в халате, которая открыла Сергею дверь, была частью этого мира. Уныние пропитало ее, как грязная вода половую тряпку.

– Одежды нет, – равнодушно сказала она. – Еды нет, ненужных игрушек нет.

– Я похож на попрошайку? – озадачился Бабкин.

Казалось, она только сейчас увидела его. В глазах мелькнул страх и запоздалое понимание, кто стоит перед ней.

– Не грабитель, не убийца, – перечислил Бабкин. – Кого вы там еще боитесь? В общем, я – не он.

– А чего надо? – Ей все еще было не по себе.

– Поговорить о Гене Козицком.

Глаза ее расширились. Бабкин вдруг осознал, что перед ним молодая женщина, вряд ли старше тридцати пяти.

– Вы из милиции?

– Я расследую обстоятельства его смерти, но в частном порядке.

Она услышала то, что было для нее важным: обстоятельства смерти.

– Господи, да вы проходите, проходите, – засуетилась женщина. – Что ж на пороге-то стоять... Извините, не прибрано у меня. Вот сюда, на кухню... Чайку, может? – Она еще раз оценила размеры сыщика. – Или супчику?

Десять минут спустя, поедая жидкий грибной суп, Бабкин слушал ее рассказ.

Ее звали Лена, и пятнадцать лет назад она считала себя девушкой Козицкого. «У нас все было сложно, – обтекаемо сформулировала она. – Но мы бы поженились! Очень уж Гена меня любил».

– Никогда он чужого бы не взял! – с глубокой убежденностью говорила Лена. – Сметанки хотите? Хорошая сметана, не магазинная. Оклеветали его. Он знаете какой был? Нежный, заботливый! Стихи мне сочинял! У него талант был большой, он мог настоящим поэтом или писателем стать. Его рассказ даже в журнале один раз напечатали. А когда погиб он, тут милиция и поняла, на кого можно нераскрытое дело повесить. У нас в прошлом году у соседа машину угнали, а потом участковый пришел и объявил, что сосед ее по пьяни в реке утопил. Вот так люди работают, представляете?

Бабкин доел суп и попытался из этого потока сведений вычленить что-нибудь существенное.

– Геннадий с кем-нибудь дружил?

– Со мной он дружил! – с обидой и гордостью сказала Лена, как бы предполагая, что неизвестные друзья нанесут урон ее положению вдовы. – На мотоцикле меня катал. Ух, сейчас и вспомнить страшно – молодые, глупые, без шлемов... А тогда ездили себе, ничего не боялись.

– А кроме вас?

– Да не! С кем ему... Вот меня он сильно любил, да. Бывает, обнимет и

говорит: никто мне, Ленка, кроме тебя не нужен... А милиция на него все повесила. Знали, что заступиться некому!

Бабкину надоело ходить вокруг да около. К тому же он чувствовал, что в качестве расплаты за съеденный суп его заставят выслушать историю об огромной любви, случившейся в юности у этой кислой тетки.

Он много раз встречал их – мужчин и женщин, готовых обрушить свою биографию на любого, проявившего к ним мало-мальский интерес, пусть даже сугубо профессиональный. Они не отвечали на вопросы, не выложив сперва утомительных подробностей своей жизни. Иногда он относился к этому терпимо. Но сейчас у него было слишком много дел, чтобы тратить время на ее тоскливое вранье.

– У вашего Гены в карманах нашлось восемь квитанций из комиссионки и ломбардов, – неторопливо сказал он. – Его опознали приемщики. Так что извините, но это все сказки об оклеветанном юноше. Правды в них очень мало.

Хозяйка открыла рот и стала похожа на воблу. Бабкин почувствовал укол брезгливой жалости. К тому же она накормила его супом...

– Расследование и впрямь было проведено безалаберно, – примирительно сказал он. – Тут вы правы. Но Гена был причастен к этому делу.

– Он стихи писал! Рассказы! – выдохнула Лена.

– Аргумент, конечно.

Она поняла насмешку.

– Хорошие стихи!

– С кем он общался? Друзья, коллеги, собутыльники? У кого дурь брал? Из близких родственников кто у него был – братья там двоюродные-троюродные? Кто?

Она сникла, услышав про дурь.

– Да не было особо никого. Честно. Про Генку говорили, что он со странностями.

– Почему?

– Фантазировал много. Выдумывал. Как у него найдется богатый отец, оставит ему наследство... Или как он найдет сумку с деньгами, а хозяина ее застрелили. Тогда он возьмет деньги, и мы с ним заживем сладкой жизнью!

По мелькнувшей злой тоске в ее глазах Бабкин понял, что никаких «мы с ним» не было. «Я заживу! – обещал Козицкий. – У меня будет!» Он не считал нужным деликатничать со своей подругой.

– А кто его родители?

– Да алкаши. – Она махнула рукой. – Мать уборщицей работает, батя вечно поддатый, только и умеет, что деньги клянчить. Генке тошно здесь было, вот он и выдумывал всякое. От хорошей-то жизни не врут.

Женщина угрюмо помолчала.

– Что еще в нем было странного?

– Ну, покуривал дрянь всякую, – неохотно сказала она. – Только это не странное, все так живут. Выпивал. Но меня ни разу не бил. Да он вообще-то дрищ был, Генка. Я ему говорю: чего ты вихляешься? А он такой: я не вихляюсь, я так хожу!

Она зло рассмеялась. Бабкин почувствовал, что зря ел этот грибной суп.

– Что, и друзей он не завел?

– Не. Не любил его никто, кроме меня. Только от одного Митьки Дворжика польза была, он Генке разрешал мотоцикл в свой гараж ставить. Митька – это парень, с которым они вместе работали, – пояснила она в ответ на вопросительный взгляд Сергея. – Они одно время втроем тусовались, Генка, Дворжик и еще один парень, Колька Свищев. Одноклассник его бывший.

«Дмитрий Дворжик», – записал Бабкин в блокноте.

– Где он сейчас живет?

Лена продиктовала адрес.

– А Свищев?

– Колька давно переехал. Даже и не знаю, где он.

– Спасибо.

– Если Митька грубить начнет, не обращайтесь внимания, – сказала она на прощанье. – Он вообще-то хороший. Только характер у него не сахар. Генка-то мой ласковый был, заботливый. Обещал, что посвящение мне напишет, когда рассказ в журнал возьмут!

– Написал? – спросил Бабкин, вспомнив, что как минимум один опус Геннадию удалось пристроить.

– Не, – она насмешливо скривила губы. – Да я его за это не виню. Ему мужик один помог. Очень ему Генин талант понравился. Вот Гена и написал – для Зодчего, значит, с благодарностью и душевностью.

Сергей остановился как вкопанный.

– Какого еще зодчего? – медленно переспросил он.

– Тульского. Это писатель наш местный. Только помер давно, кажется, совсем уж был старичок.

Телефон Илюшина не отвечал. Сергей на ходу отправил смс и,

оглядевшись, понял, что он почти пришел.

Железнодорожная станция осталась за спиной. Два километра сыщик отмахал, сам того не заметив – мысли его были заняты обнаружившейся связью между Прохором и Козицким.

Над головой гудели провода, под ногами блестели рельсы, омытые недавним дождем. Пахло железной дорогой – запах этот Бабкин любил всю жизнь, – осенней листвой и дымом. Контраст с районом, где он побывал совсем недавно, был разительным. Слово осень отступила на месяц назад и стало светло и золотисто, как в сентябре. Вдоль рельсов тянулись дачные хозяйства. Оттуда и несло дымом, а еще поджаренным на костре хлебом – лучшее лакомство его детства.

Рельсы ветвились, сходились снова. Бабкин повторял путь Геннадия Козицкого. Пятнадцать лет назад парень бежал вдоль железнодорожных путей. Был вечер, лил дождь. То ли он поскользнулся на путях, то ли потерял равновесие...

«Свидетелей, разумеется, не найти. Столько лет прошло».

Бабкин спустился с насыпи, скользя по влажной траве. Перед ним выстроились разномастные домики в окружении отцветающих золотых шаров и ярких кустов рябины.

«Но это не значит, что я не стану пытаться».

Он пошел от дома к дому, невозмутимо выслушивая отказы. Грубить ему мало кто осмеливался, но одни не отпирали дверей, другие ограничивались коротким смешком в ответ на вопрос, не помнят ли они что-нибудь о гибели парня, случившейся неподалеку пятнадцать лет назад.

Однако Бабкин был упорен. К тому же у него имелся свой расчет. Эти домишки редко переходили от владельца к владельцу. Место, как ни крути, неудачное: вокруг болотистая низина, а перед окнами день и ночь шумят поезда. Вряд ли нашлось много желающих приобрести здесь недвижимость. А значит, он мог найти жителей, которые помнили события пятнадцатилетней давности.

Ему повезло в одиннадцатом по счету доме.

– Паренька сбило? – подслеповато щурясь на него, спросил высохший старик. – Помню, как же! Я тогда чуть с инфарктом не свалился.

– Что, своими глазами все видели? – спросил Бабкин, затаив дыхание.

– Ничего я не видел, – пробурчал дед. – Внук мой на станцию рванул за сигаретами. Я как услышал, что человек под поезд попал, так и перепугался до смерти. Ванька вечно в наушниках своих. Не слышит ничего. Сто раз говорили паршивцу...

– А где Ванька сейчас? – перебил его Бабкин. И весь подобрался, как

охотничья собака, взявшая след. Ну же, Ванька, окажись где-нибудь поблизости!

Нет, вряд ли ему повезет дважды.

«Ванька давно в Москве, – мысленно ответил он себе вместо старика. – Зону Ванька топчет в Мордовии! Повесился мой Ванька, когда эта сука его бросила».

– Ванька-то? – старикан обернулся и взгляделся куда-то в глубь яблоневого сада. – В сарае он. Мотор чинит. – И внезапно заорал так, что Бабкин подскочил: – Иван! ИВААААН!

С рябины сорвалась перепуганная воробьиная стая. Из-под крыльца выскочил черный кот и, раздувшись как шар, метнулся прочь.

– Иван! – рявкнул еще раз старик. – А, вон он. Вы поглядите! И не торопитесь...

Не веря своему счастью, Бабкин, которому заложило уши, смотрел, как через двор вразвалочку идет бритый крепыш лет тридцати.

– Че орешь-то? – издали беззлобно спросил он. – Горит у тебя, что ли?

– Иди побазарь с человеком, – приказал дед. – До тебя из самой Москвы ехали.

Бабкин ни слова не говорил старикану, откуда он явился.

– Я насчет того парня, которого электричка сбила, – осторожно начал он. Нет, все-таки старик что-нибудь напутал.

– Поздновато спохватилась полиция, – усмехнулся парень.

– Так из Москвы до Тулы путь неблизкий, – встрял дед.

– Я не из полиции.

– А чего интересуешься? Журналист?

Внук и дед разом насторожились. Парень набычился, дед нахмурился. Было очевидно, что журналистов в этой семье не любят, и прорезавшееся шестое чувство подсказало Бабкину, что бывшим оперативникам здесь тоже не будут рады. Скажи он, что ведет расследование – и все пропало. Они не станут слушать его объяснений.

В юности Сергей всегда с большой опаской приступал к работе со свидетелями. Каждый человек представлялся ему чем-то вроде закрытого сундука, содержимое которого хранится под крепким замком. Бабкин не верил в свою способность подбирать к этим замкам отмычки. Он не побаивался людей – он вообще мало чего боялся, – но каждый свидетель был неизвестная земля, терра инкогнита, по которой предстояло бродить впотьмах без фонарика. И не только свидетель – любой. Например, ни о ком Бабкин не знал так мало, как о собственной первой жене.

Со временем он сообразил, что первая жена и сама о нем ничего не знает. Это было настоящее открытие: что он тоже непрозрачен для остальных. Он, Сергей Бабкин, простой как полено и незамысловатый как гвоздь (по выражению супруги), может быть сундуком с загадочным содержимым.

Со временем он понемногу научился разбираться в людях. Перед ним проходило столько типажей, что невозможно было не заметить их повторяемость. Но самое главное, в чем убедился Сергей, – сундуки могут быть разными, а вот набор отмычек к большинству из них примерно одинаков.

Бабкин посмотрел на деда, неодобрительно жевавшего губами, на внука с синими наколками на пальцах, и на него снизошло вдохновение.

– Родственники погибшего меня наняли, – соврал он. – Матери там сон приснился, вроде как вещей.

По лицам старика и внука он понял, что движется в правильном направлении.

– Каждую пятницу как ляжет в постель, так все одно и то же снится, – продолжал он. – И так уже четвертый месяц.

– Сын, что ли? – подозрительно спросил старик. – Вроде столько лет прошло. Уж успокоиться должен.

– Нет, – вздохнул Бабкин. – Не сын.

– А кто же?

– Машинист. Умер недавно и после смерти начал ей являться. Не я, говорит, виноват, не кори меня. И плачет.

– А они что же, его винят? – удивился старик.

– Кого же еще!

– Эдак они и электричку проклинать начнут.

– Машинист ни при чем, – перебил Ваня. – Это все те двое, которые за парнем бежали.

– Какие двое? Как выглядели?

– Дождь был, не разглядел я, – признался парень. – Ну такие... в куртках.

Бабкин вцепился в него мертвой хваткой. Они сели на крыльце, и Ваня рассказал все, что помнил.

В тот вечер он возвращался со станции, где покупал в киоске «Мальборо». Две сигареты из пачки по уговору с дедом доставались ему, и шестнадцатилетний Иван тайком выкуривал их по дороге. На полпути начался дождь. Сквозь его пелену юноша видел, как вдоль путей пробежал тощий парень, постоянно оглядываясь. А вскоре появились двое других.

– Примерно того же роста, – неуверенно сказал Иван. – Короче, не разглядел я.

– Но их точно было двое?

– Что я, слепой? Двоих от одного не отличу?

– Они его догнали?

– Не успели. Этот, который удирал, все время оборачивался. И подпрыгивал как заяц. А они все приближались. Я по тропинке шел, сбоку. Там деревья, дождь не так сильно мочит. Если б по рельсам, то хорошо бы все разглядел, а так далековато все же было. Но помню, парень метнулся сначала в одну сторону, потом в другую... И кажется, закричал что-то.

– Не расслышал, что именно?

– Не, какое там. Как раз электричка загудела. Я чуть сигарету не выронил. А парень, видимо, решил дождаться ее и перед самым носом прыгнуть, чтобы, значит, отрезала она его от преследователей. В фильмах так делают, может, видал.

– Видал, – сказал Бабкин. Он уже понял, что произошло дальше. Рельсы были мокрые, неуклюжий Генка Козицкий поскользнулся и попал под электричку.

– А как сбило его, я не видел. Зажмурился, честно скажу. Когда глаза открыл, этих двоих уже не было.

– Уверен, что они бежали именно за ним?

– Да точно тебе говорю! – завелся парень. – Я потом милиции начал рассказывать, они меня даже слушать не стали. Какой-то осел с бородавками отправил меня – иди, говорит, пока не выяснили, что это ты его под паровоз толкнул. Ну я и свалил от греха.

«Узнаю село родное», – подумал Бабкин. А вслух спросил:

– Ты этих двоих опознаешь?

– Да не, ты чего! Далеко же было. Лиц-то я не разглядел.

Сергей на всякий случай показал парню фотографию Прохора Савельева, но тот покачал головой:

– Вряд ли. Этот старый, а те бежали как молодые. Хотя пес его знает.

Фотографии Варнавиных, Юрия и других членов семьи тоже ничего не дали.

– Не знаю я, не видел никогда эти рожи, – слегка раздраженно сказал Иван. – И вообще, это не телка с мужиком были, а два мужика. И не толстые. А тут баба, да к тому же в теле. – Он ткнул пальцем в снимок Людмилы Кошелевой.

Макар Илюшин вошел во двор и среди вывесок о продаже китайского чая и израильских витаминов обнаружил то, что искал: радужный плакат, на котором было написано «Путь наверх». Внизу маркером была сделана приписка: «Переехал в подвал».

– Торжество символизма, – пробормотал Илюшин. – Путь наверх переехал в подвал.

Воздух в подъезде пропах индийскими благовониями и кошачьей мочой. Макар спустился вниз и в конце длинного коридора обнаружил ярко освещенный зал с зеркальными стенами. В них многократно отражался один-единственный человек в оранжевых штанах и зеленой майке, стоявший с запрокинутой к потолку головой.

– Вениамин Варнавин?

Красочный человек покрутил шеей и обернулся к Макару.

– Приветствую! Подождите, пожалуйста, буквально пару секунд.

Голос у него оказался неприятный – высокий и скрипучий. Он производил странный эффект: от него хотелось поморщиться, но в то же время в нем было что-то притягательное. То ли интонация, то ли этот странный тембр... «Как будто болячку расковыриваешь, – подумал Макар. – И противно, и не можешь перестать».

– Прошу прощения! – весело сказал Вениамин, подойдя к нему. – Все спина моя многострадальная. Пока комплекс упражнений не закончу, человеком себя не чувствую.

Когда погиб Павел, ему было тридцать четыре. Макар помнил фотографии: узкоплечий мужчина с редкой бородкой и большими выразительными глазами. Кажется, о таких говорят «влажные». Тонкие искривленные губы, острый нос. Типаж «проповедник», практически в идеальном его воплощении.

За пятнадцать лет Вениамин почти не изменился. Та же худоба, легкая сутулость, что-то неуловимо птичье в облике, как будто дальними предками его были аисты или цапли.

– Вы ведь не в группу ко мне пришли проситься, – сказал он, пронизательно глядя на Макара. – Разговор у вас ко мне сугубо деловой. Угадал?

– Почти.

– Опять аренда?

– Я пришел поговорить о вашем сыне.

Долю секунды Илюшину казалось, что Вениамин сейчас его ударит.

– О моем сыне, – повторил тот без выражения. – Зачем? Что вам нужно?

В глазах его мелькнула искра догадки:

– Вы журналист?

– Нет. Вениамин, мы можем где-нибудь присесть?

Некоторое время Варнавин колебался. Илюшин уже решил, что получит отказ, но мужчина шагнул в коридор со словами: «Тут есть небольшой закуток...»

В закутке оказались два стула, кушетка и электрический чайник на подоконнике. Илюшин заподозрил, что в эту комнатку Вениамин приводит некоторых своих почитательниц.

– Вы знаете, конечно, что по завещанию вашей матери дом в Литвиновке достался Яне Тишко, – начал Макар.

– Знаю. И буду оспаривать это в суде, – спокойно сказал Варнавин. – Мать была не в себе. Она никогда не оставила бы наше имущество убийце моего сына.

– Когда вы с Раисой виделись в последний раз?

Вениамин, очевидно, редко смущался.

– Давно, – невозмутимо ответил он. – У меня очень много работы. К тому же за матерью присматривала родственница, ответственная и внимательная женщина.

Илюшин вспомнил Женю Кошелеву, «ответственную и внимательную», и спросил:

– Мать не писала вам о том, что составила завещание? Вы обсуждали с ней эту тему?

Варнавин покачал головой:

– Сказать по правде, мы мало разговаривали. Поздравления по праздникам, дежурные вопросы о здоровье...

«Красавец! – хмыкнул про себя Макар. – Любимый младший сын, поздний ребенок. А мать умирает практически одна, рядом с корыстной племянницей».

Варнавин был чуток к настроениям людей и перемену в отношении Илюшина уловил молниеносно.

– Вы поймите, – проникновенно сказал он, – после смерти отца мать очень замкнулась. Она никого из нас так не любила, как его. Хотите правду? Несколько раз я собирался приехать. Но она находила какие-то смехотворные предлоги для отказа. Я был потрясен. Знаете, во мне жила уверенность, что после смерти отца мама станет искать во мне утешение...

И я был готов! Я хотел быть рядом, подставить плечо...

Илюшин внимательно смотрел на Вениамина. Тот выглядел искренне недоумевающим. Не расстроенным, а именно удивленным. Варнавин собирался осчастливить свою мать. Но оказалось, что Раиса не хочет такого счастья.

– Вы ее чем-то обидели?

– Нет! Да я бы и не мог. Мне кажется, она бы все мне простила... – Вениамин вздохнул. – Кроме одного. Я очень похож на отца, и это сыграло со мной злую шутку. Ведь я копия, но дурная. Во всем! Рост одинаковый, но отец был крепкий, а я тощий. У него кудри, а у меня вихры. Редущие, сами видите. – Он с улыбкой подергал себя за жидкую прядь волос. – И сила наша – она разной природы. Его стихией была земля. Мощь! Силища! А моя – воздух. И мама после его смерти не нашла в себе сил видеть некачественную отцовскую реплику.

Он грустно улыбнулся.

– Я что-то разоткровенничался с вами. Вы располагаете к себе людей, вам это известно? Вот ваша сильная сторона. В доказательство – хотите чаю? Отличного, редкого. Я его мало кому предлагаю.

– Спасибо. С удовольствием.

«Располагаю, конечно, – думал Илюшин, пока Варнавин священнодействовал над глиняным чайником. Он осмотрелся, пытаясь найти сахарницу. – Однако душу ты мне раскрываешь совсем не поэтому. Чуешь, что я пришел с чем-то нехорошим, и пытаешься переключить меня, обезопасить себя всей этой болтовней про мать и непростые родственные отношения. Серега сказал бы, что ты бьешь на жалость».

Из чайника полилась в пиалу желтоватая водичка.

– Он бодрит, – предупредил Вениамин. – Я иногда пью его вечером, когда предстоит много работать.

– А сахара нет? – невинно спросил Макар.

Варнавин едва удержался от замечания. С его губ уже готово было слететь, что зеленый чай сладостью портить не стоит, но в последний момент он спохватился и кивнул:

– Подождите секундочку, я из соседнего кабинета принесу.

Едва за ним закрылась дверь, Илюшин достал ленту и деловито снял отпечатки пальцев с чашки Варнавина. Возможно, Сергей справился бы с этим быстрее, но к тому моменту, когда Вениамин вернулся с коробкой рафинада, сыщик сидел как ни в чем не бывало.

– Вы замечали, что сахар сейчас стал не такой сладкий, как в нашем детстве? – Вениамин высыпал на блюде горку белоснежных кубиков. – И

соль не такая соленая. Возможно, что и деревья менее зеленые. Ничего нельзя исключать. Возьмите ложечку! Я вам долью немного, чай вкусный...

Он оттягивал время. Он не хотел слышать о том, зачем приехал Макар. Но для отца, потерявшего сына, это было естественно.

– Яна Тишко утверждает, что она не виновна в смерти Павла.

Илюшин едва успел отдернуть руку, чтобы его не ошпарило кипятком. Чайник в руках Варнавина клюнул носиком, и добрая половина вылилась на столик.

– Ох! Простите!

Пока Вениамин искал тряпку, Илюшин успел вытереть лужу салфеткой.

– На вас не пролилось?

– Нет, все в порядке.

Вениамин отставил чайник в сторону и сел с ошарашенным видом.

– Простите... я не ожидал! Как не убивала? Что за бред? Она спятила напрочь?

Макар вкратце рассказал о приезде Яны Тишко в Литвиновку и о выводах, которые она сделала, оказавшись на месте убийства.

Вениамин слушал молча, со все возрастающим изумлением. Когда Макар замолчал, он потер лоб.

– Частный сыщик... Она дошла даже до этого! Значит, все всерьез.

– А вы думали, это какая-то игра?

– Не знаю... не могу сказать... О! Я, кажется, понял! Яна обвиняет нас с Тamarой?

Он, кажется, почти с радостью ждал, что Макар подтвердит его подозрения. Илюшин покачал головой:

– Она никого не обвиняет. У нее нет ответов.

Варнавин сник:

– Жаль...

– Жаль?

– Мне показалось, я понял ее цель. Девочка выросла, получила наследство и решила обезопасить себя от притязаний ближайших родственников. Тех, кто действительно имеет право на дом. Вот и ударила по самому больному.

– Это не так. Я, собственно, потому и приехал к вам. Хотел узнать, не сможете ли вы добавить что-нибудь к своим показаниям пятнадцатилетней давности.

Илюшин помнил материалы дела. Варнавин с женой дремали в своей

комнате. Были разбужены криками (первым на тело наткнулся Прохор, потом сбежали остальные). Больше ничего сказать не могли, кроме того, что и так все знали: у девочки были причины ненавидеть их сына, она иногда производила впечатление неуравновешенной, незадолго до убийства подралась с ним без видимой причины.

Вениамин невесело усмехнулся.

– Если Яна хочет отпущения грехов, она обратилась не в ту инстанцию. Но думаю, все объясняется куда проще. Она была психически нездорова. С возрастом это усугубилось. Сколько ей сейчас – двадцать семь? Она не рожала? Роды могли спровоцировать... Ах, нет? Значит, естественное течение болезни. Ребенок в своем уме никогда не станет убивать другого, как бы сильно ему не хотелось получить деньги богатого дедушки. Вдумайтесь! – воззвал он. – Ей было двенадцать лет! До сих пор не могу себе простить...

– Чего именно?

– Когда я увидел, как она бьет Пашу, я должен был обо всем догадаться. Предусмотреть! Вас могло ввести в заблуждение, что она маленькая, а мой сын старше и к тому же мальчик. Но если бы вы только знали, как все происходило! Никакой драки не было, было избиение! Мой сын даже не защищался. Она визжала, пыталась искусать его... Точно взбесившийся зверек!

Варнавина передернуло. Он протянул руку, не глядя, как слепой, нашарил чашку, но на полуслове забыл про чай.

– Мне нужно было сразу же взять сына и уезжать, бежать оттуда! Я остался. Что вы хотите – я был болен, слаб, морально обессилен. Меня поддерживала только Тамара. Паша ничего не знал. Бедный, бедный мой мальчик...

Варнавин прижал к глазам ладонь, но сразу отнял, как будто стесняясь своей слабости.

– У вас есть дети, Макар?

– Нет.

– Паша был наш единственный сын. Я не взываю к вашему сочувствию. Вы просто наемный работник. Но вдумайтесь – единственный! И вы исполняете прихоти женщины, которая вместо того, чтобы просить прощения и раскаиваться до конца своих дней, пытается свалить свою чудовищную вину на кого-то другого.

Вениамин отвернулся. Илюшин подумал, что правильно поехал сюда сам, а не отправил Сергея. Бабкина проняло бы это все: наемный работник, прихоти убийцы...

– Вы сказали, что были больны.

– Был. Вы все равно раскопаете, раз уж взялись за лопату. Я приехал к отцу, потому что отчаянно нуждался в деньгах. – Он взглянул прямо в глаза Илюшину. – Опухоль. Оперировать предпочтительно в Германии. Всю жизнь я дарил себя другим, раздавал бесплатно. Деньги с курсов – это оплата аренды зала, их едва хватало. И тут мне называют стоимость операции. И еще восстановление! Реабилитационный период! Мы с Тамарой были в отчаянии. Нет, – сразу поправился он, – в отчаянии был я. Моя жена искала выход, пыталась раздобыть нужную сумму, взять кредит... Но что поделатъ, если для банка мы были нищими. Тамара хотела продать свой дом, оставшийся ей от родителей. Но они жили в Багрянске, а это провинция, богом забытая дыра. Мы каждый год приезжали туда отдохнуть от цивилизации, однако наша любовь к этому тихому уголку никак не влияла на его стоимость. В конце концов удалось выручить за участок какие-то смешные деньги. Их было мало. А время шло, я нуждался в лечении.

– Вы могли обратиться к отцу.

– Прохор не дал бы. – Макар обратил внимание, что Вениамин назвал отца по имени. – Мой отец был человек большого таланта, но исключительно черствый. Он легко готов был принести человека в жертву идее, а его идея заключалась в том, что каждый сам кузнец своего счастья. Прохор сказал бы так: «Ушел из отчего дома? Крутись сам как знаешь». И был бы очень доволен собой, уж поверьте!

– А ваш брат?

Вениамин от души рассмеялся.

– Юрка? Да он бы приплатил, чтобы я сдох поскорее.

– Почему?

– Мы с ним никогда не ладили. У нас еще в юности вышла мелкая размолвка, а он патологически злопамятен. Другой человек забыл бы о случившемся через год. А Юрка и спустя сорок лет будет щелкать на меня зубами, потому что кое-что пошло не так, как ему хотелось. Вы знаете, что у него жена погибла?

– Слышал, да.

– Из-за него. Из-за его твердолобости и упрямства. Его предупреждали, потом угрожали... Любой нормальный человек отступил бы! Но Юра же лучше других все знает! Он считал себя неуязвимым. Подумать о жене ему и в голову не приходило. Счастье, что ребенок остался жив!

– Он был с ними, когда все случилось?

– Нет, они шли вдвоем. Но ведь могли вломиться в дом, таких случаев хватало. Все неумная Юркина гордыня. Поверьте, к нему я никогда не стал бы обращаться за помощью. Лучше смерть!

Это прозвучало довольно напыщенно. «Интересно, чего здесь больше – самолюбования или здравого смысла?» Илюшин пристально наблюдал за Вениамином. Он красовался, конечно. Легко красоваться, когда ты здоров. Но может быть, он не играл, говоря о том, что предпочел бы умереть, чем прийти к брату с протянутой рукой.

– В итоге вы все-таки вылечились, – сказал Макар, допивая остывший чай.

– Вас интересует, откуда деньги? Их дал отец.

– Вот как?

– Говорю же, я не собираюсь ничего от вас скрывать, – усмехнулся Варнавин. – Да, мое излечение – это заслуга врачей и Прохора.

– Почему он вам помог?

– Потому что мой сын был мертв! И не просто мертв, а убит в его доме! Косвенным образом – из-за него. Это Прохор затеял негласное соревнование внуков, он созвал всех нас, включая психически больную девочку. Я каждый час своего пребывания в его доме чувствовал, что назревает нечто ужасное. Думаю, не я один. Когда убили Пашу, даже мой отец не мог отрицать своей вины. Он использовал все свои связи, чтобы дело замяли, спустили на тормозах. Видите ли, ему не нужен был скандал, связанный с именем Тульского Зодчего! Он дал мне денег, всю требуемую сумму. Наши отношения после этого не стали лучше. Прохор ведь поступил так не из сочувствия ко мне, не из желания видеть сына здоровым и счастливым. Это была попытка откупиться. От меня, от своей совести. И ничего больше.

Он резко встал, отвернулся, быстро провел ладонью по лицу.

– Простите. Я не в состоянии спокойно вспоминать об этом. Наверное, никогда не научусь.

Макар помолчал. Он надеялся, что молчание будет расценено как сочувственное. Варнавин из тех людей, которые все истолковывают в свою пользу – и слова, и тишину. Пусть думает, что Илюшин соболезнает его трагедии. В конце концов, он ведь этого и хочет: жалости.

В переживания Варнавина, касающиеся отношений с отцом, Макар не верил. Он видел перед собой человека хитрого, беспринципного и ловкого. Того, кто с юности балансировал на грани мошенничества, но ухитрялся оставаться невредимым благодаря своему обаянию и удачливости. Отношений с матерью он наладить не пытался, объясниться к ней не ездил

(или умолчал об этом). У отца взял деньги и больше с ним не общался. Нет, он определенно не стал бы страдать из-за того, что Прохор его недостаточно сильно любит.

«За дурака меня держишь, – мысленно укорил Варнавина Макар. – Это зря».

Он попросил Вениамина пересказать события того дня. Для вида записал сказанное, но в действительности это не требовалось: память у него была как подсыхающий цемент, в котором отпечатанное остается навсегда. Ничего нового Варнавин ему не сообщил.

В коридоре понемногу нарастал шум. Там собирались женщины, ждущие своего наставника, и Макар понял, что пора сворачивать разговор.

– У меня еще один вопрос.

– Не я ли убил собственного сына? – усмехнулся Варнавин. – Не стесняйтесь! Вы ведь к этому ведете? Точнее, не вы – вы порядочный человек и все понимаете, – но ваша клиентка. Я прав?

– Не правы, – спокойно сказал Макар. – Но кстати, раз уж об этом зашел разговор. Это вы убили Павла?

В дверь заглянули.

– Венечка, все собрались! – прощebetала женщина, одетая так же ярко, как Варнавин.

– Иду, Леночка, иду! Пять минут! – Он снова обернулся к Илюшину. – Нет, не я. Я любил своего сына. Как выяснилось, недостаточно, чтобы защитить его. Вот чего я себе никогда не прощу. Наше с Тамарой горе... оно неизмеримо. Каждое утро я просыпаюсь с мыслью, что мог бы все изменить, если бы вовремя увез его из Литвиновки. В этом смысле я виновен в его гибели. Но убила его Яна Тишко. И она об этом знает.

Макар кивнул:

– Ясно. Но вопрос мой был в другом. Что за размолвка у вас вышла с братом?

– А, пустое. Поверьте, не стоит даже того, чтобы об этом упоминать.

Илюшин вышел из подворотни и поплотнее затянул на горле шарф. «Значит, даже упоминания не стоит... Это у Варнавина-то, охотно ругающего брата? Врет». Он снова подумал о том, не обратиться ли к Юрию. Но Савельев почти наверняка откажется с ним разговаривать.

Была еще одна причина, почему Илюшин держал младшего сына Прохора за лжеца.

Вениамин говорил с ним проникновенно. А Макар не доверял людям, говорящим проникновенно о своей беде. Он считал их лицедеями,

актерами, любующимися собой во время исполнения роли. Человек страдающий может говорить просто. Может выдавливать слова мучительно и тяжело. Может нести злобную чушь, может кричать, может бормотать и заикаться. Но практически никогда он не способен вещать красиво – это требует подключения тех ресурсов, которые плохо совместимы с настоящей болью.

Итак, Вениамин актерствовал. Само по себе это ничего не значило. Въевшаяся привычка нравиться собеседнику – и только. «Учти, чем он зарабатывает на жизнь, – напомнил себе Макар. – У него профессиональная деформация. Учителям свойственна назидательность, политикам запелляционность, а карманный гуру просто обязан обращаться к тебе с прочувствованной речью».

Интересно другое. Прохор дал Вениамину денег после гибели его сына, и в связи с этим Илюшина очень занимал вопрос, насколько хорошо Варнавин разбирается в людях.

Иными словами, мог ли он предсказать, что его отец поступит именно так?

Глава 12

1

– Люда, – кокетливо сказала женщина.

И руку протянула неоднозначно: как будто для рукопожатия, но слегка повернув ладонью вниз, что можно было расценить и как приглашение к поцелую.

Этим Макар и воспользовался. Наклонился и галантно прикоснулся губами.

– Ах, ну что вы! – зарделась Людмила. – Я уже стара – ручки мне целовать!

По реакции Илюшин понял, что именно этого от него и ждали. Он с полагающейся долей пылкости произнес все положенные слова о ее молодости, цветущем виде и прочем.

Людмила слушала и млела. Какой мальчик! Юный, сероглазый, обходительный – принц, принц!

– Конечно, Прохор должен был оставить деньги мне, – прямодушно сказала Людмила, когда поняла, каких воспоминаний хочет от нее Макар. – Я имею в виду, не сейчас. А тогда, пятнадцать лет назад. Кому же, если не мне! Я не работаю. У меня две дочери. Нет мужа. Кому еще меня содержать?

Она удивленно посмотрела на Илюшина. Глаза у нее были чудесного цвета – светло-голубые, вызывающие в памяти цветущий цикорий. Встречу она назначила в парке, и теперь они сидели на скамейке, а вокруг бегала и вопила малышня, подбрасывая кленовые листья.

– Но была еще Татьяна, – напомнил Макар. – Она одна воспитывала дочь и тоже была в разводе с мужем...

Людмила пожала плечами:

– Татьяна – ломовая лошадь! Пахала всю жизнь как проклятая. Зачем ей помогать? Она сама себя обеспечивает. А я так не умею. Это ведь не каждому дано, понимаете?

Она с трогательной доверчивостью ждала его ответа. «Потрясающая женщина, – подумал Макар. – Ее даже нельзя назвать стяжательницей. Просто в ее картине мира она нуждается больше всех, потому что нуждается больше всех. Какой удобный замкнутый круг».

– Не каждому дано работать? – не удержался он.

– Я неумеха, – Люда обезоруживающе улыбнулась. – Ни руками, ни головой толком делать ничего не способна. Пыталась когда-то давно... в юности. Но быстро поняла, что не мое. Женой вот у меня хорошо получается быть. И дети рождаются красивые. Эх, я бы еще родила парочку! Пацанов бы! Да не сложилось.

«Женой получается быть...» – зацепился Макар.

– Вы были замужем?

– Да как вам сказать... Случалось однажды.

Людмила внезапно поскучилась, утратила интерес к разговору, и Илюшин понял, что с этой зыбкой почвы пора уходить.

– Расскажите, пожалуйста, про ваших двоюродных братьев. Они ведь мало общались с отцом?

– Венька привозил своего сына к Прохору, когда мальчику было три года. Чудесный был мальчуган, такой светленький, головенка как у львенка. – Она улыбнулась случайной рифме. – Я его видела, когда заезжала к Прохору. Он очень заинтересовался малышом! Это ведь был первый ребенок среди нашего поколения. Я хочу сказать, Вениамин с Тамарой родили раньше нас всех. Прохору было ужасно любопытно! Он так вглядывался в Пашку... будто с лупой изучал.

Илюшин зримо представил, какой интерес вызвал у старшего Савельева этот ребенок. Наследник, родная кровь! Его чаяния не сбылись в детях, но могли сбыться во внуке.

– Пашенька ему понравился! – вдохновенно рассказывала Людмила. – Он был такой ласковый, смешной... Как щеночек. И Прохор с ним много возился. Из него мог бы выйти неплохой дед. Но только все пошло не так, и ничего у них не получилось.

– У Прохора и ребенка?

Людмила засмеялась. Смех у нее оказался неожиданно басовитый.

– У Прохора и Веньки с Тамарой. Венька ведь что начал? Агитировать за естественность и натуральность. Раиса покупала малышу соки в коробочках, а он запретил. Только свежавыжатые! Отец ему в шутку возразил, Венька ответил, Тамара прибежала, змея, и понеслось!

– Почему змея?

– А кто еще-то? Скользит везде, вокруг Вениамина обвивается. И злая она. Ну чисто гадюка!

Илюшин догадался, что Людмиле доставалось от жены брата.

– А что понеслось?

– Да я уж не помню. Ах, о прививках заспорили! Ну что о них спорить! – Она добродушно развела руками. – Укольчик маленький сделал

и не болеешь! А Венька целую философию развел. О принуждении говорил, побочных действиях... Много всего, я и не повторю. Прохор сидел-сидел, молчал-молчал, а потом вдруг как заорет! Ты, кричит, хуже, чем дурак – ты сволочь! Не себя, а ребенка своего подставляешь! Так вопил, что Пашенька разревелся. Раиса его на руки подхватила, давай утешать... Она с ним хорошо управлялась. Мы накануне в город ездили вчетвером: я, Прохор, Венька и Тамара. Я думала, Раиса за день с Пашкой с ума сойдет. Он такой шаловливый был, топотун, ни на минуту не останавливался! Мы задержались в городе, вернулись часа на четыре позже обещанного. Но Рая ни словечком не упрекнула. Нравилось ей с мальчиком возиться. Правда, измученная была, когда мы приехали, но это и понятно. Попробуй-ка с неугомонным трехлеткой весь день сидеть.

– А чем закончилась ссора?

Людмила вздохнула.

– Прохора, бывало, несло. Как начнет... – она махнула рукой. – Ужасных слов он наговорил Веньке. Мол, и твари-то они с Тамарой безмозглые, и пацана сведут в могилу, и живут они в дерьме, а мальчику нормальный дом нужен. Я так поняла, он к тому вел, чтобы Пашку себе оставить. Но тут Тамара встала на дыбы! Малыша у Раисы выхватила, к себе прижала. Кричит: «Уезжаем! На порог больше не ступим!» И правда, собрались и уехали. Прохор еще и поэтому бесился. Они его никогда не слушались, Венька с Тамарой. Независимые!

– А Раиса?

– Ох, она так плакала, бедная! Ей эта ссора – как ножом по сердцу. Очень уж она младшенького своего любила. Оно и понятно!

– Почему же понятно? – заинтересовался Макар. – Старший сын успешный, свой бизнес, заработок хороший. А Вениамин черт знает чем занимается, с отцом поссорился, навещает редко.

– Да разве в этом дело! – засмеялась Людмила. – Юра с детства сухой, твердый, и все у него по линеечке расчерчено. А Венька с матерью был кроткий и нежный. Все обнимал ее – ну прямо обвивал, как вьюнок. Раисе очень этого не хватало.

– Прохор ее не бил?

– Чего не знаю, того врать не буду, – открестилась Людмила. – Да нет! Вряд ли. Не то чтобы он добрый был, Прохор наш, упокой господь его душу. Но на Райку руку поднимать... Это как фикус пороть. Кому в голову придет!

Илюшин достал из рюкзака планшет, открыл на нем фотографию.

– Вы помните, при каких обстоятельствах был сделан этот снимок?

Людмила протянула руку и чуть не выронила планшет.

– Ай! Простите. Тяжелый!

– Ничего. Так вы помните?..

– Еще бы! Это Прохор делал. Он фотографией увлекался. У него камера была с огромным объективом! Ну хобот, натурально. Он иногда уходил снимать с утра, а потом на целый день запирался у себя наверху. Проявлял там чего-то, печатал...

– Вы видели результаты его работы?

Людмила вернула планшет Илюшину и задумчиво покачала головой:

– Кажется, нет. Но я не особо интересовалась. Мне его фотки были по барабану. Да и книжки тоже.

– Из-за чего поссорились Юрий и Вениамин? Вы знаете?

– Не помню, – с сожалением призналась Людмила. – Кажется, они собаку не поделили.

– Собаку?

– Ага. Или наоборот, выгнать ее хотели... Не было меня тем летом у Прохора, я в санатории подлечивалась. Танька все видела. У нее спросите.

«Похоже, не врет». Илюшин видел перед собой словоохотливую женщину, которая, кажется, искренне переживала, что не в ее силах помочь. «Или хорошая актриса. Придется ехать к Татьяне». Яна Тишко просила не впутывать ее мать в расследование, но Макар намеревался выяснить, что послужило причиной ссоры братьев. Уже второй человек говорил ему, что это была сущая ерунда. Однако из-за этой ерунды Юрий Савельев много лет не разговаривал со своим братом.

Людмила, улыбаясь, выжидательно смотрела на него. Ей и в самом деле нравилось разговаривать с юношей. Нравился его неподдельный интерес, который он к ней проявлял. Может быть, она даже привлекает его как женщина, а не как этот... как его... источник информации.

Она кокетливо поправила локон. Никакого флирта, конечно! Но так приятно вести себя легкомысленно и чуточку воображать, что могло бы быть, если бы...

– Знаете, меня удивляет одна вещь, – начал Макар.

Людмила приготовилась принимать комплименты возрасту. Да, на свои без малого пятьдесят она не выглядит. Кожа свежа, морщин почти нет...

– Вы совсем не удивились, когда я сказал, что Яна Тишко затеяла новое расследование.

Людмилу выдернули из ее фантазий, как морковку из грядки.

Сыщик смотрел на нее внимательно, чуть прищурившись. И взгляд его смущал, но совсем не в том смысле, в каком грезилось Люде.

– Я подумала, может быть, она хочет...

Бормотание оборвалось на полуслове.

– Хочет чего? – с вежливым любопытством осведомился Макар.

Людмила молчала. На щеках выступил легкий румянец.

– Хочет узнать что-нибудь новое! – нашлась она. – Ей ведь было тогда всего одиннадцать.

– Двенадцать.

– Да-да! И она все забыла. А теперь вспоминает!

Нет, ей определенно перестал нравиться этот взгляд. Слишком он вкручивается в нее. Точно сверло. Парень так смотрит, будто хочет вскрыть Людмиле черепную коробку и покопаться в ее извилинах.

– Вы знаете, кто убил Павла Варнавина?

Молчание.

– Люда, вам известно, кто на самом деле убил Павла Варнавина?

– Д-девочка, – выдавила Людмила. – Танькина дочь. – Она решительно поднялась. – Слушайте, да не знаю я! Что вы ко мне привязались!

– Сядьте, пожалуйста, – попросил Илюшин. – Мне на вас снизу смотреть неудобно.

Людмила сообразила, что в таком ракурсе выглядит не очень эффектно, и послушно опустилась на скамейку.

– Вам известно что-нибудь об обстоятельствах смерти Павла Варнавина, чего вы не упоминали в своих показаниях?

Женщина помотала головой.

– Я считала, это Яна. Не задумывалась особо...

– Не задумывались? – переспросил озадаченный Макар.

– А над чем? – простодушие ее было поразительным. – Случилось несчастье. Ну что ж... Бывает. Пашу похоронили, Венька его оплакал. А жизнь-то дальше идет! В моей, уж извините, не хватает места переживаниям о чужом подростке. О себе бы позаботиться!

Илюшин начал догадываться, отчего эта женщина так хорошо выглядит в свои сорок девять лет.

– Вы не жалели мальчика?

– Яну жалела. А Пашу – нет. Не нравился он мне.

– Почему?

Снова этот удивленный голубой взгляд.

– Женьке моей мешал. Прохору она была по душе, он готов был ее облагодетельствовать. Но Пашка вечно вылезал и все портил. Отвлекал деда!

– Это вы его убили?

Она рассмеялась, мигом забыв о недавней тревоге:

– Да зачем мне? Не выдумывайте! Яна его убила.

– Нет. Это не она.

– Значит, кто-то другой, – легко согласилась женщина. – Да только больше некому. Разве что Танька могла... – она задумалась. – Да, Танька запросто могла бы! Она бы всем нам бошки размозжила, будь ее воля!

– За что?

– А за то, что живем вольно, как захотим. Летаем, а не с цепями ползаем. Но ведь цепи-то она сама к себе приковала. Развелась ты с мужем – ну заведи себе нового мужика! Пусть он тебя кормит! Нет, Танька за свободу какую-то держалась, красивые слова о самостоятельности твердила... Ну и к чему тебе эта свобода? Лучше бы у меня училась, дурочка!

Людмила торжествующе посмотрела на Макара, как будто на его месте сидела сраженная завистью Татьяна.

Слушать этот панегирик собственной предприимчивости Илюшину надоело.

– Вы бывали в доме Изольды Дарницкой? – спросил он, чтобы отвлечь ее.

Эффект от его вопроса был поразительный. Кровь отхлынула от лица Людмилы. Полные розовые губы посерели, в глазах вспыхнул испуг.

– Люда?

Она не сразу справилась с собой.

– У Дарницкой? Н-нет. Никогда!

– Вы уверены?

– Не приглашала она меня к себе!

Голос Илюшина приобрел пугающую вкрадчивость:

– Вы бывали в доме без ее приглашения?

Людмила закусил губу и отрицательно помотала головой.

– Вам что-нибудь известно о ее смерти?

Женщина вскочила.

– Идти мне пора. Времени-то уже... – Она подняла к глазам правую руку, на которой не было часов, спохватилась и быстро заморгала. – Я вам все сказала!

– Нет, не все.

– Ничего я не помню, клянусь! Убили ее грабители.

– Вы знаете, кто это был?

– Нет! Ничего не знаю! Извините!

Илюшин смотрел, как она торопливо уходит, почти бежит по двору:

тяжеловесная, в туфлях на высоких каблуках. Перед тем как скрыться в арке, Людмила испуганно обернулась. Кажется, боялась, что он ее преследует.

Илюшин не собирался идти за ней. Вместо этого он вытащил из кармана хирургические перчатки и спокойно снял с планшета отпечатки ее пальцев.

Затем достал телефон и обнаружил пять неотвеченных вызовов от Сергея.

– Если Кошелева ничего не знает об убийстве Варнавина, то о смерти старухи ей что-то известно, – сказал Макар, едва набрав его номер. – Разговорить ее мне не удалось, она боится.

– Прохор был знаком с Геннадием Козицким, – в тон ему ответил Сергей. – Он рецензировал его рассказы и помогал пристроить в журнал.

Илюшин осмыслил новость.

– И Раиса оставила после смерти наследство Яне Тишко, – вслух подумал он. – Серега, мы, похоже, знаем, кто убийца.

– Но какой смысл Прохору убивать соседку? Зачем? Денег у него и так куры не клевали...

Бабкин осекся.

Они с Илюшиным одновременно подумали об одном и том же. Прохор создавал миф о своей жизни, и в этом мифе центральной фигурой был он сам – преуспевающий писатель, певец родного края, которому край отплатил благодарностью. Огромный дом, просторный сад – и все это на гонорары, полученные за книги. Успешность Тульского Зодчего была неотъемлемой частью легенды. Историю о нищем таланте, замерзающем в коммуналке, Савельев тоже мог бы воплотить. Но он выбрал иной сценарий.

Вполне возможно, что все это только декорация. Картонная стена на фанерных подпорках. Образ жизни Прохора на первый взгляд свидетельствовал о его богатстве. Но что, если не было никаких гонораров? Вдруг это тоже часть мифа?

Выдумкой хорошо кормить читателей. Однако печь ими не протопишь.

– Вот именно! – сказал Илюшин и встал. Поднялся холодный ветер, понес мимо него лиственное крошево. – Про кур и происхождение зерна нам ничего не известно. Поступим так: свяжись с издателем, который выпускал книги Савельева, и постарайся разузнать, сколько ему платили. Вопрос о гонорарах очень скользкий, но дело было давно – возможно, тебе и ответят.

– Сделаю. – Илюшин услышал, как шуршит ручка по бумаге.

– Отлично. Я пока побеседую с Татьяной Тишко.

– Зачем?

– Для удовлетворения собственного любопытства. – Он пошел к выходу из парка, рассеянно обходя бегающих детей. – И вот еще что. Помнишь, в материалах дела попадается опись драгоценностей Изольды?

– Конечно.

– Кто ее составлял? Сын?

– Ювелир, – сказал Бабкин, не задумываясь. Он обратил на это внимание, когда первый раз просматривал дело. – Все свои кольца и серьги она много лет приобретала через одного мастера. Не помню фамилию. Надо посмотреть.

Ветер подул сильнее. Илюшин поднял воротник пальто и ускорил шаг.

– Постарайся отыскать его. Половину ценностей вернули, но где-то бродит вторая. Если наши догадки верны, украшения распроданы по одному. Вдруг он что-нибудь слышал об этом.

– Прижать его можно? – флегматично поинтересовался Бабкин.

– Прижимать никого нельзя, – наставительно ответил Макар. – Действуй словом, друг мой.

– Аминь, – согласился Сергей и нажал отбой.

Прежде чем уехать из Тулы, Бабкин собирался кое-что проверить. Подруга покойного Козицкого назвала фамилию: Дворжик. Сергей не знал, ниточка ли это и куда она может привести, но он был добросовестен и въедлив. Поговорить с родителями Козицкого ему не удалось: мать была в отъезде, отец оказался пьян и не способен к связному диалогу. Приходилось хвататься за другие зацепки, пусть даже самые хлипкие.

«Проخور и Козицкий, Проخور и Козицкий... – Бабкин сверился с навигатором и поехал в направлении района с многообещающим названием Пролетарский. – Алиби Прохора никто не проверял. Разумеется. Не было необходимости».

Он поморщился, когда встречная машина, попав колесом в яму, обрызгала грязью лобовое стекло.

Раиса знала, кто убийца. Хранила ли она эту тайну пятнадцать лет или догадалась недавно? Быть может, Проخور перед смертью решил облегчить душу и рассказал ей, что он сделал с собственным внуком?

Машина остановилась возле кирпичного дома, которому подошло бы гордое звание особняка, не располагайся он на шести сотках. В окне мелькнуло женское лицо.

Дворжик оказался смазливый парнем с повадками провинциального

хозяина жизни. Он владел двумя автомобильными заправками и в местных средствах информации именовался тульским бизнесменом. У него был свой дом, БМВ последней серии, свежая жена, взятая с последнего местного конкурса красоты, и три страшных алабая, изображавших охрану. Бабкин с первого взгляда определил, что псы дурные, толком ничему не обучены, кроме как лаять на чужих. Жена, впрочем, была такая же.

– Разувайся, – велела она, не поздоровавшись. – Дома грязь будешь разносить, а у меня нечего.

Все время, пока Бабкин, присев на корточки, развязывал шнурки, она возвышалась над ним. Перед Сергеем уходили ввысь две тонких длинных ноги. Когда Бабкин выпрямился, она повернулась спиной и его взгляду открылся глубокий вырез на платье.

– Хозяюшка у меня строгая, – подмигнул Дворжик и игриво ущипнул хозяйюшку за бедро.

– Руки убрал! – взвизгнула красавица.

– Все, зая! Уж пошутить нельзя!

И, еще раз заговорщицки подмигнув Бабкину, предложил:

– Так, мужик, давай сразу договоримся – на «ты», я церемоний не люблю.

В комнате, куда провели Сергея, женщина села на подоконник и закурила, делая вид, что не интересуется содержанием беседы.

Бабкин по телефону предупредил, что речь пойдет о Козицком, но в подробности не вдавался.

– Помню его, – сказал Дворжик, наливая себе коньяк. – Но мы друганами не были. Козицкий, он по жизни лох. Ну, не лох, может. Но лоховатый.

Сергей вспомнил сумму, которая фигурировала в материалах дела – стоимость украшений Дарницкой. Лоховатый, значит...

– Ты с ним долго вместе работал?

Дворжик задумался.

– Года полтора. Может, чуть больше. Это ведь я ему помог в «Муромец» устроиться. Блин, до сих пор жалею!

– Почему?

– Он же угробил кого-то, – удивленно взглянул Дворжик. – Бабу какую-то. Ты не в курсе?

– Выясняю все по этому делу.

– С чего вдруг? Столько времени прошло. Козицкий сгнил давно! Хотя он и так был гниловатый. – Дворжик засмеялся своей шутке.

– А мне ты ничего не говорил про бабу, – вмешалась женщина.

– Зай, да я забыл про это. Убил и убил. Вообще-то он тихий был, Генка, – обратился Дворжик к Бабкину. – К стеночке вечно жался. А такой оказался орел!

– Что за баба-то? – снова спросила жена.

Бабкин понял, что она не даст разговаривать, пока ее любопытство не удовлетворят.

– Бывшая певица, Изольда Дарницкая, – сказал он. – Ей было восемьдесят, когда ее убили. Она жила в Литвиновке. Поселок такой.

– Знаю я! – перебила жена. Она пересела на диван и уставилась на Бабкина с жадным любопытством. – А как убили? Зарезали?

«Скажи, что зарезали!» – читалось в зеленых глазах. Она была очень красива, эта молодая светловолосая женщина с лицом, облагороженным пластическим хирургом. Ей хотелось подробностей чужой смерти, и чем страшнее, тем лучше. В ушах двумя набухшими каплями крови блеснули серьги с рубинами.

Илюшин как пить дать завернул бы что-нибудь про символизм. Бабкин пожалел, что с ним нет напарника. Макар умеет обращаться с такими бабами. Вежливо, мягко – точно кот трогает лапкой. А Сергея так и тянет ляпнуть грубость.

– Она умерла от сердечного приступа, – сдержанно ответил он.

Женщина разочарованно скривила губы.

– Тебе, Свет, лишь бы кого-нибудь прирезать! – хохотнул Дворжик. – Ладно, братишка, чего еще про Генку рассказать?

– Как ты с ним познакомился?

– Через Кольку Свища. Они учились вместе. Потом дурью баловались, еще всяким.

– А, Свищев...

– Что, уже слышал о нем? – Дворжик помрачнел.

– Слышал только, что вы дружили.

– Он меня подставил. Денег взял в долг и свалил с концами.

Разговор о старом друге был Дворжику явно неприятен, и Бабкин вернулся к теме разговора:

– Говоришь, Козицкий был тихий?

– Ну не то чтобы. – Он подлил себе еще коньяка. – Вообще-то я всегда знал, что с ним не все так просто.

– В каком смысле?

– Он отчаянный был парень. Просто снаружи казался тихоней. А так псих реальный!

– Псих? – озадачился Бабкин. Все, что он слышал о Козицком прежде, противоречило этой характеристике.

Дворжик пожевал губами.

– Ну, как бы объяснить... На мотике Гена гонял как бешеный. Пару раз возвращался в гараж злой. Я ему такой: «Гена, ты чего?» А он говорит: «Да вот, хотел кое-кого по асфальту раскатать, не получилось». Сам смеется, а глаза при этом нехорошие. Смотрит так, будто ненавидит меня, и тачку мою по колесу пинает.

– А, ты же ему разрешал мотоцикл в свой гараж ставить, – вспомнил Бабкин.

– Потом пожалел об этом. Да как-то стремно было отказывать. Вроде и причины нету.

Он залпом выпил коньяк.

– Сказать по правде, я его боялся.

– Боялся?

Сергей чуть не рассмеялся. Самодовольный хозяин жизни боялся чахлого, трусоватого, тощего Козицкого? Пятнадцать лет назад расклад был тем же, Бабкин мог в этом поклясться. Ему был неплохо знаком типаж Дворжика: неумный хвастливый парень, однако предприимчивый и склонный к риску. Много таких ему встречалось в девяностых.

– Он однажды кинулся на меня, – хмуро сказал Дворжик. – Я после работы тачку в гараж загнал. А Генка пришел и давай орать. Это незадолго до его смерти было.

– Что кричал?

– Ну, что скоро заживет как человек, что мы все будем ноги ему лизать... Всех вас, орет, раком поставлю! Я говорю: угомонись, чего на тебя нашло? А он схватил с полки насос – и на меня. Глаза дикие! Я подумал, может, обжаханный. Отпихнул его кое-как и убежал. А потом узнал, что Генка старуху убил и под поезд бросился. Я даже не удивился. Не знаю почему. Чего-то такого я от него и ожидал.

– Он упоминал имя Прохора Савельева?

Дворжик наморщил лоб:

– Прохора? Не, не помню. Может, и упоминал. Я особо не вслушивался, чего он там гонит.

– А Тульского Зодчего?

– Вроде не слышал.

Бабкин протянул ему фотографии членов семейства Савельевых.

– Посмотри – встречал кого-нибудь из этих людей?

Жена Дворжика выдернула пачку у Сергея и сначала просмотрела ее

сама. Фыркнула: «Ну и рожи!»

– Ты их не знаешь, зай, – ласково сказал Дворжик. – Ты ж у меня молодая. А это все когда было!

Он неторопливо перелистал снимки. Дошел до одного и явственно задумался над ним.

– Что? – насторожился Сергей. – Узнал его?

– Вот этого чувака вроде здесь видел, – Дворжик протянул карточку. – Незадолго до Генкиной смерти. Он возле его дома отирался, будто следил, что ли....

Сергей взял фотографию. Худощавое лицо, жидкая борода, выразительные глаза... Со снимка на него смотрел Вениамин Варнавин.

Час спустя Бабкин сидел в придорожном кафе, макал пельмени в плоску со сметаной и думал о том, что с каждым шагом дело запутывается все больше и больше.

Версия о том, что убийца Прохор Савельев, ему нравилась. Простая, логичная. Осталось лишь подтвердить, что никаких гонораров Тульский Зодчий не получал, и тогда пазл сложится. Старикан знал привычки соседки, а драгоценности Изольды лицезрел каждый день, когда она являлась в гости. Неудивительно, что в конце концов не выдержал и спланировал ограбление. «Считай, перед голодающим махали коркой хлеба».

Бабкин утопил в сметане очередной пельмень.

И тут подворачивается Козицкий. Савельев каким-то образом узнал, что Гена ставил сигнализацию Изольде. Вот она, счастливая случайность! Он убеждает Козицкого поучаствовать в ограблении, а потом убивает его – вернее, доводит до гибели.

Отличная версия. Но куда в ней пристроить Вениамина?

На экране высветилась эсэмэска, сообщавшая, что Илюшин наконец-то доступен для звонка.

– Макар, у меня новости, – сказал Сергей и отодвинул тарелку. – Нашелся свидетель в Туле, который говорит, что в двухтысячном году возле дома Козицкого видел Варнавина.

Он пересказал разговор с Дворжиком. Судя по шуму в трубке, Макар снова куда-то ехал. Не расследование, а бесконечное путешествие из города в город.

– Не вписывается у меня Вениамин в нашу теорию, – закончил Сергей.

– Вписывается.

– Каким образом? Отношения с отцом у него паршивые. И зачем

Прохору сын в качестве сообщника, когда у него уже есть Козицкий?

– Ты кое-чего не знаешь, – сказал телефонный Макар и в сторону добавил: «Здесь остановите, пожалуйста». – Варнавин был болен и нуждался в деньгах. Сам он уверяет, что эта тема не поднималась до убийства, но, скорее всего, врет. Возможно, дело было так: Вениамин все-таки заговорил с отцом об оплате операции. Прохор сам практически нищий, денег ему взять неоткуда. Он включает сына в свой план – скажем, все сношения с Козицким идут через него. Вениамин свободен в передвижениях, а Прохор постоянно на виду. Или он мог с его помощью искать средства давления на Козицкого, если тот выйдет из-под контроля. Допустим, близких выслеживал, ту же подружку, с которой ты общался. А в обмен на это Прохор обещал сыну долю. Ее и хватило на оплату операции.

– И свидетель пятнадцать лет назад видел двоих людей, преследовавших Козицкого! – вспомнил Бабкин. Эта подробность на некоторое время совершенно изгладилась из его памяти. – Макар, точно! Все совпадает!

– Совпадет, если издатель подтвердит, что на большие гонорары Прохору рассчитывать не приходилось, – сказал Илюшин. – И у нас все равно остается вопрос, кто прикончил Пашку.

– Варнавин и прикончил.

– Почему не Прохор?

– Дед внука любил.

– У попа была собака, он ее любил, – насмешливо сказал Макар. – Серега, это лирика. А нам нужны факты. Один я сейчас собираюсь добыть.

– Какой?

– Причину ссоры братьев. Я как раз возле офиса Татьяны Тишко. А ты лети соколом к издателю и кровь из носу выжми из него все условия контракта с Зодчим.

3

Людмила Кошелева не вошла, а вбежала в свою уютную маленькую квартирку, захлопнула дверь и с усилием сдвинула тяжелый засов, который обычно никогда не запирала.

Ей было страшно. Людмила налила себе водки, опрокинула рюмку, перевела дыхание.

Человек с тонким художественным вкусом, оказавшись в ее квартире, мог почувствовать слабость и даже недомогание. Всем другим цветам

Людмила предпочитала голубой и розовый – в тех сладких их оттенках, которые напоминают о пастиле или младенческих распашонках. Она с юности плела макраме, и стены были украшены горшочками в искусных кашпо, соседствуя с картинами на библейские сюжеты, написанными прохиндеями, не верящими ни в Библию, ни в искусство. Потолок был выкрашен голубой краской, карнизы позолочены, пышные шторы в цветочек перехвачены алыми лентами. Словом, эта квартира представляла собой образчик законченного китча.

Людмила обвела взглядом комнату в надежде, что страх понемногу отпустит ее. Злу не было места среди ромашек на обоях, плетеных горшочков и ковров, соперничающих яркостью со шторами.

Она взяла телефон – розовый, в сердечках – и набрала знакомый номер.

– Люда?

– Ко мне приходили! – выдохнула она. – Следовательно! Расспрашивал про Изольду!

– Тихо-тихо-тихо! Подожди, о чем ты говоришь?

– Следовательно! – повторила Людмила, чувствуя, что ее снова охватывает отчаяние. – Они опять... как это называется... возбудили дело, да? Возбудили!

– Люда, милая моя, это невозможно.

– Я видела его собственными глазами! – всхлипнула она. – Он допрашивал меня.

– Где?

– В парке! Мне было холодно и страшно, но он меня не отпускал. Ты не представляешь, какой это злобный и жестокий человек!

В трубке забормотали утешительную ласковую чепуху. Но Люда никак не могла успокоиться.

– А вдруг они снова придут?

– Ты не станешь с ними разговаривать.

– А вдруг они узнают?

В трубке замолчали.

– Он ведь не просто так ко мне явился, – горячо зашептала Люда. – Ему кто-то рассказал о нас с тобой. Ты представляешь, что будет, если все всплывет? Что будет с тобой? А со мной?!

Она тяжело дышала и едва не плакала.

– Ничего. Не. Всплывет. – Ее собеседник словно отвечивал на весах по одному слову, и каждое тянуло не меньше чем на килограмм. – Я обо всем позабочусь. Никому больше ни о чем не говори, хорошо?

Людмила всхлипнула.

– Никому! – настойчиво повторили в трубке. – Ты обещаешь мне?

– Обещаю.

– Я приеду к тебе сегодня, – после паузы сказал ее собеседник. – Из квартиры не уходи. И больше не говори со мной об этом по телефону.

– Почему? – изумленно спросила Люда, но в трубке уже раздавались короткие гудки.

Человек, которому она жаловалась на Илюшина, бросил телефон на стол и потер лоб. Разговоры могли прослушивать. Если у нее был следователь, почти наверняка прослушивают! А они наговорили... Стоп, что именно они наговорили?

Он стал вспоминать только что состоявшийся диалог и убедился, что при желании сможет от всего отказаться. Вот Люда... Да, с Людой сложнее.

Придется что-то делать.

4

Первый визит к издателю закончился ничем. Бабкин проделал двести километров, чтобы выяснить, что Виктор Иванович Квадрин, глава издательства «Цикада», уехал по срочно возникшим делам.

– Мы с ним на пять часов договаривались, – мрачно сказал Бабкин секретарше.

– Вы автор? – безразлично спросила хорошенькая секретарша.

– Нет. А был бы автором, Квадрин вернулся бы? Тогда я могу быстренько что-нибудь написать.

Секретарша бросила на Бабкина осуждающий взгляд и подсунула журнал.

– Вы сначала фамилию свою разборчиво напишите.

– Зачем?

– Чтобы Виктор Иванович вам перезвонил. В самом скором времени!

– Когда?

– Через десять минут, – ответственно заявила секретарша.

Виктор Иванович не перезвонил ни через десять минут, ни через час. Плюнув на необязательного издателя, Бабкин решил пока заняться исчезнувшими драгоценностями.

– Ювелир, ювелир, – бормотал он, сидя в машине и листая материалы дела. – Где ты, голубчик?

Наконец он наткнулся на нужную фамилию.

Бабкин позвонил своему бывшему коллеге и попросил выяснить судьбу человека, который делал украшения для Изольды Дарницкой. В отличие от издателя, коллега был человеком обязательным и расторопным. Уже двадцать минут спустя Сергей вносил в дело новые сведения.

Ювелира звали Ефим Плучник, и он был два года как мертв. Обстоятельства смерти не были криминальными: Плучник тихо скончался от старости.

Сергей отыскал его сына. Бородатый, похожий на гнома немолодой мужчина в ответ на расспросы грустно покачал головой:

– У отца остались фотографии его работ, но определить, какие из них принадлежали Дарницкой, невозможно. Честно говоря, в архиве у него полный бардак.

– Ясно, – кивнул Сергей. – Извините. Спасибо за помощь.

– Да не за что...

Сергей спускался по лестнице, раздумывая, что же теперь делать, когда сверху его окликнули. Плучник-младший, перевесившись через перила, смотрел на него.

– Я тут подумал... Фотографии, которые вы ищете, могут быть у наследников. Когда Дарницкую убили, отец передавал им снимки. Или не им, или следователю... Вот не помню. Но вы попробуйте!

– Попробую, – пообещал Сергей. – Спасибо!

В материалах дела фотографий не было. Он выяснил, где живет Давид, и наугад позвонил по указанному в сетевой базе домашнему номеру.

Ответил ему басовитый женский голос. «Я Софья Аркадьевна, – твердо сказала женщина, хотя он не спрашивал, кто она, а лишь пытался узнать, можно ли поговорить с Давидом Дарницким. – А вы кто такой?»

«А я Сергей, – ответил Бабкин. – Занимаюсь расследованием смерти его матери».

«Наконец-то! Приезжайте немедленно, мы давно вас ждем!»

И Бабкин, несколько удивленный, отправился к Давиду и его жене.

Едва ему открыли дверь, стало ясно, что он заблуждается насчет Давида и его жены. Толстая усатая женщина с выпирающим животом стояла впереди, а из-за ее плеча робко выглядывал худощавый мужчина. Определенно, эту пару следовало называть «Соня и ее муж Давид».

– Вы должны были сразу прийти к нам! – безапелляционно заявила Соня. – Я знаю все! Не тратьте время на Плучника. Старый дурак вам ничего не расскажет.

– Да, вряд ли, – согласился Бабкин. – Он два года назад умер.

Ему показалось, что на нежном испуганном лице Давида

промелькнула усмешка.

– Почему мне не сообщили? – возмутилась Соня. – Давид! Ты знал?

– Знал, дорогая. Я тебе рассказывал.

– Я забыла! – обвинительным тоном воскликнула Соня.

– Прости, – смиренно попросил Давид.

Соня, успокаиваясь, положила руку на живот.

– Восьмой месяц идет, – со страданием в голосе сообщила она Бабкину. – Это у нас четвертый ребенок!

Сергей несколько растерялся, не зная, поздравлять или сочувствовать.

– Постоянно невыносимая тошнота! – с надрывом продолжала Соня. –

И вот здесь так и крутит, так и крутит!

– Хочешь воды? – тихо спросил Давид.

– Ах, зачем мне твоя вода! Сам ее пей!

– Ну хорошо, хорошо, только не сердись.

– Хотя нет, неси!

Соня занервничала, коснулась бородавки на лице. Врач много раз повторял, что делать этого не стоит, но привычка была сильнее.

После смерти Изольды Дарницкой Соня на некоторое время впала в оцепенение. Направляющая, главная сила исчезла из ее жизни. Соня и не догадывалась, до какой степени была замужем за матерью своего Давида. Она прошла через все полагающиеся стадии: гнев, торг, отвержение, смирение, принятие... И наконец ощутила, что свободна.

Но Соня была из тех людей, кого свобода развращает. Прежде над ней сияло всевидящее око Изольды. От него некуда было укрыться. В глубине души она не ставила под сомнение, что даже ее мысли становятся видны свекрови – быть может, еще до того, как они забредут самой Соне в голову. Легкий флер безумия лишь придавал Дарницкой значительности. Не спятившую женщину видела в ней Соня, а дракона, сидящего на горе сокровищ.

При этом она и в мыслях не держала завладеть ценностями старухи. Все эти кольца, перстни, серьги, сияющие хищным алым светом, солнечное золото браслетов... Они представлялись ей неразрывно связанными с самой Изольдой. Чем-то вроде драконьей чешуи. Зачем чешуя без дракона?

И когда после окончания расследования часть драгоценностей вернули Давиду, в голове Сони произошел сдвиг тектонических пластов. Получается, она – хозяйка этой сияющей красоты? Своего мужа Соня за владельца не считала. К чему ему украшения? Он ангел, витающий в облаках, где смеются дети и звучит небесная музыка.

Она встала перед зеркалом, попробовала надеть браслет. Ничего не вышло: запястья у Сони были слишком широкие. Дарницкая заказывала украшения под себя, под хрупкие свои косточки. Соня первый раз помянула покойную свекровь недобрым словом.

Но потом взгляд ее упал на ожерелье с турмалинами. Ожерелье легло на могучую Сонину грудь, словно для того и было предназначено. Она схватила серьги с хризолитом, втиснула мизинец в кольцо с синим, неизвестным ей камнем, и тот сверкнул значительно и волшебным... Тогда Соню охватило какое-то помешательство. Она погружала руки в шкатулку, выгребала оттуда Изольдины украшения, цепляла серьги к брошкам, броши к нитям жемчуга, нить обматывала вокруг своей короткой толстой шеи... Когда уже на ней не осталось свободного места, Соня выпрямилась перед трельяжем.

И в зеркале увидела молодого дракона.

– Давид! Ты не помыл руки.

– Давид! Переодень свитер.

– Давид! Я не хочу больше видеть Топчинского в нашем доме!

При жизни Изольды Соня чувствовала, что она не единолично владеет этим сокровищем, ее сыном. Более того – что ее лишь допускают к пользованию.

После смерти старухи все изменилось. Соня осталась королевой. Больше ей не с кем было делить Давида.

Категоричность любящего сердца обременительна, но категоричность собственника невыносима. Ее мужу пришлось тяжело. Быть может, он сбежал бы, но Соня, которой долго не удавалось забеременеть, после смерти Дарницкой начала рожать одного ребенка за другим, словно с нее сняли проклятие.

Давид мог оставить жену. Детей он оставить не мог.

– ...Где вы искали? Рассказывайте!

Соня требовательно постучала Бабкина по колену. Тук-тук! Отчитывайся, голубчик.

Сергей, которого до сих пор забавляло ее начальственное отношение, решил, что пора разъяснить диспозицию. И разъяснил.

Соня опешила. Все эти пятнадцать лет ее грызла мысль, что половина украшений Дарницкой осталась ненайденной. Дракон с ободраным боком – вот кем она себя чувствовала.

Едва Бабкин упомянул о расследовании, Соня поняла: наконец-то! Справедливость будет восстановлена. Государство заботится о том, чтобы

его граждане не оставались обворованными.

Не то чтобы Соня была глупа. Просто ее мир слишком долго вращался вокруг одной идеи фикс.

– Зачем вам убийца мальчика? – непонимающе спросила она.

В системе ценностей Сони подросток не имел никакого значения. Во-первых, он давно умер. Его больше нет. Какая разница, что там было в прошлом! А вот украшения есть. Камни не исчезают, они практически вечны.

– Девочка, которую обвинили в его смерти, не была виновата, – сказал Бабкин. – Она наняла нас для нового расследования.

Давид, наклонившись к столу, чтобы поставить перед женой стакан, разжал пальцы. На столешницу выплеснулась вода.

– Давид! Ты меня облил!

– Прости, милая, сейчас принесу салфетку.

– Значит, вы не ищете украшения Изольды? – спросила Соня, пока Давид вытирал стол.

– Ищу. Это не конечная цель, но они могут вывести на преступника.

– Вы обязаны найти ее александрит! А сапфиры! Вы бы видели, какие у нее были сапфировые серьги! А изумруды! Это что-то особенное! Но александрит – самый дорогой. Я ей говорила много раз: мама, вы хотите нашей смерти, если вас ограбят? К вам придут, мама, такое богатство нельзя хранить дома! Александрит в четыре карата! У нас таких давно не находили, это цейлонское месторождение. Но если Изольда Андреевна что-то втемяшила себе в голову, – прости, Давид! – то ее не смог бы переубедить даже Иисус!

Давид сел с очень прямой спиной. Бабкин видел, что он хочет что-то сказать, но Соня снова перебила его:

– Сергей, вы должны отчитываться мне о каждом шаге! Вдруг что-то упустите!

Бабкин собрался исполнить номер, который в словаре его жены обозначался словом «взбрыкнуть». Соня с ее смехотворными требованиями начала его сердить. И еще она все время прикасалась к бородавке над губой, и тогда ее лицо становилось неприятно отрешенным.

Но за время работы с Илюшиным Бабкин взял в привычку задавать вопрос «Что сделал бы Макар, будь он здесь». Макара вывести из себя было трудно. Он соглашался и делал по-своему.

– Непременно отчитаюсь, – сказал Сергей.

На лице Давида вновь промелькнула усмешка. Он определенно все понимал, этот хрупкий человек, выглядевший как кроткий ангел с

рождественских открыток.

Бабкин ничего не понимал в мужской красоте. Он и в женской-то не разбирался, а самой красивой считал собственную жену. Но ему приходилось признать, что смотреть на Давида намного приятнее, чем на его супругу. Тонкие черты лица, кожа с золотистым отливом. Легко вообразить, что когда Давид заходит в темную комнату, вокруг него распространяется мягкое свечение.

– В письменной форме! – сказала Соня.

– Дорогая, может быть, мы...

– Молчи, Давид! Я хочу, чтобы этот человек присылал нам отчеты.

– Но Соня...

– Не спорь!

«Этот человек» вздохнул. Голос у Софьи Аркадьевны был громогласный. Оглушительный, говоря начистоту.

– Вы очень поможете в моих поисках, если покажете мне какие-нибудь фотографии пропавших украшений, – сказал Бабкин. – Они у вас сохранились?

– Давид, принеси! – скомандовала Соня.

– Я не помню, где они лежат. Поищи сама, пожалуйста.

– Боже мой, посмотрите на этого мужчину! Он беспомощен как ребенок!

Софья Аркадьевна удалилась, на ходу продолжая стенать о своей горькой доле.

– У вас мало времени, чтобы сообщить мне то, что вы собирались, – сказал Бабкин.

Давид вопросительно поднял брови.

– С чего вы взяли, что я хочу что-то вам сообщить?

– Вы отослали жену. Уверен, вы лучше нее знаете, где что хранится в вашем доме. Фотографии – это только предлог. Отсюда вывод, что вы хотите поговорить со мной наедине.

– Не сообщать, – Давид покачал головой. – Спросить. По делу об убийстве моей матери был задержан парень из фирмы, устанавливавшей ей сигнализацию... Козицкий. С чего вы взяли, что в убийстве был замешан кто-то еще?

Он смотрел на Сергея с напряженным вниманием. Бабкин не обладал проницательностью Илюшина. Но ему показалось, что за интересом Давида стоит не только вполне понятное желание узнать, кто был причиной смерти его матери.

– Всплыли новые факты, – неопределенно ответил он. – Вы уверены,

что ничего не хотите мне сказать?

Давид колебался.

Сергей помнил его показания. Алиби Давиду обеспечивала его жена: она подтверждала, что они гуляли в парке и покупали пирожные. Свидетелем выступил охранник в продуктовом: он вспомнил, что похожая на Дарницких пара действительно заглядывала в магазин. Бабкин еще тогда усомнился в неоспоримости их алиби. Через этот квартал ходило много любителей сладкого. Охранник вполне мог спутать Давида и его жену с кем-то другим.

– Вам известно, кто был второй грабитель? – спросил Бабкин, не сводя с него глаз.

– Я не... то есть...

– Нашла! – в комнату ворвалась Соня. – Вот, смотрите! Здесь почти все.

Бабкин раскрыл альбом и, не удержавшись, присвистнул.

– Извините!

Восторг его был вызван не красотой украшений, а обилием фотографий. Он держал в руках всю коллекцию Изольды Дарницкой, вернее, память о ней. «Черт возьми, с этим можно работать!»

– Фима Плучник был замечательный ювелир, – грустно улыбнулся Давид. – Большую часть этих украшений он сделал для матери сам. Она всю жизнь была его клиенткой.

Сергей вытащил телефон.

– Я пересниму украшения, если вы не против.

– Конечно. Хотя проще, наверное, отдать вам альбом. – Давид вопросительно посмотрел на жену.

– Вы его вернете? – строго осведомилась Соня.

– Верну обязательно.

Сергею хотелось как можно скорее позвонить Илюшину. Но у него ушло еще не меньше получаса, пока они выясняли, какие украшения были возвращены Давиду, а какие так и не нашлись.

Когда они закончили, Бабкин почувствовал, что от блеска драгоценностей у него мутнеет в глазах.

– Вот на всякий случай моя визитка. Если вспомните что-то об убийстве Изольды Андреевны или Павла Варнавина – любую деталь, что угодно, – позвоните.

Сергей предусмотрительно положил на стол две карточки. Уходя из квартиры Дарницких, он уносил с собой пачку снимков и твердую уверенность в том, что Давид что-то скрывает.

Глава 13

1

Серые офисные здания теснили друг друга к берегу реки, словно каждое хотело сбросить конкурента в воду. Стекло и бетон, бетон и металл – три пятнадцатизэтажных аквариума, в которых трудились сотни аквариумных работников. Илюшин попросил водителя остановиться. Едва он вышел, речной ветер забрался ему под пальто и оцупал ребра. Макар сразу пожалел, что не позвонил из машины. Но такси уже отъезжало, и он, подняв воротник, набрал номер Яны.

– Я добрался. Как найти твою маму?

– Среднее здание, офис четыреста четырнадцать, восьмой этаж. Только предъяви паспорт на входе.

– Понял, спасибо. От тебя что-нибудь передать?

Яна немного помолчала.

– Мама не знает, что я не виновата в смерти Пашки. Сообщи ей об этом как-нибудь поаккуратнее, ладно?

– Ты не сказала матери? – поразился Макар.

– Ей это вряд ли бы понравилось.

Илюшин окончательно перестал что-либо понимать. Далеко в Литвиновке Яна Тишко, правильно истолковав его молчание, тяжело вздохнула.

– Во-первых, она не поверит. Знаешь, Макар, я каждый день имею дело с собаками и кошками. С большинством из них мне приходится проводить довольно болезненные манипуляции. Я могу уговорить почти любое животное позволить воткнуть ему в лапу иглу длиной с ладонь. Но я не способна убедить собственную мать в том, что мне больше нравится хурма, чем яблоки. Она мне двадцать лет не верит и каждую неделю привозит антоновку.

Илюшин понимающе хмыкнул.

– А во-вторых, мама – человек шаблона. Она много лет жила с мыслью, что ее дочь убийца. Выстроила вокруг этого целый мир, в котором у нее была своя роль: оберегать от меня других детей, которым я могу причинить вред. Видишь ли, Макар, быть матерью убийцы довольно неприятно. Но людям свойственно в самом неприятном положении искать хоть какую-то выгоду для себя. Моя мама пятнадцать лет была ангелом-

хранителем на страже мира. А ты хочешь все испортить!

Она тихонько рассмеялась. «Истерика», – сочувственно подумал Макар. Но в следующую секунду Яна Тишко совершенно спокойным голосом произнесла:

– Наверное, даже лучше, что она узнает эту новость от тебя, а не от меня. Я же чокнутая.

– Что-то я не заметил.

– Мне нет никакой веры.

– В самом деле?

– Я пью таблетки, прописанные психиатром, – пояснила Яна. – Чтобы мне не снились кошмары. Все, кто пьет таблетки, больные люди. Ты же не станешь утверждать, что здоровому будут назначать лекарство, правда?

– Железная логика, – пробормотал Макар. – Ладно, я понял. Что еще передать твоей маме?

В трубке помолчали.

– Ты мог бы передать ей, что я ее люблю, – с грустной улыбкой сказала Яна Тишко. Макар очень ясно представил ее: маленькую, лохматую, большеглазую. Наверняка стоит босиком на полу, смотрит в окно и переминается с ноги на ногу. – Но это бессмысленно. Она тебе не поверит.

2

– Что за чушь! – резко сказала Татьяна Тишко. – Молодой человек, вы мошенник или идиот?

– Возражаю против разделительного союза! – запротестовал Макар.

– Что?

– Почему «или»? Я вполне могу быть идиотом и мошенником одновременно.

– Какая мерзость! Убирайтесь! Я не собираюсь с вами ничего обсуждать.

– Хорошо. – Илюшин поднялся и направился к выходу из кабинета.

Он знал, что она окликнет его, не успеет он выйти. Так и случилось.

– Зачем моя дочь вас прислала?

– Ваша дочь меня не присылала, – ответил Илюшин, не оборачиваясь.

Он явно собирался уйти. Это был не блеф, и Татьяна растерялась. Она настроилась на долгую продолжительную борьбу и препирательства с этим мерзавцем, но оказалось, что сражаться вот-вот будет не с кем.

Исчезновение противника с поля боя Татьяну, как ни странно, не

устраивало. На это Макар и рассчитывал.

– Вернитесь! – приказала она.

Илюшин обернулся и без улыбки посмотрел на нее.

В этот момент Татьяне впервые стало не по себе.

Когда к ней в кабинет вошел приятный молодой парень в хорошем пальто и дурацком ядовито-зеленом шарфе, она сразу поняла, что он прохиндей. Прохиндеи всегда обаятельны. Но ее их улыбочками и лучистостью не проймешь! Сам того не зная, Илюшин, не успев произнести ни одного слова, с первого же взгляда восстановил Тишкину мать против себя.

Когда-то давно Татьяна узнала, что красивые люди значительно больше преуспевают в жизни, чем их менее везучие неказистые собратья. Симпатяг охотнее берут на работу. Их бесплатно подвозят таксисты. В отеле им предлагают лучшие номера. Покупают ли они молоко в продуктовом или бегают кросс на стадионе, им постоянно достается приз зрительских симпатий.

Это открытие потрясло и возмутило ее. Жизнь и без того слишком несправедлива, чтобы усугублять положение дел подобной дискриминацией! В меру своих сил она станет это исправлять.

Коллеги в нелегальной курилке вполголоса обсуждали, что Татьяна Борисовна терпеть не может хорошеньких девушек. В отдел к экономистам часто отправляли стажеров, и плохо приходилось тому, кто выглядел привлекательнее остальных.

«Что вы хотите, от нее муж ушел к молодой цыпе, – объяснила, наконец, одна из коллег Тишко. – С вот такой фигурой». И руками показала с какой.

Предубеждение к красивым людям с годами зашло так далеко, что из собственного отдела Татьяна понемногу выжила всех симпатичных сотрудниц. Отдел экономистов за глаза называли болотом, подразумевая, что теперь в нем сидят одни жабы.

Единственным привлекательным человеком, от которого Татьяна не смогла избавиться, была ее собственная дочь.

И вот теперь – этот наглец. С милой улыбочкой!

Но тут Илюшин как раз перестал улыбаться.

Серьезное выражение прибавило ему лет десять. На Татьяну смотрел не вчерашний студентик, а взрослый мужчина, никак не младше тридцати пяти.

– Я останусь, и мы поговорим, – тихо сказал мужчина, – при одном условии. Вы возьмете себя в руки и молча выслушаете то, что я вам скажу.

Повторяю: молча. Попробуйте еще раз заявить про подлеца и мошенника и можете узнавать все новости о расследовании от своей дочери.

Татьяна не то чтобы опешила – она потеряла ориентацию. С ней очень давно так никто не разговаривал. Оказывается, ведется расследование! И уже есть какие-то новости! Она не успевала обдумать информацию, а решение следовало принять безотлагательно.

– Хорошо, – смирилась Татьяна. – Давайте поговорим.

Рассказ Макара она и в самом деле выслушала, не произнеся ни слова. Илюшин пытался догадаться, о чем она думает. Но лицо Татьяны оставалось непроницаемым.

Сдвинутые брови, в морщинистую складочку собранные губы. Она выглядела лет на десять старше своей беззаботной сестры. И ни малейшего сходства с Яной – дочь, очевидно, пошла в отца. Вечный раб на галере, машущий веслами без отпусков и праздников. Счастье у этих людей выглядит как мрачная гордость: «Я смог! Я сделал!» Не жизнь, а вечная борьба с обстоятельствами.

Но при этом они безукоризненно честны и абсолютно преданны своим. Рядом с ними хорошо оборонять форт, осажденный превосходящими силами врага. Они никогда не сдадутся и к тому же метко стреляют.

Когда Илюшин закончил, женщина некоторое время хранила молчание. Макар ожидал вопросов о преступлении, но Татьяна сказала другое:

– Зачем вы явились?

– Мне нужно кое-что у вас узнать.

– И что же?

– Из-за чего поссорились сыновья Прохора?

Кажется, ему удалось удивить ее. Она явно ждала других вопросов.

– При чем тут... Хотя ладно. Они поссорились из-за собаки.

– А подробнее?

Татьяна немного подумала, вспоминая. И рассказала.

Собаку звали Гектор. Это был английский бульдог, неприветливый ко всем, кроме своего хозяина. Юра Савельев увидел его на выставке и купил, подчиняясь мимолетному порыву. Суровый пес, тяжелый, брылястый. Передвигался он с трудом, предпочитал лежать на солнышке. Характер у него оказался мрачный. Склонный к мизантропии Гектор рычал, когда к нему подходили слишком близко, и не позволял себя гладить. По утрам Юра брал его на поводок, и, неохотно передвигая кривые ноги, пес брел на прогулку. На замеченных по дороге кошек хрипло лаял. Однако с места при этом не двигался.

Сперва поселок вылезал смотреть на это кривоногое сиплое чудовище. Потом привыкли.

В то лето Таня, Юрий, Вениамин и Тамара гостили у Прохора. Пес никому не радовался, но особенно невзлюбил Тамару. Когда она проходила мимо, приподнимал свою огромную голову, всю в складках толстой кожи, и рычал. Рык у пса оказался львиный: страшный, пробирающий до мурашек.

Может быть, его сердила длинная Тамарина юбка с бубенцами, позвякивающими при каждом шаге. Или ноздри пса раздражал запах ее благовоний.

Тамара попросила убрать собаку на задний двор. Сам Гектор облюбовал место в теньке сбоку от крыльца, разрыл там землю и дремал, просыпаясь только чтобы подкрепиться и порычать на женщину.

Юрий возразил, что на заднем дворе Гектор лежать не станет. Проверили – и оказалось, что он прав. Задний двор бульдог расценил как ссылку. Он раз за разом возвращался оттуда, трясся лобастой башкой, и зло косился на посмеивающегося Прохора.

«Я боюсь ходить мимо него! – жаловалась Тамара. – Он меня укусит!» Юрий похлопывал пса по спине и заверял, что Гектор миролюбивее овечки. Он рычит лишь потому, что ему не нравится летящая Тамарина юбка. Стоит той переодеться в джинсы, и все будет в порядке.

Менять юбку на джинсы Тамара не хотела. Ей не нравилась идея идти на поводу у злобного пса.

Некоторое время все продолжалось по-прежнему: Гектор спал у крыльца, Тамара ходила мимо него, он просыпался и издавал яростный рык, она молча отпрыгивала... Через три дня Вениамин потребовал, чтобы пса посадили на цепь. Раз он самостоятельно покидает задний двор, нужно ему помешать.

Юрий встал на дыбы. Бульдог – не охранная собака. Сидеть на цепи для него унижительно. После долгих споров сошлись на том, что Гектора можно привязать возле облюбованного им места. Тамаре будет спокойнее: даже если пес кинется, веревка ему помешает.

Однако в бульдоге неожиданно проснулся дух вольнолюбия. Пес мало двигался, но не желал, чтобы ограничивали его свободу. Его привязали веревкой – он перегрыз веревку. Прицепили к ошейнику карабин от поводка, закрепив другой конец на перилах, – Гектор перегрыз поводок. Юрий съездил в город и вернулся с тонкой цепочкой. Первые четыре часа Гектор гремел ею так, что у Раисы началась мигрень, а затем дернулся и вырвал ее вместе с балясиной.

Прохора забавлял конфликт сыновей. Юрка твердолюбый, Венька

взбалмошный. Юрка интересы пса ставит выше пустых страхов Тамары. Венька в ярости от того, что брат не воспринимает всерьез угрозу его жене. И ни один не желает уступить.

Проход с любопытством ждал, чем все закончится. Но когда Вениамин попробовал прибегнуть к его помощи, отреагировал резко: ваши дела – меня не втягивайте! Раиса ходила за ним следом, смотрела умоляюще: Проща, ты же хозяин в доме – придумай, разберись с детьми! Давай хоть вольер сколотим для этого несчастного пса!

Проход стукнул кулаком по столу и рявкнул: сами разберутся!

И разобрались. Только не так, как ожидалось.

Неделю Тамара молча ходила мимо рычащего бульдога. Темнела лицом, на Юрия не смотрела, на шутки Прохода не отзывалась. «Откусит он тебе ногу, Тамара, как танцевать будешь?» Татьяне, державшей нейтралитет, казалось, что Вениамин с Тамарой что-то задумали.

– ...Уезжай отсюда, Венька. – Татьяна покосилась в сторону крыльца. – Если вам тяжело, зачем себя мучить?

Вениамин оскалился.

– Почему это я должен уезжать? Здесь и мой дом тоже. Я родную мать полгода не видел! А я ее люблю, между прочим, и хочу с ней побыть подольше!

– Тогда пусть Тамара уезжает.

– Она моя жена, – отрезал Вениамин. – Останется со мной.

– Тебе ее не жалко? Ей же страшно.

– Что-нибудь придумаю, – пообещал Вениамин.

– Не вздумай отравить собаку. – Татьяна даже вздрогнула, представив, что тогда случится. – Ты понял, Венька? Не вздумай!

– Не собираюсь я его травить! С ума сошла, что ли? Иди, погуляй. Развеешься тебе надо.

Татьяна ушла, но нехорошее предчувствие никуда не исчезло.

Два дня прошли тихо. Тамара даже начала улыбаться Юрию. Вениамин мило подшучивал над тем, что из пасти Гектора вечно течет слюна. Раиса успокоилась.

А на третий день в сад Савельевых забрался шестилетний мальчишка из семейства Загорских. Стоял жаркий полдень. Все укрылись в доме. Бульдог дремал на разрытой прохладной земле. Мальчишка подкрался к Гектору, присел перед ним и дунул бульдогу в нос.

– ...Я была в кухне и услышала дикий крик, – сказала Татьяна, не

глядя на Макара. – Вы, наверное, знаете, что собак нельзя так будить. Даже самый добродушный пес может спросонья кинуться на человека. А Гектор не был добродушным.

Она помолчала.

– Что случилось с мальчиком? – спросил Илюшин.

– Пес вцепился ему в лицо. Он порвал парнишке обе щеки, но кости остались целы. Врач потом сказал, что это исключительное везение. Прохор оплатил все операции. Но Загорские с тех пор все равно возненавидели нашу семью. При каждом удобном случае мелко пакостили, если не могли по-крупному.

– А что Юрий?

– Он был ошеломлен. Отец с Вениамином надавили на него, и он принял решение усыпить Гектора.

– Почему не отдать в другие руки?

– Юра считал, что бульдог может быть опасен для детей. Он мне так и сказал: «Не хочу брать на себя вину за страдания еще одного ребенка». По-моему, он думал, что Гектор его предал. Юра ведь ему так доверял, так рассчитывал на его миролюбие...

Макар подумал, что хуже циников только идеалисты.

– Гектора усыпили, – продолжала Тамара. – На обратном пути из ветлечебницы Юрий заехал к Загорским, чтобы узнать, как здоровье мальчика. Они люди простые и довольно грубые, так что на него накричали и выгнали.

Илюшин представил, как Юрий, потрясенный смертью собаки, уходит из чужого дома под обвиняющие крики хозяев.

– А потом его догнал брат пострадавшего мальчугана и сказал, что пару недель назад они разговорились с красивой женщиной и та подбила пацана подобраться к псу из дома Савельевых и дунуть ему в морду. Спровоцировала их.

– И описание совпадало с Тамарой, правда?

Татьяна кивнула.

– Когда Юрий вернулся домой, на нем лица не было. Он кричал брату, что это они вдвоем с женой все придумали, чтобы собака показала себя монстром. Вам, кричал, плевать на мальчишку. Лишь бы добиться своего любой ценой. Тварями их обзывал, плакал... Ужасная сцена.

– А что Прохор?

– Пожал плечами. Сказал, что собаку можно завести новую, а ребенка починят. Хотя лично он предпочел бы, чтобы у мальчика остались шрамы. Идиотов, говорит, с детства надо как-то помечать. Тут Юрка заорал, не надо

ли как-нибудь помечать сволочей. Схватил стул и пошел на Вениамина. Мы с Раисой завизжали, кинулись на него... Не успели. Прохор сам у него стул вырвал и говорит: у себя дома можешь мебель портить, а мою не надо, она дороже тебя стоит. Юра после этого сразу уехал.

– А Вениамин?

– Остался победителем, конечно, – удивленно отозвалась Татьяна. – Он отвоевал территорию. Выгнал соперника. Тамара клялась, что мальчишка Загорских все выдумал. Но я думаю, она и в самом деле подговорила глупого ребенка испугать бульдога. Мстительный она человек. И расчетливый. Могла и денег ему пообещать. Вот после этого Юрий с Вениамином и не разговаривает. Хотя это так давно случилось.

«И не заговорит, сколько бы лет ни прошло, – подумал Макар. – Для него брат из категории людей перешел в категорию монстров. А эта метаморфоза работает только в одну сторону. Юрий не поверит в перерождение Вениамина, даже если тот начнет ходить по воде и кормить хлебами голодных».

Он задал Татьяне еще несколько вопросов об обстоятельствах убийства, но ничего нового женщина ему не сказала.

Илюшин встал, чтобы попрощаться.

– Вы ничего не хотите у меня спросить?

Татьяна только поджала губы в ответ. Макар, склонив голову набок, заинтересованно посмотрел на нее.

– Вы нам не верите? Мне и Яне?

– Не знаю, – неохотно сказала она после долгого молчания. – Не хочу верить.

– Почему?

– Вы раскапываете старую могилу. Зачем? К чему хорошему это может привести?

Макар усмехнулся.

– У меня нет детей. Но мне казалось, любая мать обрадуется, узнав, что ее ребенок не убийца.

Татьяна подняла на него безмерно усталый взгляд.

– Она убийца. Мы пятнадцать лет существовали с этим знанием. И понемногу приспособились к нему, сжились с ним. Знаете, Яне снились кошмары, она не раз и не два впадала в депрессию... Я наконец подыскала ей хорошего психиатра. Его лечение только начало действовать. И вот вы все ломаете. Думаете, отменив ложь и вытащив правду наружу, сделаете как лучше? Не сделаете. Перелом только что сросся, а вы заново сломали все кости. Прежде Яну терзала мысль, что она убила Павла. Теперь ее будет

терзать мысль, что она его не убивала, а лишь безвинно страдала все эти годы. Не знаю, что хуже...

– Вот именно, – кивнул Макар. – Не знаете. И не вам решать.

– У меня нет сил поддерживать мою дочь в преодолении новых проблем, – бесцветным голосом сказала Татьяна. – Я устала. Я больше не могу.

Илюшин многое мог ответить этой женщине. Как говаривал Маугли, у него хватало колючек под языком.

Но он посмотрел на нее внимательнее и заметил то, чего не увидел сразу. Они с дочерью все-таки были неуловимо похожи. Макар вглядывался, пытаясь осознать, в чем же таится сходство, пока вдруг не понял: перед ним была другая версия того же характера. Как если бы маленькая Тишка, в детстве лишенная городских закоулков, шкафов с книжками, своего леса – всего того, что составляло ее счастье, – эта маленькая девочка выросла, но и тогда стала заниматься не тем, чем хотелось, а тем, чем пришлось. Исчез бы прямой, чуть насмешливый взгляд. Брови перестали бы подниматься в веселом недоумении. Губы остались навсегда поджатыми, и лицо приобрело отпечаток длительной борьбы – с другими и самим собой.

«Вот что случается с храбрыми любопытными тишками, если заставить их прожить не свою жизнь».

– Яна вас очень любит, – сказал Макар. – И все, что она делает сейчас, она делает ради вас. Это ваши сломанные кости она пытается срастить заново. Это вам она возвращает вашего настоящего ребенка – ребенка, который никому не причинял зла. У нее все получится. У вас, кстати, тоже в итоге получится, потому что ваша дочь сильная. Она вытащит и вас, и себя. А таблетки тут ни при чем.

Макар вышел и плотно прикрыл дверь.

«Ну просто отец Браун с утешительными речами, – насмешливо похвалил он себя. – Ладно. С Вениамином выяснили, теперь очередь за...»

Телефон зажужжал в кармане как плененный шмель.

– Слушаю, – сказал Макар.

– Яну пытались убить! – без приветствия сказал Алексей Савельев. – Она в больнице.

Глава 14

1

Вероника Кошелева

Яна закрыла дверь, но я все равно услышала, о чем она спрашивает Лелика. «А теперь для разнообразия я хочу услышать правду. Зачем ты приехал?»

Я плотнее прижалась ухом к двери. Мне тоже интересно это узнать.

– За рукописями. – Голос Лелика доносился приглушенно, но слова можно было разобрать. – Я же говорил.

– Я тебе не верю!

– Извини, ничего не могу с этим поделать. Я говорю правду.

– Нет. Ты не говоришь мне правду. Все вы лжете и что-то скрываете!

– А ты не лжешь? – озадаченно спросил Лелик. – И ничего не скрываешь?

– О чем ты?

– О твоём друге Макаре Илюшине.

Наступило молчание.

– Я хотела тебе рассказать, – другим тоном сказала Янка.

– Что помешало?

– Не успела. Я не знаю, кого подозревать... Все перепуталось. Прости!

– В чем подозревать? Тишка, ты чего?

Многие называют меня дурочкой. Когда считают, что я не слышу. Мне тоже думается, что я не слишком-то умна. Иногда мне кажется, что я живу в ином времени, отличающемся от времени других людей. Мое течет медленно-медленно и несет меня, как будто в лодочке. Я успеваю как следует рассмотреть берега. Но для всех остальных я – девушка, которая очень долго ищет ответы на самые простые вопросы.

Моя сестра – вот кто действительно умен. Я бы посоветовалась с ней, что мне делать. Но чужой ум – такая странная вещь! Он годится только для своего обладателя. По крайней мере, у меня все происходит именно так. Много раз умные люди давали мне советы. Но когда я следовала им, получалось только хуже. Возможно, дело в том, что я нарушала какую-нибудь технологию следования правильным советам. А значит, я дура.

Но это я, кажется, уже говорила.

«Ты чего, Тишка?» – спросил Лелик. И даже моя глупость не

помешала мне понять, что Яна изменила свое отношение к нему из-за того, что он обратился к ней как в детстве.

Имена творят чудеса. Если правильно произнести имя в нужный момент, оно может обернуться заклинанием.

Лелик наделил слово «Тишка» волшебной силой. Произнесенное вслух, оно вызвало в памяти Яны те времена, когда она считала Лелика своим другом.

– Я не убивала Пашку, – сказала она. – Это сделал кто-то другой. Илюшин – частный детектив. Я наняла его, чтобы он помог мне разобраться в этой истории.

Это следовало обдумать. Я села на пол, продолжая слушать Янин рассказ.

Мне совсем не нужен детектив в бабушкином доме. И Яна не нужна. Иногда я думаю: жаль, что нет такого ластика, с помощью которого можно стирать людей. И карандаша, чтобы рисовать их заново. Я бы стерла своего бывшего мужа. Он звонит мне каждый день и шепчет в трубку, что я шлюха. Я слышу это слово с самого детства. «Ты шлюха, – шепчет мне мой бывший муж, – ненавижу тебя! Вернись ко мне».

Раньше я сама не могла понять, зачем отвечаю на его звонки. Но потом очень старательно подумала и сообразила.

Я хочу дождаться дня, когда он не скажет мне про шлюху. Когда у него кончится ненависть.

Я ведь не узнаю об этом, если не буду говорить с ним, правда?

Но если бы у меня был ластик, я бы стерла своего бывшего мужа. И нарисовала заново, когда стала бы старухой. Старухи неуязвимы. Старухи сильны. Старухи свободны. Пускай тогда бормочет про шлюху. Я буду только смеяться, как ворона каркает – кар! кар! кар!

– Ты думаешь, его убил кто-то из нас? – донесся до меня голос Лелика. – Из нас троих?

– Я не знаю.

Кажется, Яна заплакала. Мне стало жаль ее, немного. Она права, мы все ее обманываем.

Лелик заволновался, начал ее утешать. Потом говорит: «Смотри, что у меня есть!» Две минуты неразборчивых Яниных восклицаний, пока я не разобралась, что Женька нашла ее старые сокровища и передала Лелику.

– Странно, – сказала она, немного успокоившись. – Эти вещи должны напоминать мне об ужасном времени. А я все равно им рада.

Когда я увидела ее час спустя, Яна гладила нарисованную птичку и

утирала слезы. Кулон она снова повесила на шею. Помню, пятнадцать лет назад она не снимала свое бесценное стеклышко. Рассталась с ним единственный раз – в тот день, когда Пашка вылез на крышу мансарды.

Бабушка Рая утверждала, что он толкнул ее.

Нет. Он не толкал. Я была там и все видела.

В тот год со мной что-то случилось. Люди стали как-то странно смотреть на меня. Я имею в виду, мальчики, но не только они. И некоторые мужчины тоже. Например, наш учитель труда Олег Лукьянович, которого мы звали Лукьяшей. Мне казалось, они от меня чего-то хотели. Но я всегда плохо угадывала чужие мысли.

Женька заявила, что я веду себя распутно. Я не знала, как это. Мне было тринадцать, а я вдруг почувствовала, что у меня есть какая-то власть над людьми. Женька всегда звала меня дурочкой, в школе со мной не играли, потому что я тупая и торможу – так они говорили, мои одноклассницы, собиравшиеся кучкой и хихикавшие, когда я проходила мимо. Еще я плохо училась и не умела отвечать у доски. Надо мной смеялись. Но знаете что? Мне кажется, даже смеясь, они меня побаивались.

Однажды на перемене меня толкнул старшекласник, прыщавый юнец из тех, кому нравится издеваться над малявками. Я ударилась коленкой, и учительница заставила его отвести меня в медпункт. Она думала, это будет воспитательная мера. Думала, он проникнется моей болью, глядя, как я хромаю по коридору, и раскается в своем поступке. Но все время, пока этот прыщавый тип шел рядом со мной, он не переставая бормотал себе под нос, и когда я вслушалась в его бормотание... Нет, мне не стало противно. Я просто очень удивилась. Не знала, что люди могут делать такие изобретательные вещи с телами друг друга. А он все бормотал и бормотал, как будто сам с собой, но я видела, что он косится на меня и балдеет от того, что я все слышу.

Женька всегда твердит, что я бесстыжая. Но тогда мне стало невыносимо стыдно. Ведь это я спровоцировала его на такие слова и мысли.

Мы шли, он все бормотал и бормотал, а затем положил руку мне на плечо. Как будто заботливо вел младшую сестренку. Даже сквозь платье чувствовалось, какая холодная и влажная у него ладонь. Как рыба. С этой рыбой на плече я дошла до медпункта.

– Я тебя подожду.

Когда он это сказал, я представила, что захожу в кабинет, а его рука прилипла к моему плечу и живет отдельно от него – мерзкая, дохлая, вонючая рыбина. И куда бы я ни пошла, она останется со мной. От моего

платья будет разить этой вонью, с моих волос ее не смоет ни один шампунь. По вечерам эти пальцы станут трогать мое тело.

Меня едва не стошнило.

Но что я могла сделать? Пожаловаться? Я не в силах была повторить его слова. Ударить? Он легко справился бы со мной.

И вдруг я поняла. Не умом, а чутьем, обострившимся от стыда и отвращения. Повернувшись к парню, я заставила себя посмотреть ему в глаза и сказала – прилагая отчаянные усилия, чтобы голос мой не сорвался:

– Хочешь, мы с тобой сделаем это?

От страха голос у меня стал чужим, низким. Я подумала, что сейчас мой мучитель рассмеется надо мной.

Вместо этого он оцепенел. Смотрел в мои глаза, не отрываясь. Его лицо постепенно залила краска – как подкрашенная красными чернилами вода, поднимающаяся все выше и выше. Сначала заалела шея, потом подбородок, затем лоб, и только круги под глазами остались белыми. Это выглядело так смешно! И я фыркнула, не удержавшись.

Он вздрогнул. И попытался отступить на шаг.

Но я по-прежнему смотрела на него, и это ему мешало. Через наши зрачки как будто протянулась невидимая леска.

– Чего ржешь? – пробормотал он наконец.

От этого мне стало еще смешнее. Я снова фыркнула, потом засмеялась, не удержавшись. Он попятился и бросился бежать.

Меня еще потряхивало, когда я села на подоконник и прижала ладонь к ободранной коленке. Но самое страшное осталось позади. Я победила, хотя и не очень понимала, каким образом. Остаток урока я провела в туалете, осторожно куря украденную у Женьки сигарету.

К медсестре я, конечно, не пошла. Мне даже хотелось, чтобы остался шрам – как напоминание о сегодняшнем дне. Дохлая рыбина всплыла кверху брюхом и ее понесло течением – далеко-далеко, прочь от меня.

Этот придурок еще некоторое время ходил за мной. Но теперь все было по-другому. Он искал моего внимания и боялся его. Иногда на перемене я замечала бледное лицо в отдалении – он смотрел на меня как затравленный зверек, но никогда не подходил. Через пару недель я выкинула его из головы.

Но этот случай открыл мне глаза. Я осознала, что одно и то же мое свойство заставило этого прыщавого уроды шептать гадости и бежать от моего взгляда. Мне не под силу было выразить это в словах. Но понимание родилось и осталось со мной.

Тем летом я стала исследователем. Вокруг был огромный мир,

состоящий из мужчин, и я училась, как вести себя в этом мире. Я целовалась направо, многое позволяла и еще больше запрещала – только чтобы проверить, насколько меня слушаются. Прикосновения не приносили мне удовольствия. Чужие руки, обнимающие меня; чужие губы, тычущиеся в мою шею, – это было странно. И слюняво! Но до чего захватывающе оказалось наблюдать за происходящим! Как увлекательно разьяснять людей!

В тот день Андрей, сын нашего соседа, завел меня в малинник и попытался... Ну, не важно. Я заставила его прекратить. Я знала, им всем было стыдно за то, что они хотели сделать со мной. Всем, кроме одного человека.

И Андрею тоже было стыдно. Я шепнула «я же маленькая» – и его словно током дернуло. Он отскочил и, пошатываясь, зашагал напролом через кусты.

А я осталась в малиннике. Губы у меня распухли. Надо было выждать, прежде чем возвращаться в дом.

Я съела одну недозревшую ягоду, другую... Постепенно забралась в самую глубь зарослей. Колючки царапали кожу, но мне было плевать. Вот она, жизнь: кислый сок на губах, царапины на предплечьях...

Я была бы счастлива, если бы не наша тайна. Он так и сказал: наш с тобой секрет. «Никому не говори, Вероника, иначе знаешь, что я сделаю? Я тоже всем расскажу».

Этот секрет сидел у меня внутри как холодный гвоздь. Железный гвоздь, воткнутый мне в печеньку.

И тут на крыше мансарды я заметила Тишку. Она лежала на животе и читала. От края ее отделяли каких-нибудь двадцать сантиметров. Но я знала, что она не свалится: тех, кто любит высоту, высота любит тоже.

– Тиша, ты единственная, с кем в этом доме можно поговорить о литературе.

Дед повторял это слишком часто. Они действительно что-то обсуждали, когда он был в хорошем настроении.

Взрослые хмыкнули. Женька прищурилась. Пашка сделал вид, что ничего не услышал.

Но когда все разошлись по своим делам, он выбрался на крышу через окно и беззвучно, как кот, двинулся к читающей Тишке. Он полз на корточках, медленно-медленно. Боялся ее вспугнуть. Я просто смотрела, не размышляя о том, что он задумал.

Я часто так смотрю. Без всяких мыслей, одними глазами.

Над моим ухом звенел комар. Издалека доносились голоса взрослых.

Безмятежный день!

Пашка подкрался к девочке... С силой хлопнул ее по плечу и одновременно заорал.

Это было так неожиданно и страшно, что я вскрикнула. А Тишка – Тишка без единого звука шарахнулась от него. Долю секунды она балансировала на краю крыши, а затем полетела вниз.

Раиса после говорила, что она упала в малинник. Нет. До него было слишком далеко. Это я бросилась к ней из кустов, ломая ветки.

Тишка была маленькая и легкая. А еще она задержала падение, уцепившись за водосток. Если бы кто-нибудь из нас сверзился так с крыши, он сломал бы позвоночник. Но когда я подбежала, она сидела на земле с ошалелым видом и зачем-то ощупывала землю вокруг себя.

– Ты живая?!

Она начала чуть-чуть заикаться.

– Д-д-да. А что случилось?

Я отступила на шаг и задрала голову. На крыше никого не было.

В следующую секунду меня едва не сбили с ног.

– Тиша! Тишенька!

Бабушка Рая налетела как ураган – и откуда только она взялась! В эту часть сада никогда не забредали взрослые. Уже позже по некоторым ее словам я сообразила, что она держала меня под присмотром. Но тогда я просто очень удивилась.

– Господи, девочка моя!

Бабушку трясло. У нее побелели щеки. Как будто ей кто-то надавал оплеух меловой ладонью. Я снова испугалась, но уже не за Тишку, а за нее.

– Пошевелиться можешь? Ты можешь дышать?

Тишка вдохнула полной грудью, пошевелила руками и наконец поднялась. Бабушка перекрестилась. Вид у нее был такой, словно ребенок умер, а затем воскрес.

– Да ладно! – сказала я, желая ее успокоить. – Здесь невысоко!

Она так посмотрела, словно сама охотно столкнула бы меня с крыши вместо Тишки. И снова обернулась к мелкой, начала хватать ее и щупать:

– Здесь не болит? А здесь?

– Не-а.

– Янина, не ври мне!

– Я не вру, бабушка. Нигде не болит.

– Пошли купаться, – сказала я. Мне надоела их возня.

– Купаться?! Ты соображаешь, что говоришь?

Нет, честное слово, с бабушкой что-то было не так. Прежде она

никогда не кричала на меня. Я и не думала, что она умеет.

– Бабушка, я правда в порядке, – вмешалась Тишка. Она пыталась проскакать на одной ноге в подтверждение своих слов, но Раиса сказала, чтобы она немедленно перестала.

– Надо Женьку позвать. Тишка, где купальники?

– Не знаю.

– Ладно, сама поищу...

Купальники нашлись на сушильной веревке, Женька где-то бродила. Я вернулась и тыкалась во все комнаты, прежде чем сообразила заглянуть в бабушкину спальню.

Раиса сидела на корточках перед Тишкой и надевала что-то ей на шею.

– Это будет для тебя оберег. Не снимай его, милая. Я твой кулончик пока в шкатулку отложу, чтобы они не перепутались.

– Не надо в шкатулку. – Тишка зажала в кулаке свое лесное стекло. – А что за оберег?

Мне тоже стало любопытно. Я сунулась поближе, но бабушка загородила от меня Тишку, как будто охраняя.

– Святитель Николай, покровитель детей.

А-а, иконка! Я разочарованно зевнула и помахала купальником:

– Пойдем, а то жарко будет!

– Эта иконка досталась мне от отца. – Бабушка говорила торопливо, не обращая на меня внимания. – Тишенька, не снимай ее, договорились? Ни на ночь, ни на купание. Обещаешь?

На окраине поселка за нами увязались три местных собаки, лохматые, как домовые. Я побаивалась их, но Тишка сделала успокоительный знак рукой – все в порядке, не тронут – и страх прошел. Она как-то умела договариваться с животными.

Взять хоть того котенка! Женька пыталась прикармливать его, но он ни разу не дал взять себя на руки. А потом приехала Тишка и понесла рыбу его матери. Наверное, это самое правильное в обращении с маленькими детьми, пусть даже они и котята. Через неделю котенок признал ее за хозяйку. Лежал тряпочкой на загровке у Тишки, пока она с гордым видом вышагивала по Литвиновке. Смешно! Женька морщила нос и говорила, что от Тишки несет кошачьей мочой. Когда моя сестра завидует, она всегда вспоминает о плохих запахах.

Собаки проводили нас до реки и скрылись в лесу.

– Ты помнишь, почему упала?

Мы уже стояли по колено в воде и готовились переплыть речку.

Тишка вопросительно посмотрела на меня.

– Тебя Пашка испугал, – сказала я.
– Да, я знаю. Вспомнила, когда свалилась. А сначала мне показалось, что на меня труба обрушилась.
Тишка хихикнула.
– Не сиди больше на этой крыше, – сказала я. – Он еще что-нибудь придумает.
Она беззаботно отмахнулась:
– Пускай придумывает. У меня теперь есть бабушкин подарок!
Я с сомнением взглянула на иконку. Если она такая действенная, что ж бабушка сама ее не носит? Та защитила бы ее от Прохора.
– Не волнуйся, – попросила Тишка. – Все будет хорошо, честное слово.
Я не волновалась. Просто не люблю видеть искалеченные тела на лужайке под окном. Это некрасиво.
Так я ей и сказала. Тишка почему-то засмеялась.
– Ты прикольная! – говорит. – Ну давай, поплыли наперегонки!
Мы поплыли наперегонки, потом еще раз, еще и еще, и ни одна из нас не заметила, в какой момент Тишка потеряла оберег бабушки Раисы.

2

Когда Илюшин примчался в больницу, уже стемнело. В палате Яны не оказалось. Медсестры, заваривавшие чай, не проявили никакого любопытства после того, как он сообщил им об исчезновении пациентки. Илюшин позвонил Тишко, но трубка известила, что абонент недоступен, и некоторое время Макар предавался мрачным фантазиям, воображая, что убийца все-таки добрался до девушки и теперь ее труп остывает где-нибудь в больничном подвале.

«Идиот! Увлекся ссорой двух братьев! Бросил девчонку с тремя родственниками, любой из которых мог убить Павла. Ищи теперь ее с проломленной головой!»

Прийти в себя Макару помогла уборщица. Деловито отпихнув сыщика, она расплескала воду под его ногами и лихо провезла шваброй по илюшинским ботинкам.

Тут Илюшин вернулся к реальности.

– Простите, вы девушку из этой палаты не видели? – спросил он. – Маленькая такая, с челкой.

– Пять минут назад ушла, – безразлично ответила уборщица. –

Подвинься! Не видишь, грязно.

– Куда ушла?

– А я знаю?

Но вцепившемся в нее Илюшину удалось выяснить, что девушка была в пальто, накинутом на больничную одежду.

– И в тапочках! – сказала уборщица, бросив негодующий взгляд на его ботинки.

Из невидимых тапочек и пролился на Макара свет истины.

– Где здесь курят? – быстро спросил он.

– Нигде! Нельзя тут курить!

Илюшин насмешливо поднял брови.

– На площадке под лестницей, – сдалась женщина. – Только окурки не разбрасывай!

Последние слова она крикнула уже ему в спину.

Макар сбежал по лестнице, распахнул дверь, и с невыразимым облегчением увидел сидящую на перилах взъерошенную Яну Тишко с перебинтованной головой. Она курила и стряхивала пепел в консервную баночку.

– Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве, – сказал запыхавшийся Илюшин. – У тебя почему телефон отключен, а?

– Ой! – испугалась Яна и полезла в карман. – Правда, отключился. Заряд, наверное, кончился.

Она виновато посмотрела на Макара:

– Извини!

– Извиняю. Но только потому, что ты жива и вроде бы здорова. Привет.

– Привет! – запоздало согласилась Яна. – Ты что, из Москвы успел так быстро доехать? Как там мама?

– Про маму мы потом поговорим, – Илюшин сел на перила рядом с ней. – Рассказывай, что с тобой произошло. Голова болит?

– У меня на затылке небольшая царапина, которую зачем-то перевязали, и сотрясение мозга. Да здравствует бабушкина шапка!

– Шапка?

Яна слегка покраснела.

– Я примеряла старую одежду Раисы, – призналась она. – Нашла в шкафу целую коллекцию головных уборов. Шляпы бабушка не носила, но у нее хранилось множество платков и шапок-кубанок. Знаешь, норковые такие...

– Знаю, – кивнул Илюшин. – И ты померила кубанку?

– Ага. А потом снаружи, от калитки, кто-то позвонил, и я отправилась посмотреть. Не сняв ее.

– Во сколько это было?

Яна затушила сигарету и подумала.

– Около шести. Уже стемнело. И фонарь над дверью не работал. Я вышла на крыльцо, удивилась, что так сумрачно, и пошла к калитке.

– Ты не разглядела, что там никого нет?

– Разглядела. Но позвонивший мог уйти, не дождавшись, и тогда я бы догнала его на улице.

– А ты кого-нибудь ждала? Может, кто-нибудь из домашних предупреждал тебя, что должен прийти сантехник или страховой инспектор?

Яна покачала головой:

– Нет, ничего такого.

– Хорошо. Ты вышла, спустилась с крыльца...

– ...и меня ударили сзади по голове. Сшибли с ног. Я упала и потеряла сознание. Вот и вся история.

– Ты видела, кто это сделал?

– Нет. Я сразу же выключилась от удара.

– А какие-то догадки у тебя есть? Подозрения?

– Ни малейших. Меня нашел Лелик, и он же вызвал врачей. Я очнулась оттого, что он меня тормошил. Отвез меня в больницу, и выяснилось, что у меня сотрясение.

Она подумала немного и добавила:

– Еще с меня кофту пытались снять.

– Что значит пытались? – насторожился Илюшин. – Тебя что, хотели...

– Изнасиловать? – подсказала Яна. – Тогда логичнее было бы начать с джинсов. Но их никто не трогал. Зато я точно помню, как перед выходом из дома застегнула молнию на своей толстовке до самого горла, а когда пришла в себя, она была расстегнута.

– Может, Лелик?

– Точно не он. Я спрашивала.

Макар спрыгнул с перил, ходил туда-сюда, раздумывая, и легонько постучал по водосточной трубе. Труба отозвалась гулким стоном.

– А кроме кофты? – обернулся он к Яне. – Что еще на тебе было надето?

– М-м-м... Фланелевая рубашка, старая, теплая.

– И верхние пуговицы были расстегнуты?

– Кажется, нет... Не придала этому значения. Я могла расстегнуть их

сама, еще дома.

– Что еще ты помнишь?

Яна добросовестно пыталась выудить из памяти еще хоть какие-нибудь подробности нападения, но только виновато развела руками.

– Пойдем, отведу тебя в палату, – сказал Макар.

– Я домой поеду. Зачем мне здесь оставаться?

Илюшин тоже был озадачен тем, что врачи решили положить в стационар девушку с сотрясением мозга, но решил, что профессионалам виднее.

– Наверное, у тебя не пустяковое сотрясение, а что-нибудь серьезное...

Яна махнула рукой:

– Какое еще серьезное! Просто Лелик оплатил палату до завтрашнего дня. Это мне доктор сказал, когда он уже уехал.

– Лелик оплатил, – задумчиво повторил Макар.

Что-то многовато Лелика на сегодняшний вечер. И появился он очень своевременно, и в больницу девушку отвез, и сделал все от него зависящее, чтобы она не оказалась сегодня дома.

– Ты не боишься возвращаться? – спросил Илюшин, открывая перед девушкой дверь. – Вполне возможно, что тебя огрел кто-то из своих.

– Именно поэтому я хочу вернуться!

– Посмотреть им в глаза? Пронзить бесстыжие морды пристальным взглядом? – Он вздохнул. – Извини, я чувствую себя идиотом и поэтому не су ахинею. Серега предупреждал, что в Литвиновке тебе оставаться небезопасно. Я к нему не прислушался.

Яна встала посреди лестницы и обернулась к Илюшину:

– Это не ты, а я не прислушалась. Мое решение, моя и ответственность. А теперь этот человек побоится снова напасть!

С повязкой на голове она напоминала карикатурно маленького, но очень воинственного командира партизанского отряда.

– Мы не знаем, чего он побоится, – задумчиво сказал Макар. – В любом случае едем в Литвиновку вдвоем. Хотя на твоём месте я провел бы эту ночь в клинике.

Разумеется, ему не удалось отговорить ее. Она была настроена решительно. Если неизвестный рассчитывал испугать ее и заставить сбежать в город, он добился противоположного результата. Она, конечно, была напугана, но страх лишь мобилизовал ее силы.

– Думаешь, этот человек еще раз нападет?

– Не знаю, – честно сказал Илюшин. – Предлагаю не экспериментировать и выгнать всех твоих родственников прямо сейчас.

- Это затруднит расследование, – возразила она.
- Это облегчит твою жизнь.
- Ни за что. Пусть лучше меня еще раз стукнут, зато вы его поймаете.
- А гонорар нам кто будет платить после твоей безвременной кончины? – скептически осведомился Макар. – Твои наследники? Слишком долго ждать. Я не согласен.

Яна только хмыкнула в ответ.

За окном мелькали темные силуэты деревьев. Когда водитель набирал скорость, свет фонарей протягивался желтыми цепями по обеим сторонам дороги. «Либо это кто-то из домашних, либо приехал один из тех, с кем мы общались в последнее время, – думал Макар. – Или их двое. Один со стороны, плюс сообщник в доме. Это может быть кто угодно. И Вероника, и Женька, и Лелик. Напали после того, как Яна известила всех о своем расследовании. Хотели убить? Испугать?»

Расстегнутая кофта не давала ему покоя.

– Ты не хочешь рассказать мне, есть ли новости? – спросила Яна.

Илюшин так глубоко задумался, что ей пришлось дважды повторить свой вопрос.

– Новости? – он провел ладонью по лбу. – Да, кое-что выяснилось. Твоего дядю видели возле дома Козицкого незадолго до смерти старухи. Козицкий – это...

– Я помню. Подожди... Вы подозреваете, что дядя Юра был его сообщником?

– Не Юра. Вениамин.

Девушка изумленно посмотрела на сыщика.

– Венька? Но... Макар, это невозможно!

– Почему?

– Он все время торчал на виду!

Илюшин обернулся к ней:

– Ты не можешь этого знать. С утра ты пропадала в лесу, после обеда занималась котенком. Откуда уверенность, что Вениамин не уезжал в Тулу в это время?

– Потому что... – она растерялась. – Не мог и все! Слушай, они с Тамарой почти не выходили за пределы сада. Все время валялись в гамаках, сидели на поляне, загорали... В лучшем случае прогуливались до реки. Это наблюдали все, не только я. К тому же у Веньки нет машины. Если бы он исчез на несколько часов, это было бы заметно, поверь мне!

– Попробую поговорить с остальными, – согласился Макар, не вполне убежденный.

Едва они с Яной вошли в дом, навстречу им выскочили все трое его временных обитателей. Илюшин впился взглядом в их лица.

Алексей Савельев явно удивлен, и только. Но он лучше всех владеет собой, и по его умной физиономии не разберешь, что там варится внутри этой ушастой головы.

Женька взвинчена, глаза горят, на коже лихорадочный румянец.

Вероника выглядит спокойной и несколько безучастной – как всегда.

– Почему ты вернулась?

– В полиции выяснили, кто это был?

– Объясни, что произошло!

– Хочешь есть? Остался борщ.

Яна ухватилась за предложение Вероники.

– Хочу! Ужасно проголодалась.

Гомоня и выпытывая подробности нападения, вся братия отправилась за ней на кухню, а Илюшин вышел в сад, оставив Яну объясняться с родственниками.

Фонарь он предусмотрительно захватил из дома, как и стремянку. Для начала выкрутил лампу над крыльцом, снял с нее смазанные отпечатки и вернул на место. Затем пошел вокруг дома, низко наклонившись к земле и светя себе фонарем.

На то, что удастся отыскать следы обуви, Макар не слишком рассчитывал. Влажная земля неплохо сохраняла оттиски подошв, но по саду гуляли все, и следы перекрещивались и наслаивались друг на друга. «Был бы здесь Серега, может, ему повезло бы больше». Но Бабкин только еще ехал из Москвы в Литвиновку.

Илюшин кружил возле дома, постепенно расширяя радиус поиска, и на третьем круге нашел что искал. Возле сарая валялось одинокое полено, явно брошенное впопыхах, потому что до высокой поленницы под навесом оставалось еще метров тридцать.

– Так я и думал, – сказал себе Макар.

На всякий случай обернул полено в пакет и понес в дом. Он не помнил, можно ли снять с древесины отпечатки пальцев, но в голове его постепенно созревал план, для которого отпечатки были вовсе не обязательны.

– Что ты делаешь?

Алексей Савельев, которому так не шло теперь смешное имя Лелик, стоял в коридоре, преграждая Илюшину путь.

– Хочу выяснить, кто пытался убить мою клиентку, – сказал Макар. – Если ты сейчас признаешься, то облегчишь мне дело.

Савельев усмехнулся.

– Попробовал убить, а потом приводил ее в чувство? Сам веришь в то, что говоришь?

– Я верю, что она не убивала Павла Варнавина. – Илюшин перехватил поудобнее полено. – И в то, что это сделал кто-то из домашних. Почему бы и не ты, кстати.

– У меня алиби.

– Неужели?

– Я следил за Вероникой. Она все время плакала... – Алексей спохватился, что говорит лишнее, и замолчал.

– И где она была? – поинтересовался Макар.

– Вечером? В гараже. Она украла мою мышь и играла с ней, посадив ее в клетку.

– Что ты несешь? – не выдержал Илюшин.

Алексей пожал плечами:

– Хочешь верь, хочешь нет. Что ж я поделаю, если так оно и было.

– В общем, алиби у тебя нет. А между тем ты отличный претендент на роль убийцы. Только не вздумай врать, что Пашка тебе нравился! Про историю с малиновкой мне уже рассказали.

– Я его ненавижу, – ровным голосом сказал Савельев. Лицо его белело в полумраке коридора как гипсовая маска. – Он был лживый, прагматичный и очень сообразительный парень. Я бы не назвал его умным. Но у него была звериная хитрость и чутье на людей. Он мастерски нас использовал – и меня, и Тишку. Все сочли нас маленькими ревнивыми сволочами, которые пытаются выместить злость на том, кто больше всех нравится Прохору.

– Но ведь дело было не в Прохоре, правда? – мягко сказал Илюшин.

– Дело было в моем отце. Не будь Пашка сыном его брата, отец взял бы его к нам в дом.

Макар пожал плечами:

– Но у Пашки были свои родители. Вот если бы он убил их, чтобы попасть в семью к богатому дяде Юре, тебе бы стоило беспокоиться. Но это уже сюжет для фильма ужасов.

Савельев неприятно усмехнулся.

– Сюжет для фильма ужасов – это если бы Пашка убил не только их, но и меня. Но знаешь что? – Он подвинулся, освобождая коридор. – Я бы ничуть не удивился, если именно это он и планировал.

Илюшин прошел мимо него, но через несколько шагов остановился и задумчиво глянул на Алексея.

– Ты хорошо помнишь тот июнь?

– Неплохо. А что?

– Вениамин куда-нибудь уезжал?

– В каком смысле? – удивился Алексей. – Ну да, на реку. Только не уезжал, а пешком...

– Нет, я имею в виду, не пропадал ли он надолго из дома? Может, у него были дела в райцентре? Или в Туле?

Алексей помолчал, припоминая. Илюшин чувствовал себя довольно глупо с поленом в руках, но терпеливо ждал. Не просить же Савельева постоять тут, пока он отнесет улику в комнату.

– Вообще-то у меня сохранился дневник, – неохотно начал Савельев.

Илюшин едва не уронил полено.

– Дневник того лета?

– Да.

Макар на секунду потерял самообладание.

– И ты молчал?!

– Зато сейчас говорю! – огрызнулся Алексей. – Это детские записи, в них нет ничего интересующего тебя. Если хочешь знать, я их еще вчера внимательнейшим образом изучил. Надеюсь, там будет какая-то подсказка.

– Дай дневник! – потребовал Макар.

– Обойдешься.

– Ты мог чего-то не заметить!

– Придется тебе поверить мне на слово! Дневник не отдам. Но могу еще раз перечитать то, что касается Варнавина.

Илюшин произнес выразительную речь, суть которой сводилась к тому, что никто не сможет использовать записи Лелика с большей пользой, чем он, Макар. Он взывал к родственным чувствам, справедливости и доброте. Бесплезно. Алексей был тверд: он готов отыскать сведения о Вениамине, но не позволит другому человеку лезть в его детские впечатления.

«Что-то там есть еще, – понял Макар. – Какие-то тайны».

И отступил, поняв, что большего не добьется.

Через час Алексей постучался к нему.

– Как ни странно, ты прав, – сказал он, хотя Илюшин ничего не утверждал, а только спрашивал. – У меня почти каждый день мимоходом отмечено, что Вениамин с Тамарой занимаются всякой ерундой. То девчонок взяли учиться танцам, то читали друг другу вслух по ролям. Они же артистичные оба. И ленивые. За продуктами не ездили, Раисе не помогали. Кажется, дядюшка считал, что ему все простят за то, что он

вырастил для Прохора такого отличного внука.

– Спасибо, – кивнул Макар.

Версия о том, что Савельев взял в сообщники собственного сына, рассыпалась на глазах, как высохший песочный замок.

– Я бы на твоём месте ещё Янкиной матери позвонил, – сказал напоследок Алексей. – Она больше всех общалась с Варнавиными.

Сергей приехал ночью. В доме уже все спали или притворялись, что спят.

– Алиби у кого-нибудь есть? – первым делом спросил Бабкин.

– Нет.

– А что есть?

– Орудие неудавшегося убийства и отпечатки пальцев неизвестного происхождения.

Бабкин одним глотком допил остывший сладкий чай из илюшинской чашки и с тоской подумал о содержимом холодильника.

– Ты подозрительно бодрый, – заметил он, глядя как Илюшин ходит кругами по комнате. – Нас едва не лишили клиентки.

– Вряд ли её планировали убивать. Скорее, хотели оглушить, и это удалось.

– Думаешь, собирались увезти? Или испугать?

– У меня есть одна идея, – туманно сообщил Макар. – Но она пока слишком расплывчатая. Надо, чтобы сформировалась.

Бабкин потер глаза и зевнул. Последние дни сложились в бесконечную череду поездок и разговоров со свидетелями, и больше всего он мечтал свалиться в постель и проспать до самого утра, а лучше до полудня. Но позволить себе такой роскоши во время расследования Сергей не мог. После нападения на Яну Тишко – вдвойне.

– Что с издателем? – спросил Макар.

– Вообще перестал выходить на связь, сволочь. Трубку не берет, на смс не отвечает.

– Ладно, давай разберемся с тем, что у нас есть.

Бабкин посмотрел на отпечатки, снятые Макаром с плафона, перевел взгляд на полено. В мелких складках древесины ему внезапно привиделся Буратино.

– Макар, я сейчас усну, – признался он. – У меня уже глюки. Давай я по дому похожу, чтобы развеяться. А ты пока сверь отпечатки с теми, что у нас в деле. Или ты уже сверил?

– Нет, не успел пока. Иди, патрулируй окрестности.

Сергей вышел, ступая совершенно бесшумно. При своих габаритах он умел передвигаться беззвучно, словно крадущийся кот. Илюшин, который был в два раза легче, много раз пытался ему подражать, но всегда безуспешно.

За окном стояла промозглая октябрьская ночь, и когда Бабкин вышел на крыльцо, она коснулась влажной прохладной ладонью его щеки. Он покурил на крыльце, моментально озяб, зато проснулся. Закрыв за собой дверь, Сергей постоял, прислушиваясь к звукам чужого дома. В детстве, когда он приезжал к бабушке в деревню, они иногда дежурили по ночам – ходили с самодельными колотушками, как сторожа в старину, следя, чтобы не было пожара. Огня в деревне боялись сильнее всего. Вспыхнет, перекинется на другие дома, и не успеешь обернуться, как полдеревни погорельцев.

«Колотушки мне сейчас не хватает».

Бабкин прошел по коридору, заглянул в библиотеку, осмотрел гостиную. Проверил дверь Яны на втором этаже: заперта, как они и договаривались. На эту ночь Илюшин попросил девушку перебраться в свою старую комнату. В спальню Раисы, где она ночевала прежде, можно было забраться через окно, а изображать из себя всю ночь Холмса с Ватсоном, подстерегая преступника, Макар не захотел.

В кухне Бабкин не удержался и взял из шкафа конфету. Развернул ее, стараясь не шуршать фантиком, и тут ему почудился над головой какой-то звук.

Сергей застыл. Кто-то ходил наверху, и ему даже показалось, что щелкнули выключателем. Он подождал, не донесутся ли с лестницы шаги. Но ни одна ступенька не скрипнула. Бабкин сунул надкушенную конфету в карман и двинулся к источнику звука.

На втором этаже было тихо. Свет падал из приоткрытой двери в мансарде, из той комнаты, где Раиса устроила кладовку, а если называть вещи своими именами – склад ненужных вещей. Бабкин осторожно подкрался к двери, заглянул внутрь.

Посреди комнаты спиной к нему стояла Вероника. В правой руке она сжимала короткий нож. Ее окружали коробки – завалы, нагромождения коробок и ящичков. Что-то тихо шепнув себе под нос, она сняла верхнюю с ближайшей башни и одним движением распорол полосу скотча.

Бабкин молча наблюдал. Вероника перевернула коробку, в которой оказались тетради, расшвыряла их и схватилась за следующую. Одна опустевшая коробка за другой отлетала в сторону, а содержимое сдвигалось, постепенно накапливаясь в большую мусорную кучу. Здесь

были дневники, книги, сервизы, обернутые в пожелтевшую газетную бумагу, какие-то детали – похоже, от телевизора... Вероника действовала как робот. Вскрыть, вывалить, расшвырять, сдвинуть. Вскрыть, вывалить, расшвырять... Когда вокруг нее не осталось свободного места, она принялась сгружать охапками вещи обратно по коробкам, ничуть не заботясь об их сохранности. Сергей слышал, как хрустят чашки и бьются тарелки, ударяясь о дно ящика. Женщина с маниакальным упорством пыталась что-то найти.

К десятой коробке Вероника устала. Поднялась, стоя спиной к Сергею, и чем-то щелкнула. Он не сразу понял, что это зажигалка, а поняв, остолбенел. Она что, собирает все это поджечь?

Наверное, он не слишком бы удивился. Легко было представить ее стоящей посреди объятый огнем комнаты. Не факт, что пламя навредило бы этой ледяной непроницаемой красавице – быть может, она неуязвима для тепла и жара.

– Что вы делаете?

Она вздрогнула и обернулась. В одной руке нож, в другой зажигалка, глаза расширены... Впервые Сергей увидел на ее лице подобие эмоции, и ему стало не по себе. Бесчувственной эта беловолосая фея определенно не была.

Вероника молча сделала шаг к нему, и он приготовился уклоняться от удара. Черт ее знает, чего от нее ожидать!

– Я могу вам помочь? – спросил он. – Ночь уже, поздно, а вы тут одна пытаетесь справиться. Хотите, будем искать вместе?

Он забалтывал ее, но судя по всему, реплики были выбраны неправильно. Голубые глаза по-прежнему расширены, как у взбесившейся ангорской кошки, и нож на изготовку.

– Вы же понимаете, что пырнуть меня этим вашим кинжалом – плохая идея? – поинтересовался Бабкин.

Кажется, подействовало. Она опустила руку.

– Вы ударили поленом Яну? – спросил Сергей.

Вероника молча покачала головой. Ее молчание начинало его беспокоить. Она и прежде не казалась ему разговорчивой, но в ситуации, когда ее застали роющейся посреди ночи в чужих коробках, можно было бы и сказать что-нибудь в свое оправдание.

– Ничего не хотите объяснить, Вероника?

Кажется, вот это легкое движение губ означает у нее усмешку. Сергей пожал плечами:

– Дело хозяйское. Но я сейчас разбужу Яну, покажу, что вы сделали с

вещами, доставшимися ей в наследство, и вас через час выставят из дома.

Вот теперь она всерьез испугалась. Страх считывался вполне недвусмысленно, и Бабкин почувствовал облегчение. Наконец-то ему удалось расшифровать хоть какую-то ее эмоцию!

– Не надо.

Слабый тихий голос. Она даже наклонилась и положила нож на пол, словно показывая, что больше не вооружена.

– Тогда объясните, что вы здесь делаете.

– Я ищу одну свою вещь.

– Какую?

– Я не могу сказать.

– Какую?

Глаза ее сверкнули.

– Я не могу сказать!

Бабкин понял, что настаивать бесполезно.

– Ну вот что, – начал он, изрядно устав от происходящего. – Я уверен, что вы знаете, кто ударил вашу сестру и едва не прикончил ее. Это сделал один из вас троих. Или вы называете мне его имя, или готовьтесь паковать вещи. В принципе, вашу семейку давно следовало выгнать отсюда к чертовой матери. Не знаю, отчего Яна проявила такую доброту. Но мне удастся ее переубедить, даю вам слово.

Он блефовал, конечно же. Но ему хотелось есть, и чувство голода вкупе с желанием наконец выспаться придавало его тону необходимую убедительность злости. Бабкин был чертовски раздражен и хотел покончить с происходящим вокруг абсурдом как можно быстрее.

Она беспомощно огляделась, словно пытаясь призвать на помощь кого-то невидимого.

– Говорите, – попросил Сергей. – Вам все равно придется это сделать.

Илюшин сверил смазанные отпечатки на плафоне с теми, что хранились в их деле, и ожидаемо не нашел совпадений. Видимо, тот, кто выкрутил лампу над крыльцом, был в перчатках. «Предусмотрительный, гад».

Осмотр полена тоже ничего не дал. Конечно, существовал призрачный шанс, что преступник, нанося удар, содрал кожу с ладони, оставив на древесине следы крови. Но Илюшин отдавал себе отчет, что вероятность эта ничтожно мала.

– Улики есть, но толку-то от них, – пробормотал он, берясь за свою головоломку.

На этот раз ему удалось сложить кубик за две минуты, и в тот момент, когда последняя полоса встала на свое место, его словно кольнуло.

– Отпечатки, отпечатки, – забормотал Илюшин и вскочил. – Товарищи, а ведь я уже их видел прежде...

Незримые товарищи, имевшие смутный облик клонов Бабкина, поинтересовались у Макара, что он имеет в виду. Плафон?

– Нет, не плафон, – отмахнулся Илюшин. – Но мне определенно встречалось...

И тут он вспомнил. Зрительная память была у Илюшина близка к фотографической. Эти параллельные завитковые узоры он видел дважды: сначала в материалах, собранных следователем Гусаком, а затем в своих собственных.

Макар открыл архивное дело, включил планшет и вывел на экран фотографию отпечатков, снятых собственноручно им самим. И едва преодолел искушение немедленно отыскать Бабкина и вывалить на него новую информацию.

– Круто, – пробормотал он, глядя на совершенно одинаковые узоры. – Как я раньше не заметил!

Но это ни на шаг не приближало его к разгадке, кто напал на Яну Тишко.

– Кофта, кофта, – пробормотал Макар. Расстегнутая молния не давала ему покоя. Зачем раздевать свою жертву, тратя драгоценное время? Если Яну хотели напугать, чтобы она прекратила расследование, или даже убить...

– Стоп! – вслух сказал Илюшин.

«Я исхожу из неправильной предпосылки вместо того, чтобы исходить из фактов. А факты таковы, что девушку оглушили и пытались раздеть».

И тут все сложилось. Истории из ее детства, рассказанные Яной, ограбление старухи, сегодняшнее нападение...

– Я тормоз, – сказал себе Макар и быстро пошел к двери.

Он распахнул ее и столкнулся нос к носу с Бабкиным.

– Это Женя, – торопливо сказал Сергей.

– Знаю. Давай за мной.

– Откуда ты знаешь? – шепотом взвыл Бабкин. – Ты не можешь знать!

– А ты понимаешь, почему она это сделала? – Илюшин уже взбегал на второй этаж.

– Понятия не имею. Ее сестра видела, как она выворачивала лампочку, но только позже поняла зачем.

– Как ты ее разговорил?

– Она сама решила, что лучше признаться.

Макар остановился перед дверью, ведущей в комнату Яны Тишко, и постучал.

– Кто там? – вполголоса спросили изнутри.

– Яна, это мы.

Она открыла дверь, кутаясь в шаль, наброшенную на пижаму.

– Извини за вторжение, – деловито сказал Макар, без приглашения входя в комнату.

– Ничего, я не спала, читала... – она растерянно переводила взгляд с него на Бабкина. – А что случилось?

– Что на тебе надето?

– Прости?

– Что на тебе надето? – раздельно повторил Макар. – Перечисли.

Несколько секунд Яна смотрела на него как на законченного идиота, и Сергей ее понимал.

– Э-э-э... ну, носки, – наконец сказала она. – Пижамы. Трусы. Достаточно?

– Нет. Продолжай. Что еще?

– Бюстгалтера нет, – начиная сердиться от общего идиотизма ситуации, сказала девушка. – На пижаме, как ты видишь, шаль. Бабушкина. Потому что холодно.

– Что еще? Под пижамой!

Она прищурилась и, кажется, была близка к тому, чтобы выгнать его.

– Ничего у меня нет под пижамой!

– Макар, тебе бы, может, поспать, передохнуть... – начал Бабкин.

Илюшин сел в кресло с видом бесконечного снисходительного терпения.

– Поразительные вы люди! – сказал он, обращаясь сразу к Бабкину и Яне. Это, разумеется, прозвучало как оскорбление. – Не замечать очевидного даже после моих наводящих вопросов!

Сергей окончательно разозлился.

– Может, тогда ты перестанешь задавать свои наводящие вопросы и сообщишь уже нам, убогим, в чем дело!

– Дело в том, что на Яне надето кое-что еще, кроме пижамы и носков, – пояснил Макар. – И я хочу, чтобы она сама сказала, что это такое. Не раздевать же мне ее!

Бабкин открыл рот, чтобы сообщить, что он сейчас разденет самого Илюшина и выставит на мороз – чтобы остыл. Но не успел.

– Кулон, – внезапно сказала Яна.

– Что?

– Кулон. Мой. Детский.

– Можно на него посмотреть? – вкрадчиво спросил Илюшин.

Она пожала плечами, но выудила из-под пижамы цепочку.

– Это просто стекляшка. Я же тебе рассказывала, как получила ее в конкурсе, который устраивал дядя Юра.

– Рассказывала, – пробормотал Макар, протягивая руку за кулоном. Бабкин молчал, не понимая, что происходит. – Будь добра, включи настольную лампу.

Все трое сгрудились возле стола. Илюшин разжал ладонь и бережно положил Янин талисман на самое светлое место. Прозрачное ограненное стекло сверкнуло в мягком свете. Прошла секунда, другая...

– Ой, цвет меняет! – изумилась Яна. – Никогда прежде не замечала.

Бабкин заворуженно смотрел, как в зеленой водянистой глубине рождается пурпурное свечение, расплывается, растекается по кристаллу, и вот уже на столе под лампой лежит бледно-малиновый кулон, поблескивая фиолетовыми искрами.

– Забавно, – протянул он. – Макар, это что за фокус такой?

– Это явление называется плеохроизм, – спокойно сказал Илюшин. – Изменение цвета кристаллов. Проявляется тем сильнее, чем гуще природная окраска камня.

Яна и Бабкин уставились на него.

– Какого еще камня? – не выдержала девушка. – Макар, это стекло!

– Александрита. Четыре карата, цейлонское месторождение, по всей видимости. У нас, кажется, таких крупных давно не находили. Стоимость затрудняюсь определить, но не меньше пяти миллионов.

Яна некоторое время молча смотрела на него, а затем без единого слова опустилась на край постели. Бабкин ощутил сильное желание присоединиться к ней. Он вспомнил, где видел этот камень – на фотографиях, которые передали ему Дарницкие.

– Откуда? – хрипло спросила девушка. – Этого не может быть! Его Тамара купила в райцентре, в каком-то ларьке!

– Его Женя украла из дома Изольды, – сказал Макар. – И поленом тебя ударила, потому что хотела вернуть его себе.

Было шесть утра, когда Женька спустилась на кухню, собираясь

заварить себе кофе. Спала она урывками, и сон состоял из каких-то мелких повторяющихся сюжетов, точно сеть, которой ее ловили, будто рыбу. Женька просыпалась, глотала воздух и снова проваливалась на дно сна, утянутая сетью.

Хмуро потирая виски, она вошла на кухню и вздрогнула.

Они сидели здесь, все трое. И мужлан, зыркающий исподлобья, и мерзкий студентик, и сама Яна. Накануне выяснилось, что студентик и мужлан – частные сыщики, и в этом было что-то ужасно глупое и неправдоподобное. Женька сомневалась в реалистичности частных сыщиков. Они имели право на существование только в голливудских фильмах и плохих отечественных сериалах.

Она бросила взгляд на двоюродную сестру. Яна выглядела так, словно всю ночь провела в гробу под землей, и эта мысль пролилась бальзамом на Женькину душу.

– Вы чего здесь собрались? – неприветливо спросила она. И чуть не добавила «Проваливайте, дайте кофе выпить в тишине!»

Но внезапно сообразила, что дом принадлежит не ей. Женьке постоянно приходилось усилием воли возвращать съехавшую кальку воображаемой действительности к грубому рисунку реальной жизни.

– Рано же! – исправилась она. – А вы тут сидите, как заговорщики.

Мужлан отхлебнул борща. Кто ест борщ в пять утра!

– Уезжать собираетесь? – спросила Женька.

– Нет. Не собираемся, – ответила за всех Яна.

До чего же она противная! И в детстве все умилялись этой малютке, и сейчас умиляются. Женьку это бесило. Карлица с мультяшной мордочкой и писклявым голоском!

Женя принужденно зевнула и полезла в шкаф за чашкой. «Кофе заварю – и уйду», – решила она. Молчаливая троица действовала ей на нервы.

В своих способностях перехитрить любого сыщика Женька не сомневалась. И эти двое не вызывали у нее серьезных опасений. Один дурак, второй юнец! Она мысленно пожала плечами.

– Я тут рассказывал одну историю, – раздался голос студентика за ее спиной. – Вчера кое-кто, не будем тыкать пальцем, так хотел спать, что не мог воспринимать информацию.

– Вранье! – Бурчание мужлана напоминало хрипловатый собачий рык. – Я мог, просто не всю.

– Зато теперь, Женя, когда вы так кстати сюда пришли, вы можете мне помочь.

Женька обернулась и вопросительно заломила бровь.

– Вы о чем?

– В моей истории есть кое-какие лакуны. Их можете заполнить только вы.

Она неторопливо нацедила кофе, положила на блюдечко печенье и демонстративно обошла сидящих за столом по широкому кругу.

– Всю жизнь мечтала в шесть утра лакуны вам заполнять! – усмехнулась Женька, стоя у двери. – Давайте-ка уж как-нибудь сами, господа хорошие.

– Да не вопрос, – вслед ей сказал студентик, непонятно от чего вдруг развеселившийся. – В июне двухтысячного года вы забрались в дом Изольды Дарницкой и украли из ее спальни кулон с александритом.

Женька удержала чашку в руках, но печенье съехало с блюдца и разлетелось у нее под ногами.

– Схватили вы его, наверное, потому, что он был маленький, – продолжал студент. – Или просто сверху лежал? А, Евгения?

Женька молча смотрела на него.

– Вы сунули его в карман и сказали вашей подружке, что пора уходить. И в этот момент вас спугнули настоящие грабители. Вы убежали, сообщницу оставили сидеть за сараем... Или за баней?

– За баней, – кивнула Яна.

– ...а сами вернулись домой. И тут вам стало страшно. В кармане у вас хранилось доказательство кражи. Вы ведь были взрослой девочкой и отлично понимали, что это самое настоящее воровство, правда? Кулон жег вам руки, и в попытке избавиться от него вы сунули его в первую подвернувшуюся коробку с украшениями Раисы. Я пока нигде не ошибся?

Женька присела на корточки и принялась машинально собирать раскрошившееся печенье.

– Где умный человек прячет лист? – спросил Илюшин. – В лесу. Вы поступили умно. Прохор дарил жене бусы, серьги и браслеты, потому что это отвечало его представлениям о правильном подарке, но она их почти не носила. Шансов, что ваша бабушка наткнется на кулон, практически не было. Вы хотели спокойно придумать, куда можно перепрятать ворованное без опасения, что его найдет ваш троюродный брат, а для этого нужно было выиграть время.

– Женя, это правда? – не выдержала Яна.

Женька выпрямилась и без выражения посмотрела на нее.

– Конечно, правда, – заверил Макар. – Но вам, Женя, не повезло. Вы спрятали кулон не в настоящую шкатулку, а в коробку из-под чая, куда жена Вениамина собирала разнообразную пустяковую бижутерию для подарка

детям. Дальше все сложилось самым неудачным для вас образом: кулон получила Яна и наотрез отказалась отдавать его вам. А тут еще и Изольду нашли мертвой! Вы боялись, что кто-нибудь из взрослых узнает камень, который носила Дарницкая, и все вскроется. А потом, это же был ваш трофей! Вы его лихо стянули у старухи и считали, что он должен принадлежать вам.

Здоровяк сделал движение, собираясь встать, и Женька проворно отступила на шаг.

– Я за борщом, – насмешливо успокоил он.

– Вы бы, конечно, рано или поздно просто украли кулон у Яны, – продолжал Илюшин. – Но тут вам не повезло второй раз. Вероника и Яна вернулись с купания и рассказали, что на речке он свалился и утонул.

– А я ведь была уверена, что ты хочешь мне помочь, – тихо сказала Яна.

Странная улыбка искривила Женькины губы.

– В общем, когда вам не удалось достать кулон со дна реки, вы смирились с тем, что он для вас навсегда потерян. И это продолжалось до... Вот тут у меня как раз лакуна. Серега, не стучи половником!

– Да я уже все, – проворчал здоровяк, возвращаясь на место со второй тарелкой супа. – Какая лакуна? Я все пропустил.

– Откуда, Женя, вы узнали, что ваша двоюродная сестра утопила вовсе не камень Изольды? Вероника рассказала?

Женька стояла с той же диковатой усмешкой, не говоря ни слова.

– Или Раиса? – предположил Макар. – Я бы ставил на Раису. Тем летом она увидела, как из-за Пашки Яна свалилась с крыши, и испугалась за внучку. Она надела ей свою иконку в качестве оберега, и эта-то иконка и пропала при купании. Вам стало известно об этом относительно недавно. Вы вполне обоснованно решили, что Яна спрятала свое сокровище где-то в доме. Начали обыскивать комнаты, и тут вам наконец-то повезло – вы наткнулись на Янин тайник. Где он был?

– Под подоконником в библиотеке, – вместо Женьки ответила Яна.

– Была бы у вас лишняя минута, Женя, и никто бы не пострадал. Но в библиотеку вошел Алексей, забрал у вас клад и возвратил хозяйке. Представляю, как вы злились! Никто не понимал ценности этого зеленого стеклышка. Яна снова стала носить его как талисман, и подобраться к кулону стало еще сложнее, чем пятнадцать лет назад. А вы отчаянно нуждаетесь в деньгах, Женя. Работы у вас нет, насчет квартиры, которую вы якобы обязались сдавать ближайшие три месяца, вы соврали. Квартиры ведь тоже не существует. Так, Серега?

– Нету, – подтвердил Бабкин, прихлебывая борщ. – Никакой недвижимости, как я и говорил.

– В конце концов вы прибегли к самому простому способу. Ваше нападение было чистой воды попыткой ограбления. Я понял это, когда вспомнил о расстегнутой кофте. Вы всего лишь собирались снять кулон. Вмешался опять Алексей, и я удивлен, честно говоря, что вы не огрели поленом и его. Дважды сорвать ваши планы! На вашем месте я бы его удавил, честное слово.

Женька наконец разомкнула пересохшие губы.

– Вы ничего не докажете.

– Я и не стану, – удивленно отозвался Макар.

– Может, мне в качестве компенсации тоже огреть ее поленом? – пробасил Сергей. – А то ведь уйдет сейчас безнаказанной!

Несколько секунд Женька не сводила с него блестящих глаз. А затем внезапным стремительным движением швырнула чашку в Илюшина.

Яна не успела даже вскрикнуть. Кофе выплеснулся на пол, а увесистая чашка прилетела бы прямо в лоб Макару, если бы Бабкин с какой-то ленивой грацией не выставил перед ним ладонь. Чашка ударилась о нее, отскочила, протанцевала по столу, свалилась с края и раскололась пополам.

– Это ты зря, – миролюбиво сказал Бабкин, адресуясь Жене, и одним неуловимым движением оказался посреди кухни.

Женька взвизгнула и кинулась прочь. Под аккомпанемент дробного топота громыхнула входная дверь, стаккато шагов в саду прозвучало – и оборвалось с оглушительным хлопком калитки.

– Странная она какая-то, – покачал головой Бабкин.

И присев на корочки, стал вытирать кофейную лужу бумажным полотенцем.

Глава 15

1

– Может, зря мы ее отпустили? – сказал Сергей. – У нее вырисовывается отличный мотив для убийства. Если мальчишка узнал о том, что она обокрала старуху...

– Не отпустить мы ее не могли, – возразил Макар. – А что касается старухи, то у меня есть для тебя новая информация к размышлению. Смотри сюда.

Он положил перед Сергеем архивное дело, открытое на странице с отпечатками пальцев.

– Помню я их, – кивнул Бабкин. – Это те самые, неопознанные, из дома Изольды. Тогда следователь не нашел, кому они принадлежат.

– Потому что плохо искал, – сказал Илюшин.

И сунул напарнику под нос свой планшет.

– Я снял отпечатки у троих: Вениамина Варнавина, Людмилы Кошелевой и Татьяны Тишко. Узнаешь папиллярный узор?

Бабкин увеличил фотографию на экране, перевел взгляд на старые отпечатки и потрясенно свистнул.

– Вот и я так сказал, – согласился Макар. – Дверные ручки, полки, выключатели... Наша милая Люда везде наследила.

– Кошелева! Что она делала в доме Изольды?

– Отличный вопрос. Старуха не пускала посторонних.

– И ты рассказывал, что Людмила испугалась, когда ты заговорил об убийстве Дарницкой!

– Не просто испугалась, а оборвала беседу и буквально сбежала. Мы с тобой слишком увлеклись погоней за Варнавиным. Но если он все время находился на виду, у Прохора мог быть другой сообщник...

– ...а Людмиле старикан симпатизировал больше остальных, – закончил Сергей.

До спального района на окраине Москвы они доехали, когда часы показывали почти полдень. По непонятной для себя причине Сергей не сказал ни Яне, ни Макару о том, что Вероника что-то разыскивает в ее доме, и всю дорогу упрекал себя. «Вернусь в Литвиновку – разберемся», – наконец пообещал он и на этом успокоился.

Перед подъездом дворник ожесточенно махал метлой, а возвышавшийся над ним клен словно в насмешку все сыпал и сыпал листьями.

– Не пустит она нас, – сказал Сергей, задирая голову и пытаясь угадать, какое из окон принадлежит Кошелевой.

– Пустит, – успокоил Макар. – Иначе ее страх замучает. «Зачем приезжали? Чего хотели? А вдруг все обошлось бы, а я дверь не открыла!»

– Да брось!

– Сейчас сам убедишься.

Илюшин набрал на домофоне номер квартиры, и когда измененный до неузнаваемости голос Людмилы ответил: «Слушаю вас», вежливо сказал:

– Здравствуйте, Люда. Это Макар Илюшин, частный детектив. Мы с вами беседовали на днях.

Молчание.

– Тут появились новые сведения, – продолжал Илюшин. – Очень хотелось бы с вами их обсудить.

– Прямо сейчас? – испуганно спросили из домофона.

– Я к вам из Литвиновки ехал, торопился.

«Что ты несешь?» – одними губами спросил Бабкин. Но дверь уже приглашающе пискнула, и Макар, торжествующе глянув на друга, зашел в подъезд.

В квартире Людмилы Кошелевой сначала хотелось очень широко раскрыть глаза, а затем очень крепко зажмуриться. Именно так Бабкин украдкой и поступил – зажмурил веки. Но на окружающую его обстановку было наложено какое-то хитрое заклятие. Она отпечатывалась на сетчатке – вся, детально, вместе с каждым розовым бантиком и голубой финтифлюшкой. Сергей подумал, что если бы ему довелось жить в такой квартире, он через неделю либо сделал бы харакири, либо прирезал кого-нибудь. Но тут его взгляд упал на предмет, от которого ему слегка полегчало.

Предмет отчаянно диссонировал с плюшево-ангельским интерьером. Это были мужские ботинки сорокового размера, элегантные, но до шнурков заляпанные грязью.

Сергей толкнул Макара под локоть и указал на ботинки. В ответ тот кивнул на вешалку. Там висела мужская куртка, которая никак не могла принадлежать хозяйке.

– Зачем вы пришли? Какие сведения?

Людмила была похожа на большого испуганного пупса. Сергей оглядел гостиную, но кроме женщины здесь больше никого не было. На

всякий случай он сел не в кресло, а на стул, чтобы держать в поле зрения прикрытую дверь в спальню.

– В двухтысячном году после смерти Изольды Дарницкой в ее доме нашли отпечатки пальцев, – сказал Илюшин. – Тогда не смогли установить, кому они принадлежали. Говоря начистоту, не слишком старались. Но сейчас мы это сделали. Вы догадываетесь, о чем я хочу сказать, Люда?

– Нет, – пролепетала женщина.

– Это ваши отпечатки. Везде, по всему дому. На прошлой нашей встрече вы сказали, что никогда не приходили к Дарницкой. Но это неправда.

– Не приходила!

– Приходили, – мягко возразил Макар. – Честное слово, нет смысла отрицать очевидное.

– И что же я там, по-вашему, делала?

Людмила подбоченилась и стала похожа на рыночную продавщицу огурцов, готовую плеснуть в морду наглому покупателю рассолом.

– Предполагаю, что вы убивали Изольду, – чрезвычайно вежливо ответил Макар. – По наущению вашего дяди, Прохора Савельева, и, надо думать, с его помощью.

Несколько секунд она смотрела на него, не меняясь в лице, а затем обмякла. Казалось, лицо ее под воздействием внезапно усилившегося земного притяжения сползает вниз – и щеки, и веки, и кожа на скулах. Бабкин даже привстал. Ему показалось, что она сейчас умрет на их глазах.

– Макар... – предупреждающе начал он.

– Чтобы я... Изольду... – прохрипела женщина. – Господи, спаси и помилуй, что ж вы такое говорите-то! Ангелы небесные, святая Дева Мария и угодники пречистые... Да никогда бы я ее! На руках бы носила, ноги бы мыла, воду бы пила!

Она понесла совсем уж бессвязную ахиною. Но помирать вроде бы не думала, и Бабкин, пристально следивший за ней, облегченно откинулся на спинку стула.

Дверь из спальни приоткрылась. Сергей вскочил. По правде говоря, испугавшись за Людмилу, он почти забыл о неизвестном госте.

Однако первый же взгляд подсказал, что гость ему как раз хорошо знаком.

– Вы? – изумился Бабкин.

Давид Дарницкий подошел к Людмиле, хватавшей воздух ртом, и обнял ее за плечи. Они были почти одного роста, хрупкий Давид и тяжеловесная Люда.

– Вы кто? – спросил Макар.

– Это сын Изольды, – пробурчал Бабкин, поняв, что драки не будет.

– Присядь, милая! – Мужчина заботливо подвел Люду к дивану.

Глядя, как он укрывает ей ноги пледом, Сергей вспомнил Софью Аркадьевну и ее командный голос.

– Да, я сын Изольды Андреевны Дарницкой. – Он обернулся к Макару. – И должен вам сказать, что вы ошибаетесь. Во всем. Ваши предположения не просто несправедливы – они жестоки.

Илюшин еще не видел Давида и теперь с интересом разглядывал его.

– Людмила ваша любовница?

– Моя любимая, – поправил Давид. – Много лет. И тогда – тоже.

Она приходила к нему украдкой, пробираясь узкими тропинками среди крапивы и лопухов. Тихонько открывала заднюю дверь. У них было почти целых два часа счастья три раза в неделю – когда Давид приезжал к матери, а старуха покидала дом ради утреннего променада. Два часа! Итого – шесть, как подсказывает школьная арифметика. С шестью часами Давид чувствовал себя богачом. У многих не набирается и одного.

Люда, нежная Люда, ласковая и беспомощная, как роза без шипов. Она никогда не кричала, не повышала на него голос. В ее восхищении им не было оттенка жадности. Любовь к ней не требовала от него служения. Мать Давида сидела на троне, возвышаясь над ним; жена Давида распростерлась под его ногами, готовая быть его рабыней; но и власть одной, и подобострастность другой служили одной цели – управлять Давидом.

Люда никем управлять не желала и, кажется, даже не умела. Для нее все было просто. Вот Давид и его прекрасное тело. Вот она сама, тоже в меру хорошенькая. Им приятно и весело вместе! Так почему бы не прибегать тайком к старухе, не валяться на ее роскошных покрывалах, не хихикать, словно дети, перехитрившие злую колдунью!

Для Давида их отношения были глотком свободы. Для Люды – удовольствием.

Он быстро понял, сколько радости приносят ей деньги, и начал баловать свою подругу. Постепенно сложилось так: мать давала деньги Давиду, Давид часть приносил Люде. После смерти Изольды схема сохранилась. Давид зарабатывал уроками музыки. Он любил свою профессию и любил детей. Но оплаты за его репетиторство едва хватило бы ему одному.

А вот Соня – о, Соня умела зарабатывать. На счастье Давида, она не вела учета. Деньги складывались в буквальном смысле на полочку, откуда

он привык забирать каждую неделю то, что полагал своей семейной долей.

В каком-то смысле так оно и было. Просто это была его семья, не Сониная.

– Так вы встречаетесь уже пятнадцать лет? – спросил Сергей. Он посмотрел на Давида уважительно. Пятнадцать лет скрывать от Софьи Аркадьевны свою любовницу!

– Семнадцать, – поправил Давид.

В его взгляде, брошенном на Людмилу, сквозила искренняя любовь. Он видел не пятидесятилетнюю молодящуюся тетку, а розовую красавицу в золотых кудряшках, прелестную, как пастушка на блюде.

– Но только нам нельзя, чтобы Соня узнала, – с пастушеской же прямоотой сказала Люда.

– Дети! – объяснил Давид.

– Деньги! – с той же заботливой интонацией добавила Люда.

Сергей не знал, восхищаться ее бесстыдством или осуждать его. Много лет она кормилась и существовала за счет жены своего любовника и признавалась в этом без малейшего стеснения.

«Хотя и Давид этот тоже красавчик, конечно. Нет бы сам зарабатывал. А то у жены берет!»

Давид, очевидно, почувствовал перемену в его отношении.

– Вы не расскажете Соне? – боязливо спросил он. – Прошу вас, не делайте этого. Ни я, ни Люда не имеем никакого отношения к гибели моей матери.

– Где вы были в день ее смерти?

– Гуляли с женой в парке, – не задумываясь, ответил Давид.

– А вы?

Людмила растерялась.

– Я, кажется, дома была. Ну да, точно! С Раисой! Мы с ней весь день готовили.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Танька может. Она к нам на кухню то и дело заглядывала. Совестью ей, видно, было, что она с отчетами своими финансовыми сидит, пока мы на всю честную ораву готовим. Да все меня видели! – подумав, добавила она. – И девчонки мои, и Варнавины оба. Я бы никогда руку на Изольду не подняла. Она же мама его!

Людмила, не стесняясь, притянула к себе Давида и звонко чмокнула его в макушку.

– Не понимаю, – сказал Сергей, когда они вышли из подъезда, – что он нашел в этой бабе? Глуповатая, ленивая, черствая, да еще и стяжательница. Ты чего молчишь?

– Все так, – после паузы сказал Макар. – Глуповатая, ленивая, довольно бездушная. Но при всем том она светится.

– В каком смысле?

– А ты не заметил?

Сергей сначала хотел с насмешкой отвергнуть предположение, будто он чего-то там заметил, но в следующую секунду вдруг без всяких пояснений понял, о чем говорит Илюшин. От этой простоватой женщины, обустроившей квартиру, воплощавшую в себе победу макраме над здравым смыслом, и в самом деле исходили тепло и свет. Тихий, неясный – но он существовал, и в его лучах всю жизнь грелся Давид Дарницкий.

Едва Бабкин это осознал, как тут же захотел поспорить с Илюшиным просто из духа противоречия. Но не успел: в кармане зазвонил телефон.

– Слушаю?

– Уважаемый, вы, по слухам, жаждали со мной встретиться, – сказал, растягивая слова, незнакомый ему начальственный голос.

Бабкин хотел поинтересоваться, с кем имеет дело, но тут с ним вновь случилось короткое озарение. «Уважаемый», «жаждали встретиться»... Эта вычурная речь могла принадлежать только человеку, имевшему отношение к литературе.

– Виктор Иванович! – обрадованно воскликнул он. – Наконец-то! А я как раз в Москве. Можно к вам подъехать?

– Подъезжайте, – разрешил голос. – Еще полчаса я буду на месте.

Бабкин торжественно обернулся к Макару.

– Издатель прорезался!

– Квадрин?

– Он самый. Полчаса обещает нас подождать.

– Не успеем, – оценив расстояние до издательства, сказал Макар.

– Успеем! – пообещал Бабкин. – Я хочу услышать от него подтверждение нашей теории и закончить с этим делом раз и навсегда. Так что мы успеем. У нас просто выбора нет!

Последний шаг – и они смогут рассказать Яне Тишко, что в действительности случилось в июне двухтысячного года.

Писатель Прохор Савельев, оставшийся без денег, подбирает в Туле Геннадия Козицкого. Был ли парень и впрямь талантлив? Или Прохор подцепил его на крючок славы, подсек эту мелкую честолюбивую рыбешку, возомнившую себя барракудой, и выдернул на берег, чтобы использовать

для своих целей? Одно другого не исключает, сказал Макар и был прав.

Козицкий отключил сигнализацию, Прохор забрал драгоценности. Однако он не учел, что в этот день старуха осталась дома. Она обнаружила воров, бежала от них и умерла на глазах у Яны Тишко.

Девочки в качестве свидетелей его преступления Прохора не пугали. Но Паша, тот самый Паша, которого Прохор так явно выделял из прочих внуков, увидел его и дал деду понять, что все знает.

К этому времени Савельев уже избавился от своего глупого соучастника. Одуревший Козицкий кинулся пристраивать украшения Изольды через комиссионки, и близок был момент, когда его взяли бы оперативники. Не погибни Козицкий сам, Прохор толкнул бы его под поезд.

И вдруг новая опасность. Шантажировал ли Пашка деда? Намекнул ли, что Женька и Тишка больше ему не конкуренты в гонке за наследством Тульского Зодчего? Парень верно оценивал взрослых. Он был проницателен и хитер. Но тут допустил ошибку. Если дед и не обдумывал способов избавиться от внука, он воспользовался ситуацией, которую подбросила ему жизнь. Тишка, очнувшись после обморока, стала убийцей собственного троюродного брата, а Прохор – страдальцем, потерявшим любимого внука.

Бабкин предположил, что последующие годы Савельев распродал украшения и жил на эти деньги. На десять-пятнадцать лет скромной жизни ему бы хватило.

О том, что произошло в Литвиновке в июне двухтысячного года, никто бы не узнал, если бы не Раиса. Она догадалась, что убийца – ее муж. Или Прохор покаялся перед смертью. Как бы там ни было, Раису мучила мысль, что девочка живет, считая себя преступницей, и она оставила дом ей – вместе с почти прямым указанием на то, что случилось когда-то. Прочитать ее послание было под силу только Яне.

В эту картину не вписывалось лишь появление Вениамина возле дома Козицкого. Дворжик четко указал на его фотографию. Но и тут Илюшин с Бабкиным, подумав, нашли объяснение. У Варнавиных не было машины, а Тулу и Литвиновку разделяло почти восемьдесят километров. Поговорив с Леликом, Вероникой и Яной, Макар убедился, что они не помнят ни одного дня, когда Вениамин отсутствовал бы дома. Это еще можно было списать на детскую забывчивость. В конце концов, у всех ребят имелись куда более важные дела, чем следить за перемещениями Пашкиного отца.

Но Илюшин пошел дальше. Он позвонил Татьяне Тишко, и та подтвердила: да, Вениамин все время маячил на виду, как и его жена. Оба

не покидали Литвиновку дольше, чем на пару часов, чтобы искупаться в реке или прогуляться по лесу.

Это означало, что Дворжик попросту ошибся.

Ни Вениамин, ни Людмила Прохору не были нужны. Он действовал один.

Бабкин и Макар ехали к издателю Квадрину, чтобы положить последний камешек в основание постройки.

2

Вероника торопилась. Бессистемно открывала коробки и снова закрывала их, хваталась за новые, уже понимая, что ничего не найдет – ее вот-вот выгонят отсюда, как Женьку.

Выдав сестру, она купила себе несколько часов поиска. Никакого сочувствия к Женьке Вероника не испытывала. Она вовсе не считала, что нельзя бить людей поленом по голове. Но ей претила грубость Женькиной игры. Это было попросту вульгарно.

В конце концов, руководствуясь неясным чувством, она вернулась в лабораторию Прохора. Если бы Яна поднялась сюда, Веронике дали бы десять минут на сборы. В комнате царил хаос, и хаос этот был порождением рук Вероники. Она вывернула на пол все ящики, опустошила шкафы. Книги валялись вперемешку с одеждой деда. Все, что Раиса сберегла после смерти мужа, Вероника превратила в свалку.

Она подошла к окну, убедилась, что Яна собирает яблоки. Было что-то утешительное в маленькой фигурке, бродившей по саду.

«Где ты спрятал фотографии, сволочь?» – в тоске спросила Вероника покойного Прохора.

Прохор ухмылялся в клочковатую бороду. Даже разрушенная, его комната хранила отпечаток личности хозяина. Вероника слышала деда, ощущала его. Он незримо присутствовал рядом – и потому она не могла найти то, что искала.

Он всегда был сильнее ее. Сильнее их всех.

В том июне, пятнадцать лет назад, Вероника обнаружила, что она способна управлять поведением других людей. Открытие поразило ее. Эти сложные, загадочные существа каким-то образом подпадали под ее влияние. Дернешь за одну ниточку – они идут налево. Дернешь за другую – послушно двигаются направо.

Но тут явился Прохор. И оказалось, что она для него точно такая же

фигурка, танцующая под легкие движения его рук.

«Я видел, чем ты занималась, – сказал дед, ухмыляясь. – Все расскажу матери. Если только...»

«Если только что?» – спросила Вероника, и в эту секунду ниточки протянулись к ее запястьям и лодыжкам и затянулись в узлы.

Мать была единственным человеком, которого она боялась огорчить. В своих проделках девочка не видела ничего дурного. Но при мысли о том, что Прохор скажет матери, внутри все холодело.

Если мама узнает, она разлюбит Веронику.

О том, что материнская любовь не безусловна, сколько бы ни писали в книгах об обратном, Вероника додумалась в десять лет, когда поняла, что мать любит ее и не любит Женьку. Они сестры, они обе дети своей матери. Но Веронике мать улыбается, расчесывает ей волосы, обнимает и поет на ночь колыбельные. С Вероникой она нежна и добра. Женьке не достается от нее доброго слова. А после того как Женька демонстративно обстригла волосы, они орали друг на друга, били посуду, и мать ударила Женьку по щеке, а та ткнула ее кулаком в живот, и они подрались бы, если бы Вероника не подняла дикий визг.

Вероника наблюдала за обеими и сделала вывод: все-таки любовь зависит от того, как ты себя ведешь. Пока она оправдывает ожидания, мама любит ее. Но если она отрежет волосы, или будет говорить с людьми нагло, как Женька, или всем станет известно, что она целуется напропалую с кем попало, – тогда мать и к ней охладает. Может быть, она родит себе еще одну девочку, трогательную малышку. И тогда для Вероники совсем не останется места в ее душе.

Поняв это, Вероника испугалась. В отличие от Женьки, она не рассматривала мать как человеческий механизм, обеспечивающий ей минимальный жизненный комфорт. Мама – большая, нелепая, безалаберная, не слишком умная – была центром мира, из которого исходило сияние и тепло. Вероника догадывалась, что можно жить и без этого сияния. Но будет холодно, и станешь постоянно искать, возле кого согреться.

Прохор ее пальцем не тронул. Он лишь командовал, куда лечь, как повернуться, и Вероника послушно принимала нужные позы. Разводила ноги, оттопыривала попу. Было легко, хоть и противно, но когда один раз он сказал «а теперь улыбнись», она едва не ушла. В этом требовании было куда больше насилия, чем в том, что он делал с ее телом.

Прохор распорядился ею. Научил ее пробираться в лабораторию через чердак. Придумал знак, понятный лишь им двоим, которым сообщал за

обедом, что сегодня ждет ее на новую съемку. Тратил ее время как хотел – однажды Вероника провела в его комнате четыре часа, потому что он не мог выставить правильный свет. Он давал ей есть и пить, но не потому, что заботился о ней, а потому что без еды и воды его модель могла бы испортиться.

В то лето Вероника усвоила два урока: урок власти и урок подчинения.

Подчинение ее почти раздавило. Но только почти.

Она возненавидела деда с силой, которой сама в себе не предполагала. Это чувство было как будто чужое, навязанное кем-то другим. Вероника в полной мере оценила точность выражения «захлестнуло волной гнева». Ее захлестывало – снаружи, так что ненависть едва не сшибала с ног, и в такие секунды она начинала сама себя бояться.

Единственным, кто в те дни приносил радость в ее жизнь, был Лелик. Вряд ли он об этом догадывался. Лелик иногда смотрел на нее так, словно хотел что-то сказать. Но никогда не говорил, и за это Вероника была ему благодарна. Все остальные вываливали на нее свои мысли без раздумий. А Лелик был тихий, внимательный, заботливый. И молчаливый. Иногда она обнаруживала на подоконнике яблоко или цветок и знала, что это для нее. Как будто кто-то дружелюбно помахал ей рукой с дальнего берега реки.

Но когда она забывала про Лелика, ярость возвращалась.

Девочке казалось, что сильнее чувствовать уже нельзя. Этот маятник качнулся до упора. Дальше возможен лишь обратный ход.

А затем появился Пашка.

2000 год

Кепку он где-то потерял, и без нее выглядел незавершенным. Головной убор его облагораживал. А теперь стало видно, что нос у Пашки приплюснут, глаза слишком глубоко посажены. В безжалостном дневном свете он казался почти уродливым. «На его месте я бы даже спала в кепке», – подумала Вероника.

Пашка преградил ей дорогу.

– Слышь, сонная! Тихо, не мельтеши.

Вероника удивилась. Пашка прежде почти не замечал ее.

– Я домой иду...

– Не идешь, – отрезал он. – Надо кое-что сделать.

Вероника едва заметно улыбнулась. Мягко, как кошка, обошла его и двинулась к крыльцу.

– Совсем дура? – вслед ей спросил Пашка.

Вероника не ответила.

– Подмахиваешь Прохору, а? Когда он шпилит тебя вместо полдника?

Девочка отреагировала на имя деда, и лишь некоторое время спустя до нее дошел чудовищный смысл всей его фразы. Она встала как вкопанная.

– Вот так-то лучше, – ухмыльнулся Пашка и снова оказался перед ней. – Короче, слушай. Если не хочешь, чтобы о ваших забавах узнали все, сделаешь для меня кое-что. Не бойсь, ничего такого!

Он двусмысленно ухмыльнулся.

Вероника не успевала не только думать, но даже чувствовать. Все происходило слишком быстро! Она понимала только, что Пашка каким-то образом узнал о происходящем у Прохора, и эта мысль блокировала все остальные.

Господи, она должна была прислушаться к Женьке! Сестра предупреждала, что Пашка – гнусная крыса. Что он шпионит за всеми! Что он умеет прятаться, что в искусстве слежки ему нет равных, и никто не может укрыться от него, кроме разве что Тишки, скачущей по окрестным лесам, как коза.

– Что ты хочешь? – медленно спросила Вероника.

Пашка оценивающе посмотрел на нее.

– А ты ничего, не зассала. Стойкая, значит. Молодец!

Лицо девочки не выражало никаких эмоций, и Пашка ошибочно решил, что она чувствует себя в безопасности. Его это озадачило. Вот малолетняя шлюха! Даже не стыдится! Но пока она подчинялась, и нужно было этим пользоваться.

– Короче, сделаешь вот что...

Вероника слушала план, который излагал Пашка, и понимала все меньше и меньше. Дождаться за деревом, пока он поговорит с Тишкой, и тайком следовать за ней... «Иди куда она приведет, – учил Пашка. – Она прибежит к своему гнезду. Не попадайся ей на глаза, поняла? Иначе все испортишь! Когда она уйдет, залезешь на дерево, снимешь с веревки игрушку. И быстро беги обратно! Все ясно?»

Веронике ничего не было ясно. Тишку до сих пор никому не удавалось выследить. С чего он взял, что ей это удастся? И что за игрушка? И какое еще гнездо?

Пашка ничего объяснять не стал.

– Стормозишь где-нибудь, и завтра будешь висеть на доске почета рядом с дедулей. Поняла? А теперь иди к качелям и спрячься за деревом.

Вероника подчинилась. Она слышала его разговор с Тишкой, из которого не поняла почти ничего. Затем побежала за девочкой, следуя на

небольшом отдалении, и дождавшись, пока Яна уйдет от обугленной липы, вскарабкалась в развилку и сняла Леликову мышь, свисавшую с верхней ветки. Но Пашкин замысел по-прежнему оставался от нее скрыт. «Ну почему, почему у меня не Женькины мозги?» Сестра быстро разобралась бы в происходящем.

Убрав мышь, Вероника бросилась со всех ног обратно к поселку, как и приказал Пашка. Но на подходе к дому замедлила шаг и внезапно свернула к гаражу. Она действовала почти неосознанно. Если бы ее спросили, вряд ли она смогла бы вспомнить, что несколько раз видела Пашку возле гаража, но никогда не встречала здесь никого из взрослых. Дед хранил инструменты в сарае. В гараже стояла какая-то машина, кажется, «Хонда», и была она на ходу, но ни Прохор, ни Раиса не любили водить и предпочитали вызывать такси.

Вероника откинула перекладину, потянула ржавую дверцу и не удивилась, когда та с трудом, но приоткрылась.

Внутри было темно. Девочка не стала искать, где включается свет, а просто постояла, зажмурившись. Когда она открыла глаза, очертания всех предметов были ей видны. Она пошла на шорох и обнаружила в дальнем углу клетку, в которой сидел котенок.

– Привет, – тихо сказала Вероника. – Пойдешь ко мне?

Зверек сначала забился в угол клетки, но Вероника опустилась на пол, открыла дверцу и молча сидела, протянув руку, ожидая, когда маленькая черная тень выскользнет наружу. Тогда она перехватила упитанное тельце и удерживала, почесывая котенка за ушами, пока он не перестал вырываться и не завел внутри маленький урчащий моторчик.

Вероника понимала, что его нельзя здесь оставлять. Пашка задумал какую-то мерзость.

Она зачем-то сунула в клетку Леликову мышь и вышла, раздумывая, что делать с котенком. Из сада донеслись пронзительные крики. Девочка пошла на звук и оказалась на краю поляны как раз тогда, когда Юрий схватил озверевшую Тишку, чтобы та не убила сына Варнавиных.

– Ой, – сказала Вероника с искренним недоумением. – Здесь снова кто-то подрался?

И лишь увидев страшно изменившееся Тишкино лицо, когда та заметила котенка на ее руках, вдруг поняла, во что Пашка ее втянул.

Границы ненависти? У ненависти не бывает границ. Девочку снова захлестнула волна бешенства. Вероника барахталась где-то в глубине этой волны, и ярость несла ее, и ярости было так много, что хватило бы на десять таких как она.

Пашка знал, к чему принуждал ее Прохор. Он угрожал рассказать об этом семье и воспользовался Вероникой, чтобы довести Тишку до срыва. Теперь малышку все ненавидят. А виноваты в этом двое – Пашка и она, Вероника.

Но самое главное – фотографии. Вероника ни на секунду не могла чувствовать себя спокойной, зная, что Пашке известна ее тайна. Он выдаст ее матери просто так, ради удовольствия от подстроенной гадости.

Надо что-то делать... Надо что-то делать...

Мысль эта билась в голове Вероники синхронно с ударами сердца. Кажется, она на время повредилась в уме. Состояние ее было так мучительно и невыносимо, что она как сомнамбула поднялась к деду и во всем ему призналась.

Прохор внимательно выслушал. Заставил повторить. Если рассказ Вероники и вызвал у него гнев, Прохор ничем этого не выдал. Даже улыбнулся удовлетворенно, словно Пашка оправдал его невысказанные ожидания, и велел ей идти к себе и больше не придавать этому значения.

Но Веронике такое было не под силу. Детская вера в могущество деда была в ней глубоко укоренена, и когда она обнаружила, что Прохор остался бесстрастным и ничего не собирается предпринимать, эта вера рухнула. Теперь можно было рассчитывать только на себя.

«Пашка расскажет... он всем расскажет!» Вероника уже не разбирала, что нашептывают ее внутренние голоса, а что говорит сидящая рядом Женька. Она что-то ответила невпопад и поймала на себе изумленный взгляд сестры. Нет, кажется, Женька все-таки молчала...

«Сделай что-нибудь. Сделай!»

На секунду Вероника представила себя утопившейся в реке, и эта мысль принесла короткое облегчение.

А потом вдруг все закончилось. Пашки не стало. Он исчез, и с ним растаяли навязчивые мысли и терзавший ее страх. Девочка успокоилась и выкинула все случившееся из головы.

2015 год

Прохор умер не до конца – сейчас это стало совершенно ясно. И это было еще хуже, чем если бы он был жив. С живым Прохором можно было бы договориться.

Теперь он был не просто человеком – он стал комнатой-лабораторией, самым этим домом, где пятнадцать лет назад мучил ее.

Вероника снова была в его власти. Дед и сейчас управлял ею, как тем

летом.

Она поднесла ко рту руку и с силой сжала зубы на коже.

Боль не помогла. Вероника по-прежнему ощущала себя в ловушке.

Кто-нибудь рано или поздно доберется до снимков. Так всегда случается. Фотографии окажутся в интернете и их увидят все: Женька, мама, ее бывший муж, ее нынешний начальник... Тогда все рухнет.

«Сжечь дом, – подумала Вероника. – Вывести Яну и Лелика. Спалить все дотла».

Нет, так не годится.

Ей казалось, что из-за каждого угла на нее смотрит дед и хохочет. «Что, маленькая распутная сучка, не получилось у тебя отыскать снимки? Я хорошо их спрятал, детка моя! Кто-нибудь непременно на них наткнется – но не ты».

Вероника напоследок обвела взглядом разоренную комнату. Повернулась, собираясь уходить. Прохор победил.

Однако возле двери она замедлила шаг. Он здесь, да... Та его часть, которую сохранила ее память.

Вероника обернулась.

«Если ты тут, я вытяну из тебя, куда ты спрятал фотографии».

Впервые она ощутила, что от ее врага может быть польза. Вероника другими глазами оглядела комнату. Нет, здесь она все перерыла...

Взгляд ее упал на лестницу, замаскированную под книжные полки. Ступеньки вели на чердак. Она спускалась по ним почти каждый день, а затем поднималась, с трудом придерживая тяжелый люк.

Люк?

Вероника, не раздумывая, смахнула с полок беспорядочно наваленные альбомы и полезла наверх. Когда она толкнула дверцу, на нее опустилось облако серой пыли. Пахнуло затхлостью чердака. Вероника подождала, пока глаза привыкнут к полумраку, и сразу же увидела то, что искала – непрозрачный полиэтиленовый пакет вроде тех, в которых отправляют бандероли. Он лежал на полу возле люка. Прохор поднимался, доставал снимки, разглядывал, а потом возвращал на место. Сюда никогда никто не заходил, и его сокровище было в безопасности.

Вероника сжала в руке пакет и принялась спускаться.

Фотографии, черно-белые и цветные, она вывалила прямо на пол. Прохор показывал ей всего пару-тройку. Сейчас Вероника перебрала их, с недоумением рассматривая обнаженную девочку с одинаковым выражением лица на всех портретах. Неужели это она?

На обратной стороне рукой Прохора были подписаны даты. *15 июня,*

2000. 17 июня, 2000. 18 июня, 2000.

Вероника зачем-то взяла ручку, зачеркнула каждый день, каждый июнь, каждый двухтысячный год, вымарала их навсегда из своей жизни. И лишь потом сняла со стены жестяной поднос с жостовской росписью и чиркнула зажигалкой.

Один за другим снимки обугливались, сворачивались, как стремительно высыхающие осенние листья. Где-то неподалеку корчился дед, как будто пламя поджаривало и его. «Не смей! Это искусство! Любительская эротика!»

Так он говорил и пятнадцать лет назад.

Вероника не спорила. Молча подбрасывала фотографии в огонь, пока не осталась последняя карточка.

За ее спиной кашлянули.

Лелик стоял в дверях, переступая с ноги на ногу.

– Ты забыла о пленках.

– Что?

– Пленки, – повторил Лелик. – Ты сожгла фотографии. А пленки остались.

Вероника не успела до конца осознать весь ужас сказанного. Он протянул ей ладонь, на которой лежало несколько маленьких черных контейнеров.

– Я нашел это в кармане его пиджака. Все остальные пленки хранятся вместе, в ящике. Думаю, это то, что ты ищешь.

Вероника осторожно взяла контейнеры. Вытянула пленку из одного, второго, проглядела на свет.

– Ты все время знал?

– Знал, да. Но не понимал, что с этим делать. Боялся, что если скажу взрослым, тебе придется плохо. До сих пор не могу себе простить.

– Пашка тоже знал, – задумчиво сказала Вероника. – В отличие от тебя, он это использовал.

Лелик помолчал.

– Ты его убила? – спросил он.

Вероника пожала плечами. Ее жест можно было трактовать как «ты говоришь глупости» или «какая разница, я или кто-то другой».

– Почему ты никому не сказала, что ищешь снимки? – спросил Лелик. – Мы бы тебе помогли.

Она озадаченно посмотрела на него. В ней с детства сидело убеждение, что тайна, которую знают больше двух человек, – не тайна вовсе. Вероника попыталась объяснить.

– Была одна девушка, – сказала она. – Учительница начальной школы. В интернет попали ее фотографии с пирсингом в носу. Поднялся шум. Стали говорить, что она недостойна звания учительницы, что она подает дурной пример детям. Ее уволили.

Вероника ощутила, что ей не хватает переводчика. «Это могла бы быть история обо мне, – сказала бы она, если бы умела выражать мысли как-то иначе. – Все грязное и тайное рано или поздно выбирается наружу и расплзается плесенью. Я вижу себя в этой бедной учительнице. Мои детские снимки окажутся в Сети, дойдут до моего начальника, до всех, от кого зависит моя жизнь. Я останусь без работы, как эта глупая девочка с пирсингом. Кто станет слушать мои оправдания?»

– Ты хочешь сказать, твой шеф слишком консервативен? – спросил Лелик. – И не станет держать в своем подчинении женщину, которая в тринадцать лет позировала для эротических фотографий?

Кажется, он все-таки понимал больше, чем остальные. Прежде Веронике не удавалось с такой легкостью донести, что она имеет в виду.

– Ты пытаешься предсказывать поступки людей, исходя из худшего, – сказал Лелик. – И почему-то уверена, что мы с Яной непременно опубликовали бы снимки, если бы нашли их. Еще твой босс уволил бы тебя, а твоя мать перестала бы с тобой разговаривать. Но ты примеряешь на нас чужие роли. Довольно противные, кстати. Не могу ручаться за твоего шефа. Но ни я, ни Янка даже не подумали бы о том, чтобы показать эти фотографии кому-то еще.

– Откуда ты знаешь? – вырвалось у нее.

«Я тоже думала, что знаю своего мужа. Но когда он шепчет в трубку, что я шлюха, я понимаю, что надо было не очаровываться им, а исходить из худшего. Всегда надо исходить из худшего!»

Лелик улыбнулся.

– Я же вернул тебе пленки.

Он вышел, а Вероника осталась, сжимая в кулаках гладкие контейнеры. Потом взяла ножницы и изрезала пленки на мелкие кусочки так тщательно, словно крошила овощи в салат.

Из головы не выходили слова Лелика.

Каждый раз, когда он появлялся рядом, Веронику охватывало чувство благодарности. Мальчик, оставляющий на подоконнике яблоко; мужчина, раздобывший для нее пленки... В детстве она догадывалась, что он следит за ней, но почему-то это ее не сердило. Она даже включила для него свет в гараже, куда прибежала, чтобы вытащить из клетки его игрушечную мышь. Лелик плохо видел в темноте. Вероника позаботилась, чтобы ему было

удобно.

Она вдруг подумала, что он никогда не назвал бы ее шлюхой, даже если бы она ушла от него.

Вероника достала телефон.

То, что она сделала затем, потребовало от нее большого мужества – может быть, самого большого за всю ее жизнь.

– Мама, это я, – сказала она, набрав номер. – Мне нужно тебе кое-что рассказать. Тем летом, когда убили Пашку, я позировала для деда голой. Он заставил меня, потому что я целовалась с соседом. И сыном соседа. И другими мужчинами тоже. Пригрозил, что расскажет тебе, и я раздевалась в его комнате, а он меня фотографировал. Я очень боялась, что ты обо всем узнаешь.

Тишина. Тишина. Тишина. Людмила молча осмысливала ее слова. В это же время Вероника разрывалась от страха и горя, потому что она только что своими руками уничтожила иллюзию хорошей дочери, в которую верила ее мать, и стала грязной распутной девкой. Как и обещал Прохор.

– Бедная ты моя девочка, – с невыразимой жалостью сказала Людмила. – Почему же ты молчала! Приезжай скорее, детка.

4

В кабинете издателя Квадрин было свежо, если не сказать прохладно. По комнате хозяйственно гуляли сквозняки, из трех приоткрытых окон дуло чисто московским стылым воздухом, пропитанным автомобильными выхлопами. «Это чтобы посетители не задерживались», – подумал Сергей. Когда-то он читал о способе выпроводить засидевшихся гостей. Автор книги рекомендовал открыть форточки – якобы так визитеры подсознательно догадаются, что им больше не рады, и поспешат удалиться.

Если верить автору, Квадрин рассчитывал, что Бабкин с Илюшиным исчезнут прямо сейчас.

Издатель походил на бритого медвежонка, всю жизнь выступавшего в цирке в косоворотке и картузе. Он ходил вразвалочку, косился узкими хитрыми глазками, но Сергею казалось, что Виктор Иванович вот-вот опустится на четвереньки и проворно побежит, вскидывая пухлый зад. При этом говорил Квадрин властно, держался барственно и дал понять, что готов уделить напарникам целых две с половиной минуты.

– Прохор Савельев, – сказал Илюшин. – Это один из ваших авторов, прозаик.

– А, помню-помню! – Квадрин откинулся в кресле. – Выбрал себе какой-то удивительно глупый псевдоним. Что-то связанное со строительством, кажется.

– Тульский Зодчий.

– Верно! Так и что вы хотели?

– Мы расследуем одно дело, довольно старое, – сказал Макар. – В ходе расследования у нас возникло предположение, что Савельев завышал свои гонорары – я имею в виду, в разговорах с другими. Проверить это мы можем только с вашей помощью. Он издавался в основном у вас, поэтому его доходы, если они были, шли через ваше издательство.

– Если они были? – хохотнул Квадрин. – Что значит «если»! Савельев зарабатывал на мне так, как многим и не снилось!

Илюшин с Бабкиным переглянулись.

– Вы поймите меня правильно, я тоже не в обиде! – вскинул руки издатель, неверно истолковав их взгляды. – Савельев отлично раскупался.

– Да у него же не книги, а вареный картон! – не удержался Сергей.

Издатель посмотрел на него строго.

– Знаете, о вкусах не спорят. Допустим, мне тоже казалось, что в его текстах наблюдается некоторый избыток... э-э-э... ромашек и луговины. Но читатель покупает – значит, читатель хочет покупать!

Осчастливив Макара и Бабкина этой сентенцией, Квадрин лучезарно улыбнулся и похлопал себя по животу. Очевидно, воспоминания о тиражах Прохора Савельева привели его в благодушное настроение.

– Пик популярности его пришелся, конечно, на советскую эпоху. Но как ни странно, и в начале девяностых он отлично продавался. Я-то ожидал, что его, так сказать, скинут с парохода современности. Ан нет! Любили его, спрашивали в магазинах. У меня есть объяснение. Читатель или отдыхал от бандитов, ментов и оборотней в погонах, либо ностальгировал. Ну знаете, безвозвратно ушедшая эпоха, невинность, родное село, запах молока от колхозной буренки...

– Можно посмотреть договоры? – спросил Илюшин.

– Ну, это ведь история давняя! Савельев, как вы знаете, пару лет назад умер...

Илюшин молчал.

Квадрин посмотрел на него внимательнее и внезапно согласился:

– Ладно, глянем. В конце концов, дело несложное. Леночка! – сказал он в трубку. – Зайди на секунду. Или нет, лучше Кожевникову попроси зайти, это по ее части.

Двадцать минут спустя перед Макаром и Бабкиным на стол лег

распечатанный договор.

– Все остальные подписывались на тех же условиях, – сказала седовласая Кожевникова, строго взирая на Илюшина поверх очков. – Размер роялти немного плавал туда-сюда. Но принципиально на доходах Савельева это не отражалось.

– Инга Семеновна у нас двадцать пять лет работает, – с гордостью заметил издатель. – Память компьютерная! Всех помнит, каждую писательскую сволочь!..

Он спохватился, что чересчур увлекся.

Макар внимательно просмотрел условия и поднял глаза на помощницу Квадрина.

– И вы хотите сказать, Савельев получал эти гонорары?

– Нет, – уверенно ответила женщина. – Он получал значительно больше. Шесть его книг были экранизированы. Телевизионный фильм «Простая история» – слышали?

Илюшин покачал головой.

– Очень популярен был. О поселковом враче, который влюбляется в деревенскую девушку.

Бабкин догадался, что помощнице Квадрина нравился этот фильм.

– А еще какие? – Илюшин мрачнел с каждой секундой.

– «Ветер любви», «Поселок «Райские Кущи», «Электричка до моря», – не задумываясь, перечислила Кожевникова. – Это самые известные. Их повторяли через несколько лет. Названия, конечно, не савельевские, это киношники придумали. Но в основе сценариев его сюжеты.

– Вы не переживайте! – с самыми лучшими побуждениями добавил Квадрин. – Прохора Петровича у нас не обижали. Уж кто-то, а он не бедствовал. После кризиса девяносто восьмого хвастался мне, что оказался даже богаче, чем был – успел перевести рубли в доллары. К тому же человек он был скромный, вилл на Тенерифе не завел, в рулетку не проигрывался. Сидел себе как сыч под Тулой. И ему на безбедную жизнь хватало, и наследникам осталось. Эх, качественный был мужик, светлая ему память! Нынче таких не делают.

Глава 16

1

– Почему сразу тупик? – сказал Илюшин.

Однако по обескураженному лицу друга Сергей видел, что у Макара тоже есть ощущение выросшей перед ними стены.

Они продвигались так быстро, были так убеждены в истинности своих предположений. История пятнадцатилетней давности лежала перед ними свернутая, как ковер, и оставалось сделать лишь одно движение, чтобы он раскатился, открывая взгляду детальное полотно. Оба были уверены, что рисунок этого ковра им известен. Все фрагменты ложились один к другому, заполняя пространство гармоничным узором.

И вдруг выяснилось, что узор существует только в их воображении.

Ковер рассыпался на нитки.

– А если Прохор хотел создать записку на будущее? – мрачно спросил Бабкин. – Старуха вот-вот помрет, ее сын запрет украшения в сейфе, и Савельев решает опередить...

Он замолчал, потому что Илюшин скептически пожал плечами.

– Не в характере Савельева такая предусмотрительность. Грабить старуху с сомнительным напарником, чтобы обеспечить себе будущее, которое и так обеспечено? Нет, Серега. Прохор тут ни при чем. Мы с тобой ошиблись.

«Как ни при чем, – хотел сказать Бабкин, – когда чертов старик как будто стоит за каждым деревом. В любом рассказе слышишь имя Прохора, в каждой щели блестит его хитрый глаз».

– Тебя сбивает с толку, что Савельев был кем-то вроде божка этого дома, – ответил Макар на его невысказанные мысли. – Ему стало скучно, а такие люди способны развеивать скуку лишь с помощью игры в других человечков. Когда-то он наблюдал, как ссорятся между собой его дети и племянницы. Ему стало интересно, продолжат ли внуки эту традицию.

– Думаешь, он врал насчет выбора призового щенка?

– Нет, не похоже. Это был приз. В детей можно играть очень долго.

– Как будто он в собственных не наигрался!

– Конечно, нет. Один его бросил, второй сбежал. К тому же они его не устраивали. Некондиционные дети, понимаешь? А тут шанс все исправить. Переиграть заново, уже с годным внуком. Мне вот интересно, как Прохор

видел себе совместное будущее с тем, кого он выбрал...

Илюшин задумался.

– А мне интересно, кто убил Пашку Варнавина, – грубовато сказал Бабкин. – Макар, давай работать.

– Угу.

– Что – угу?

– Я думаю.

– Ты фантазируешь. – Бабкин встал и тряхнул Макара за плечи. – Давай, соберись! Нарисуй своих кракозябр, приглядись, почитай знаки на кофейной гуще... Ну, давай!

– Устал я, Серега, – сказал Макар, и Бабкин опешил. – Пора менять профессию.

Несколько секунд Сергей не сводил с него пристального взгляда, пытаясь понять, не издевается ли над ним Илюшин.

– Спятил, что ли?

Илюшин молчал.

– Макар, ты чего?

– Теряю хватку, – наконец нехотя сказал Илюшин. – Первая ступень по лестнице вниз.

– Какая еще ступень? Слушай, хорош бредить. Давай я тебе кофе сварю. Выпьешь и подумаем, что мы упустили.

Но на предложение выпить кофе Илюшин, кажется, первый раз за все время, что они были знакомы, ответил молчаливым отказом.

– И кофе не хочешь? – поразился Бабкин. – Ты здоров вообще, нет? Говорят, вирус с начала осени ходит...

– Я придумал историю, – сказал Илюшин, положив на ладонь кубик Рубика и глядя сквозь него. – Она меня увлекла. Так сильно увлекла, что за облаком фантазий я не заметил фактов.

– Факты говорили в пользу нашей версии!

– Они ее не опровергали. И то лишь до того момента, пока нам не попался под ноги самый основательный факт. Об него-то мы и споткнулись.

– Ну, споткнулись, – согласился Бабкин. – Первый раз, что ли? Встали, отряхнулись, пошли дальше.

– Вот именно. Далеко не в первый. Я не должен допускать таких ошибок, Серега. Но их все больше и больше. – Он поднялся и взглянул на Бабкина сверху вниз. – А ведь я был так поглощен этим делом... Ты сам видел, дружище. И что из этого получилось? – Он бросил кубик Бабкину и закончил: – Ничего.

Макар вышел, а Сергей остался в комнате, растерянный, недоумевающий, с головоломкой в руках. Она не была собрана по цветам. Илюшин первый раз не сложил ее.

– Что ж такое, – сердито сказал Бабкин, потому что нужно было что-то сказать. Демарш Макара выбил его из равновесия. Сергей не понимал, что делать с захандрившим Илюшиным, он вообще не представлял, что Илюшин и хандра совместимы друг с другом. Для хандры нужно относиться к себе всерьез. Легкий насмешливый Макар ничего не принимал всерьез, и в первую очередь самого себя.

Сергей покрутил головоломку в руках. Сдвинул одну грань, другую. Вспомнил, как Илюшин рассказывал, что рекорд по скоростному собиранию кубика Рубика составляет чуть меньше пяти секунд. Бабкин тогда еще поправил: минут. Макар сочувственно посмотрел на него и повторил: секунд, Серега, секунд.

– Пять секунд... – пробормотал Сергей, пыхтя над кубиком. – Совсем очумели.

Через десять минут он сдался и отложил проклятое детище венгерского изобретателя на стол. Но головоломка вывела его из себя. И заодно Бабкин разозлился на Макара.

Значит, Илюшин научился собирать кубик Рубика, взялся за головоломку посложнее, не преуспел и разочаровался во всем сразу. «Удобно, черт возьми! – сердито думал Бабкин. – Можно с трагическим видом сообщить, что ты ни на что не способен, и уйти в туман. А с делом Тишко кто будет разбираться?»

Желая высказать все накопившееся Макару и призвать его к порядку и благоразумию, Сергей обошел дом, но Илюшина не обнаружил. «Пес с тобой!» – в сердцах сказал он и вернулся в комнату.

Некоторое время Бабкин стоял перед столом с бумагами, чувствуя неприятную растерянность и не понимая ее причин. «Ну же! Берись за дело!»

И тут он сообразил. Финальный этап расследования всегда оставался за Макаром. Илюшин делал больше, чем фокусник, вытаскивающий из шляпы кролика перед ошеломленными детьми. Он упорядочивал хаос. По мановению его волшебной палочки факты выстраивались в логические цепочки, цепочки – в события, события – в реконструкцию преступления. Он приходил к парадоксальным выводам, и выводы эти оказывались верны.

Сергей всегда после его спектакля чувствовал себя ошеломленным, словно на его глазах фокусник вместо кролика вытащил из шляпы за уши Дэвида Копперфильда.

И вот представления не будет. Фокусник разочаровался в ремесле.
«Вовремя», – крикнул Бабкин.

Значит, придется разбираться во всем самому. Сам себе фокусник, сам себе шляпа, сам себе кролик.

Сергей перелистал материалы дела.

Сел в кресло, держа в ладони головоломку.

Положил ее на видное место.

Убрал ее с видного места.

Взял лист с илюшинскими закорючками и некоторое время рассматривал его, пытаясь увидеть за двухмерными рисунками объемную картинку.

Отложил лист.

Походил по комнате, подражая Макару, который вечно выводил его своим мельтешением.

Утомился сам от себя и раздраженно плюхнулся обратно в кресло. Под ним скрипнуло и пугливо хрустнуло.

«Давай еще мебель сломаем!» – разозлился Бабкин. Это все Илюшин виноват!

«Говорил ему: не надо, не берись! Послушался он меня? Как же! Вот пусть страдает теперь».

Мысль о том, что как раз Илюшин совершенно не страдает, а вот ему, Бабкину, приходится переживать за двоих, окончательно вывела его из себя. Единственным человеком, который мог в кратчайшие сроки довести флегматичного Сергея до такого состояния, был как раз Макар.

«Сам влез в это дело – сам пускай и разгребает!» – решил сыщик. После чего яростно схватил папку с материалами и углубился в чтение.

Поначалу он еще отвлекался, поглядывая на кубик. Но через десять минут вытащил из кармана свой блокнот и начал сосредоточенно делать записи.

Все детали преступления они с Илюшиным уже обсуждали много раз. Однако Бабкин упорно шел той же тропой, еще более внимательно глядя по сторонам, чем прежде. Он не знал другого способа найти ответ. Забыт оказался листок с илюшинскими рисунками, заброшена головоломка. Сергей делал то, что умел делать хорошо: въедливо, кропотливо, с тщательностью опытного грибника поднимал палкой каждый лист, под которым мог скрываться его боровик.

Вениамин Варнавин. Никаких доказательств причастности к убийству старухи. Они с Илюшиным с радостью ухватились бы за эту версию, но супруги не покидали Литвиновку. А значит, не было мотива для второго

убийства.

«Нет, это объяснение в любом случае не прокатило бы, – думал Бабкин. – Вот узнал мальчик Паша в одном из грабителей своего отца. И что? Из всего, что мы о нем слышали, вытекает лишь одно: он бы порадовался за батю. И за себя заодно».

С Тамарой Варнавиной та же история. К тому же Сергей не мог представить, что должен был сотворить подросток, чтобы мать решилась на убийство.

Людмила Кошелева, мать Вероники и Женьки. Отпечатки в доме Изольды принадлежат ей. Но зачем убивать старуху ради драгоценностей, если ее всю жизнь содержит Давид Дарницкий?

– Стоп! – вслух сказал Сергей.

Минуточку, минуточку...

Он внимательно перечитал показания Давида и Людмилы. На первый взгляд, расхождений не было. А самое главное, не было мотива.

Но что, если Людмила пришла не за драгоценностями?

Бабкин сам нарисовал схему, на которой стрелками пересекались облака с вписанными в них именами: Давид, Софья, Людмила, Изольда.

Старуха, погруженная в судьбу сына глубже, чем в свою собственную – не могла ли она узнать о том, что у Давида есть любовница? Странно, что они с Макаром не подумали об этом раньше. Ее дом, ее святилище, в которое не допускались чужие – никто, кроме сына с женой, – он не мог не хранить отпечатки чужой жизни, коснувшейся краем ее собственной. Запах духов, упавший волос... «Черт возьми, Изольда должна была знать, что в ее дом приводят постороннюю бабу!»

Но тогда... что получается? Если старуха проведала о романе сына, она пришла в ярость. И наверняка пригрозила любовнице, что расскажет обо всем его жене. Давид мог сколь угодно пылко любить свою розовощекую Людмилу, но расставание с семьей для него было смерти подобно. Из таких как Давид получаются плохие мужья, но отцы они прекрасные и ради детей готовы пожертвовать всем. Давид бросил бы любовницу. И Людмила осталась бы без содержания. «Если это не достаточный мотив для убийства, то я баран!»

Бабкин воодушевленно вскочил и шагнул к двери, собираясь изложить Макару свои догадки.

Но возле самого выхода его внезапно осенило. Он вернулся, проверил даты и выругался.

Все дети Давида и Софьи были рождены уже после смерти его матери.

– Черт! – сказал Бабкин. – Черт, черт!

«Я баран».

Если не было детей, Изольде нечем было шантажировать сына. Версия рассыпалась в пыль.

Сергей печально смотрел на ее останки. А как все отлично складывалось! Он ни на секунду не усомнился в том, что именно женщина вроде Людмилы – легкомысленная, поверхностная, убежденная в том, что кузнецы ее счастья и благополучия ходят где-то рядом, – именно такая женщина способна на жестокость. Ее не остановило бы ни родство Изольды с Давидом, ни возраст мальчика.

«Значит, не Людмила. Ладно, кто у нас следующий?»

Ему вспомнилось ялтинское побережье, куда его привезли в детстве. Больше всего мальчика поразила фанерная фигура моряка с овальной дыркой для лица. Он заставил мать сфотографировать его, и до сих пор где-то в завалах хранился пожелтевший бумажный снимок, на котором маленький Сережа сурово глядел из-под матросской бескозырки, причем между его физиономией и фанерой оставался зазор в пол-ладони. Для его маленькой мордочки вырез был велик.

Сергея не оставляло чувство, что он делает то же самое: приставляет живых людей к лекалу убийцы и ждет, кто впишется туда лучше остальных.

Но этот способ ему не нравился. Это был илюшинский метод, а не его.

«Ладно, – вздохнул он, – что у нас с Евгенией Кошелевой?»

Евгения Кошелева украла ценнейший александрит из спальни Изольды. И все, что она делала потом, было подчинено одной идее: вернуть его себе. Она не знала, что камень цел, пока перед смертью Раиса не вспомнила о том, что поменяла Тишке один кулон на другой. Тот, который девочка считала стеклышком, был спрятан в тайнике под подоконником библиотеки, а второй, иконка со святым Николаем, утонул во время купания. Женька начала планомерно обыскивать дом, но не успела: приехала наследница. Женька отыскала тайник, однако ей снова испортили все дело: Алексей Савельев забрал александрит у нее, отдал Тишке, а та надела его на шею.

Поразительно, с какой настойчивостью судьба отбирала этот камень у старшей из сестер Кошелевых. «На ее месте я бы задумался». Закончилось тем, что взбешенная Женя ударила Тишку по голове, но и тут ей не повезло. Алексей Савельев не вовремя вышел из дома – или вовремя, зависит от точки зрения. Бабкин хмыкнул. Впору решить, что александрит хранит новую хозяйку. Сам он, впрочем, в удивительные свойства камней не верил. В стечение обстоятельств – верил. И в непродуманные планы, приводящие

к непредвиденным результатам – тоже. Женька все делала неправильно и добилась того, что ей пришлось бежать из дома.

Но старуху она не убивала.

Могла ли она ударить Пашку? Допустим, парень пригрозил, что выдаст ее фокусы деду. Бабкин с Илюшиным так уцепились за скрытые в тени фигуры двух грабителей, что совсем забыли о девчонках. Тишке было все равно, понравится ли она деду, но Женька хотела быть первой. Она бы бросила мать, переехала в Литвиновку, подчинила свою жизнь капризам старика.

Если Пашка собирался ей помешать, ударила бы она его вазой по голове?

«Да, – подумал Сергей. – Она могла. Но если и так, мы об этом никогда не узнаем. Улик нет. А сама Женя не признается даже на смертном одре, это вам не Раиса».

Он вытащил из кипы документов фотографию, сделанную в июне двухтысячного года. Кто же, кто из них? Всего двенадцать человек, а он не может найти среди них убийцу. Ему известен весь тот день буквально по часам, известны отношения, связывающие этих людей... И ничего. Такое ощущение, что не хватает единственного факта, маленького обстоятельства, которое заставит увидеть всю картину под другим углом.

Юрий Савельев. Есть возможность, как и у всех остальных, но нет мотива. Он симпатизировал парню. Таскал его повсюду с собой. Если кому и следовало убивать Пашку, так это Лелику, ревновавшему его к отцу.

Алексей Савельев. Утверждает, что во время убийства следил за Вероникой, и та подтверждает его слова.

«Эдак я сделаю круг и вернусь к тому, что Павла убила Яна Тишко».

Бабкин терпеливо начал все заново. Отдельно – все, что касается убийства старухи, отдельно – собранные факты о гибели Павла Варнавина. Данные по Геннадию Козицкому положил перед собой. «Если у парня был сообщник, то кто он? Кто из этих двенадцати, вернее, десяти – если Тишку и ее мать мы вычеркиваем?»

Тот же путь, и снова бесплодно. Часы показывали двенадцать – он сидел над делом уже три часа. Но Бабкина охватило тихое, спокойное упрямство. Он найдет ответ. Никаких догадок, и к черту озарения! Если не вышло со свидетелями преступления, значит, они найдут сообщника Козицкого иначе.

«Драгоценности».

Бабкин взял пачку фотографий и задумчиво перебрал одну за другой. Александрит, редкий камень, по которому можно было бы выйти на

преступников, за пятнадцать лет нигде не всплывал – и это понятно: сначала он находился у Тишки, а потом долгие годы хранился в тайнике под подоконником. Но где остальные?

Он вошел в почту, где ждало письмо Давида. Характеристики камней в украшениях, год изготовления, особенности, маркировка... Сергей плохо представлял, какой объем работы нужно проверить, чтобы среди ежегодно перепродаваемых ювелирных изделий отыскать след хотя бы одного из украшений Изольды. Но он внезапно понял, кто может ему помочь.

– Моня, идите сюда! – позвал Дворкин, закрыв телефонную трубку ладонью. – Это до вас. Тот частный детектив, Бабкин.

– И чего он хочет? Я занят!

– Он хочет вас! И не врите, Моня, вы свободны. Кому сдался такой старый шмурдень!

Моня Верман кряхтя, подошел к полке, на которой стоял раритет – стационарный телефон с дисковым набором.

– Зачем ты меня терзаешь? – страдальчески спросил он в трубку. – Что тебе опять от меня надо? Сколько можно звонить?

Бабкин последний раз имел дело с Верманом четыре года назад^[2].

– Простите, что так часто беспокою! – пробасил он. – Но у меня тут дело. Насчет камешков. Нужна консультация.

Дворкин, стоявший рядом, знаками отчаянно показывал Моне, что услуга платная.

– Снова хочешь кого-нибудь посадить? – огорчился Моня. – Сема, вы слышите? Они с этим поцем Илюшиным опять берут честных людей за те места, которые не принято называть вслух в приличном обществе.

Бабкин отвык от вермановской манеры общения. Но сейчас, слушая его слегка гнусавящий голос, он живо представил и длинный коридор, и черный телефон на полке, и двух маленьких толстых Шалтай-Болтаев, подмигивающих друг другу. На секунду мрачный дом Савельева отступил и поблек перед выступившими из темноты двумя веселыми прохиндеями.

– Черт возьми, Моня, до чего же я рад вас слышать! – прочувствованно сказал Сергей. – Вы даже представить не можете.

Верман недоверчиво шмыгнул.

– Ладно, – снизошел он. – Будет тебе консультация. Бесплатно.

– Со скидкой! – выкрикнул Сема, не удержавшись.

Бабкин коротко изложил суть дела, и Верман задумался.

– Перезвони через десять минут, – приказал он. – Я должен это обсудить.

Бабкин приободрился. Если кто и мог навести его на след пропавших драгоценностей, то лишь два ювелира, бывшие мошенники.

Впрочем, насчет бывших он не стал бы ручаться.

Моня перезвонил сам. И телефон отыскал в книжке, и сотовый достал, который терпеть не мог.

– Нечем мне тебя порадовать, паря, – сказал он совсем другим тоном, без обычной своей дурашливости. – Плучник был хороший мастер, но только мастер. Не художник. Не творец. Выдающихся камней у него в работе не было.

– Это значит, что, если камни продавали отдельно, мы их не найдем?

– Ну, тебе может очень повезти... – с сомнением сказал Верман. – Но рядом со мной стоит Дворкин и машет своей головой так, что с нее вот-вот слетит последний пух. А когда Дворкин машет головой, это значит, что он сочувствует твоим бесплодным попыткам.

– А если не по отдельности? – Бабкин в отчаянии ухватился за последний шанс. – Если все-таки украшения продавали в неразобранном виде?

– В неразобранном! – фыркнул Моня. – Ну, тогда все выглядит немного веселее. Но очень немного! Надо пробивать каждое по поиску, обшарить наши профильные форумы, поспросить знающих людей... Может что-то всплыть. Маловероятно! Но исключать нельзя. – Он помолчал со значением, пока приунывший Бабкин осмысливал новости, и добавил: – Ты еще слушаешь или уже рыдаешь?

– Скриплю зубами, – мрачно сказал Сергей. – Вся надежда была на то, что по цепочке выйдем к тому, кто продавал драгоценности.

Он не удержался и вкратце изложил Верману суть дела Яны Тишко.

– Ты меня так убеждаешь, будто я могу купить у тебя эту Тишко, – пробурчал ювелир, когда он закончил.

– Да боже упаси! Я вас ни в чем...

– Считай, что у тебя получилось, – прервал его на полуслове Моня. – Пришли мне фотографии. Посмотрю, что можно сделать.

– Моня, я вам до старости лет нимб буду полировать, – пообещал Бабкин.

– Чтобы золото с моего нимба прилипло к твоим алчным лапам? – живо отреагировал Верман. – Нет, благодарю. Жду фотографии. И учти, мне нужны качественные копии. Хотя для начала можешь сбросить и телефонные снимки. Не мне, Дворкину на мобильник. Запиши!

Верман продиктовал номер.

– Но особо ни на что не рассчитывай!

Ювелир повесил трубку, а Бабкин благословил про себя двух старых мошенников.

Может быть, у них ничего и не выйдет. Но в деле появился хоть какой-то просвет. Если найти покупателей не сумеют Моня с Семой, значит, не сумеет никто. Зато Сергей будет знать, что сделал все от него зависящее.

Он включил верхний свет, разложил на столе фотографии и стал выкладывать по одной и снимать на камеру в телефоне. Щелчок – кадр, щелчок – кадр. Всех деталей украшений передать не удавалось, как он ни старался. Сергей задумался, где можно отсканировать снимки. Вряд ли в доме есть нужная техника... значит, завтра придется сгонять в райцентр.

Размышляя о том, во сколько выехать, он вдруг замер. Опустил телефон.

Его царапнуло что-то – легонько, словно шершавой веточкой провели по руке.

Он посмотрел на лежавшую перед ним фотографию. Кольцо. Золотое. С каким-то фиолетовым камнем, пес его знает каким. Ну и что?

Бабкин покрутил снимок перед глазами так и сяк, сказал себе, что нечего выдумывать, и взялся за следующий.

Шершавая веточка снова прикоснулась к его руке.

Сергей отложил фотографию браслета и вернулся к кольцу. Прислушался. Нет, ничего не екает внутри, не подсказывает, куда смотреть.

Тишина.

Но вместо того, чтобы продолжить свое занятие, Бабкин принялся задумчиво перебирать глянцевые карточки. Он уже делал это прежде. И в квартире Давида, и после, когда они с Илюшиным рассматривали так и не найденные украшения. Но сейчас он ни о чем не размышлял. Не вглядывался в драгоценности Дарницкой, а просто скользил по ним взглядом. Так житель прибрежного городка бездумно взирает на рябую поверхность моря, не пытаясь отыскать в синих волнах лодку или пловца, не сосредотачиваясь ни на одной мысли, ловя и удерживая одно лишь ощущение огромного живого пространства.

На очередном снимке что-то заставило сыщика выйти из этой искусственной безмятежности. Он сосредоточился и посмотрел на украшение.

Серьги. Красивые. Красные. Наверное, с рубинами, а может, и с гранатами, он их в жизни не отличит. Нет, гранат, кажется, не драгоценный камень, и Изольда увлекалась только ими. Значит, рубин. Огранен в форме капли. Когда на него падает свет, он искрится и сверкает в ушах. А когда не падает, издали напоминает каплю крови...

Бабкин вздрогнул и выронил фотографию.

Но тут же схватил ее и жадно вгляделся снова.

Ошибки быть не могло. Эти темно-алые камни он уже видел однажды. Подруга Дворжика, питающая пристрастие к коктейльным платьям, была в них, когда Сергей приезжал к ним домой.

Из всей груды собранных фактов четыре вылетели, словно карты из компьютерного пасьянса, и выстроились перед ним в ряд.

Дмитрий Дворжик знал Козицкого. Дмитрий Дворжик работал в фирме по установке сигнализаций. У Дмитрия Дворжика был приятель, скрывшийся в неизвестном направлении. А мальчишка – свидетель смерти Козицкого видел двоих, бегущих за ним по путям. Двоих!

И теперь жена Дворжика носит одно из тех украшений, которые пропали из дома Изольды.

– Ах ты сволочь! – медленно сказал Сергей.

Он дернулся было за курткой, вспомнил, что оставил ее внизу, схватил телефон и кинулся наружу, на ходу пытаясь набрать номер Макара.

Черт возьми, он все-таки раскрыл это дело. Сам, без вмешательства Илюшина и даже без помощи ювелиров. Вытащил кролика из шляпы!

Бабкин распахнул дверь и нос к носу столкнулся с Макаром.

– Я вот тут подумал, – сказал Илюшин как ни в чем не бывало. – А что, если Дворжик не ошибся, рассказав про Варнавина, а соврал, чтобы сбить нас с толку? Давай-ка его навестим.

Глава 17

1

По дороге радость Бабкина слегка поутихла.

– Мы почти наверняка знаем, кто убил старуху, но по-прежнему понятия не имеем, кто расправился с подростком, – сказал Илюшин. – Серега, не газуй ты так на поворотах!

– А я тороплюсь, – сквозь зубы отвечал Бабкин. – Хочу поскорее взглянуть в глаза этому уроду!

– Это не может быть Дворжик. Его не было в доме Прохора.

– Не ломай мне кайф. Зато мы сдвинулись с мертвой точки!

– Осталось разговорить пациента...

– Он заговорит, – пообещал Бабкин. – Можешь не сомневаться.

Они подъехали к дому, когда уже начало смеркаться.

– Спокойно, без нервов, – попросил Макар, взглянув на друга.

– Ага.

Сергей вжал кнопку звонка и не отпускал. Внутри залаяли собаки.

– Охренел? Чего трезвонишь, козел?

Распахнув дверь, супруга Дворжика возмущенно уставилась на сыщика. Бабкин мимоходом отметил, что черное платье она сменила на шелковый халат.

Ни слова не говоря, он отодвинул женщину и вошел в дом.

– Э! Ты куда! Куда прешь?

– Дворжик! – рявкнул Бабкин. – Ты где?

За спиной завизжали:

– Баста, Еврик, сюда! Ко мне!

Два алабая – третий надрывался снаружи – с топотом вбежали в прихожую и ринулись на Сергея, устрашающе оскалив зубы.

– Собачки! – умилившись, сказал Макар, успевший войти за другом.

– Фас его! Фас!

Бабкин мельком обернулся на собак, пожал плечами и двинулся в гостиную. Псы остервенело залаяли и последовали за ним.

– Куси его! Да куси же, дура!

– По-моему, он им нравится, – вежливо сказал Илюшин покрасневшей от визга женщине.

Это было явным преувеличением. Алабаи безостановочно лаяли на

Бабкина, внося свою лепту хаоса в происходящее. Но при этом ближе, чем на два метра, не приближались. Казалось, между ними и Сергеем стоит невидимая преграда, мешающая псам немедленно разорвать чужака.

Светлана ошалело уставилась на Макара, пытаясь сообразить, откуда взялся еще и этот тип.

– Митя! – отчаянно выкрикнула она.

– Чего вы тут, сдурели все?..

Едва сам Дворжик, заспанный и хмурый, появился из какой-то боковой двери, Бабкин положил огромную лапу ему на шею и мягко прижал к стене. Дворжик выпучил глаза и захрипел.

– Не трогай его!

– Гав!

– Чего вам нужно?

– Гав! Гав!

– Я полицию вызову! Сволочь!

– А ну всем сидеть! – рявкнул Сергей.

Рык его произвел магическое действие. Сели все, за исключением Илюшина. Алабаи послушно прижали попы к ковру и стали смотреть на Сергея молча, с тем видом, с каким дисциплинированный подчиненный ожидает дальнейших распоряжений начальства. Светлана опустилась на подлокотник кресла и застыла, открыв рот.

– Отлично, – хмуро сказал Сергей. Он был очень зол. – А теперь ты! – он тряхнул Дворжика. – Хорош хрипеть!

– Его раздражают эти звуки, – влез Илюшин.

Дворжик умолк и сглотнул слюну.

– Я сейчас тебя отпущу, – медленно и угрожающе продолжал Сергей. – И мы поговорим. Кивни, если понял.

Митя отчаянно закивал.

– Умница, – осклабился Бабкин. Это выглядело как улыбка акулы, обнаружившей пловца в километре от берега. – И не вздумай орать. Я сразу нервный становлюсь, могу обидеться.

Вместо «обидеться» Дворжик услышал «обидеть», и это окончательно убедило его в необходимости вести себя тихо.

Бабкин отнял ладонь от его шеи. Дворжик, до этого слегка приподнятый над полом, немедленно осел кулем.

– На диван, – напомнил Сергей, и тот послушно просеменил к дивану. – Теперь рассказывай.

– Чего рассказывать? – выдавил побледневший Митя.

– Про Козицкого. Про приятеля твоего. Про то, как старуху грабили.

Дворжик из красного стал бледным.

– Я не... – начал было он.

– Если сейчас услышу, что ты здесь ни при чем, придушу всех сук в этом доме, – пообещал Сергей.

Дворжик с мольбой уставился на жену.

– Рассказывай, идиот! – зашипела она. – Чего ты там натворил?

Митя открыл рот, закрыл и обвел глазами комнату. Бабкин возвышался напротив него, Илюшин прислонился к стене, алабаи сидели смирно. У Дворжика не было уверенности, что, если этот злобный мужик отдаст им команду растерзать его, собаки не подчинятся. Митя даже не мог их за это осуждать, потому что лично он бы на их месте послушался.

– Мы пришли вместе с Колей, – хрипло начал он.

– С каким Колей? Свищевым?

– Ну да, со Свищом. Корешом моим. Я сигналку отключил, Колян стал по комнатам рыскать. Их там как во дворце. Зашли в какой-то этот, как его... будуар. Везде дух такой... крепкий, короче. Как будто «Шанель» в подвале разливают.

– Ты ближе к делу переходи, – посоветовал Сергей.

– Короче, нашли ее рыжье. Все как и обещали: ни сейфа, ничего. Старуха совсем дурная была. Одни цацки прямо россыпью перед зеркалом, кучей, будто мусор. Другие в шкатулках. У нас с Колей сумка была. Мы туда все высыпали и пошли скорее. А тут хозяйка появилась. Страшная, как из могилы!

Дворжик содрогнулся, вспомнив явление старухи. Им обещали, что ее не будет дома. Сказали, она всегда уходит гулять в это время. С сигнализацией все получилось без труда, и на украшения они наткнулись почти сразу, так что Митя уверился, что все пройдет как по маслу. Мысленно он уже видел себя в ресторане, и не в Туле, а в столице, снимающим самую роскошную телку, а потом швыряющим деньгами в казино. Украшения искрились, как ночной снег под фонарем. Дворжик никогда не видел столько ювелирки сразу. И какой! Сразу ясно: шик-блеск, не фуфло голимое. В общем, все как им и предсказывали.

И тут в дверях возникла старуха. Коля аж вскрикнул, а с самим Дворжиком едва не случился конфуз. Бледная, тощая, красные губы на лице как червяк раздавленный. Пальцем дрожащим тычет в пустые шкатулки и мычит.

– Митяй, валим! – страшным голосом шепнул Свищ. И пошел на старуху.

Дворжик так никогда и не узнал, что имел в виду его приятель. Старая

ведьма решила, что ее будут убивать, и с глухим воплем ринулась в глубину коридора.

– Держи ее! – заорал Дворжик, и они, толкаясь и мешая друг другу в дверях, бросились за ней.

Зеркала, портьеры, ковры и пальмы в кадках... Мите чудилось, что он мчится по бесконечному коридору, в котором множатся отражения. Он сам, черная старуха, Свищ, матерящийся на бегу...

В конце коридора мелькнула маленькая фигурка. Он даже не успел понять, что это было. Старуха вдруг взмахнула руками и рухнула плашмя. Долю секунды Дворжику казалось, что доски пола вот-вот разойдутся и ведьма провалится под землю. Но вместо этого раздался удар, что-то противно хрустнуло, и наступила тишина.

Коля с опаской приблизился к телу и сел на корточки.

– Откинулась, – сказал он, обернув белое лицо к приятелю. В полумраке коридора Свищ выглядел вампиром, только что высосавшим свою жертву.

Митя сел рядом. Дотронуться до старухи он не мог, как ни пытался себя заставить. Но ему виден был приоткрытый глаз, смотревший куда-то на край ковровой дорожки. В том, с каким пристальным вниманием глаз изучал рисунок коврового орнамента, была такая очевидная смерть, что Дворжика пробрал озноб.

– Смываться пора, – снова сказал Свищ. – Вот сука, а.

Он несильно пнул тело старухи и поднялся.

– Сумка где?

Сумку забыли в комнате. Пришлось возвращаться. Дворжику не давала покоя почудившаяся в полумраке перед дверью фигурка, но Свищу он ничего говорить не стал.

Они стерли отпечатки со всех поверхностей, выбрались через заднюю дверь, добежали до улочки, где была брошена Митькина старая «девятка» с предусмотрительно заляпанными грязью номерами, и уехали из Литвиновки.

– Козицкий был посвящен в ваши планы? – спросил Сергей.

– Чтоб он сдох, сука! – выругался Дворжик.

– Он и так сдох. Рассказывай, каким образом драгоценности оказались у него.

Дворжик помолчал. Потер нос. За все эти годы ему ни разу не довелось обсуждать Генкину смерть. И как же нелепо все вышло...

– Гараж, – вдруг подал голос Макар.

Дворжик затравленно взглянул на него.

– Чего – гараж? – удивился Бабкин.

– Я понял, как его друг Генка добрался до награбленного. – Илюшин ухмыльнулся. – Гараж-то у них был общий!

Сергей немного поразмыслил и перевел взгляд на Дворжика.

– Вы что, два умника, оставили сумку в гараже? – недоверчиво спросил он. – Да ладно! Не может быть! Скажи, что ты шутишь!

Дворжик молчал.

В гараже они отмыли номера, потом закрыли ворота и в тусклом свете единственной лампочки, свисающей с потолка, поделили драгоценности пополам. Дележка была простая: тебе пригоршня, мне пригоршня. Это было еще не выделение долей. Просто Свищ сказал, что все в одном месте хранить глупо, и Митя с ним согласился.

Половину унес к себе Колька, чтобы спрятать у отца в сарае. Место было хорошее, безопасное: хранились там только рыболовные снасти отца да сломанные детские велосипеды. Дворжик запихнул сумку на полку. У него была договоренность с одним человечком, знающим, куда можно потихому пристроить ювелирку. Уже вечером они должны были показать часть добычи ему. Не было смысла перепрятывать.

– Расходимся, – солидно сказал Свищ. – Возле дома глянь, чтобы слежки за тобой не было.

Он прижал к груди пакет, в котором кроме бутылки водки и батона, припасенных для отвода глаз, лежали еще золотые кольца с браслетами, и деловито поковылял к выходу. «Слежки!» – передразнил Дворжик. Совсем сдурел. Заигрался в крутого грабителя.

На душе у него кошки скреблись. Все пошло не так! Ладно хоть их не запалили...

Остаться в гараже Дворжику было неприятно. Он вернулся домой, выпил и завалился спать.

– Когда ты обнаружил, что сумки нет?

– На следующий день, – неохотно сказал Митя. – Я накануне перебрал чутка. На все забил. Уснул. А днем прихожу в гараж, а там...

Сумка была на месте. Но драгоценности пропали.

Первым, на кого подумал Дворжик, был Свищ. Но Колян стоял рядом с ним, и морда у него так вытянулась, когда он увидел пустое нутро сумки, что Митя сразу отказался от этой мысли. Взгляд его упал на мотоцикл, перепачканный в грязи, и Дворжика осенило.

– Генка! Козицкий, сука, падаль, тварь!

Паршивый урод завел свой мотоцикл в гараж Дворжика, увидел сумку и не удержался, чтобы не залезть в нее.

Свищ покрыл на чем свет стоит и Козицкого, и покойную старуху, и их с Митей.

– Придурки, блин! О чем думали?!

– Я забыл про него! – оправдывался Дворжик.

Он и в самом деле забыл. Летом Козицкий почти никогда не пользовался его гаражом, он бросал мотоцикл у подъезда. Но вчера шел дождь, и Генка изменил своей привычке.

– Где его теперь искать?

– Пошли! Найдем!

Они обегали полгорода. Все места, где бывал Козицкий – и те, где его ссужали деньгами, и те, где он покупал наркоту. Свищ скрипел зубами и пророчил Генке такие увечья, что Дворжик только поражался его фантазии.

Козицкий к вечеру явился домой. Двоих поджидавших его парней он увидел от соседнего подъезда и рванул прочь, как заяц. Приятели бросились за ним.

– Дальше мы сами знаем, – прервал Бабкин. – Вы его загнали, и он попал под поезд.

– Мы не хотели, – пробормотал Дворжик. – Мы не думали...

– Еще бы вы хотели! Он вам живым был нужен. Невредимым и разговорчивым. Значит, половины драгоценностей вы лишились. Что с оставшимися случилось?

Тут Дворжик начал мямлить и нести околесицу. Из его невнятного бормотания Бабкин и Макар сумели понять, что он каким-то образом кинул своего напарника. Деньги от продажи украшений достались Мите, а Свищ был вынужден уехать из Тулы.

– Ты его в лесочке, должно быть, прикопал, – задушевно предположил Сергей.

Но Дворжик крестился и клялся, что Свищев покинул город живой и невредимый, разве что очень злой.

Полученные средства Митя пустил в оборот. Он успешно избавился от всего, что они взяли у старухи. Кроме одной-единственной пары сережек. Они его завораживали. Дворжик утешал себя мыслью, что это заначка на черный день, а если не пригодится – значит, его счастливый камень. Однажды серьги углядела его жена, тогда еще невеста, и вцепилась в них как обезумевшая. Она всегда до блестяшек была слаба. Дворжик противиться не стал: Светку он обожал и готов был отдать ей что угодно, лишь бы порадовать ее, красоту свою несусветную.

– Про Вениамина, значит, ты все выдумал, – констатировал Бабкин.

– А?

– Фотографию я тебе показывал. Ты сказал, видел этого мужика. Соврал?

Дворжик кивнул. Во время первой встречи с этим громилой он позновато сообразил, что надо бы отвести от себя подозрения. И ухватился за предложение опознать кого-то из людей на снимках.

Сергей с Илюшиным переглянулись. Макар в очередной раз оказался прав. Они нашли того, кто был причиной смерти Дарницкой. Но это ни на шаг не приблизило их к разгадке убийства Пашки.

– Ты сказал, вас кто-то навел на дом старухи, – вспомнил Бабкин. – Кто?

Дворжик помялся.

– Не молчи, сокол! – ласково пробасил Сергей. – Ты уж все выложил, чего тебе стесняться.

– Племяш мой, – вздохнул Дворжик. – Пацанчик там рядышком жил. Все знал о старухе. Чего носит, где хранит. Он и навел.

– Как зовут-то племяша?

– Федька. Федор Игнатов.

Бабкин жестом показал, что он по-прежнему внимательно слушает.

– Они с дедом неподалеку отсюда жили, в Багрянске. Родителей у Федьки нет, его на лето в Литвиновку пристроили. Ну а потом все и случилось.

– Что случилось? – не понял Сергей.

– Ну как... умер он.

Илюшин озадаченно склонил голову набок.

– И этот тоже? Многовато что-то смертей на одну Литвиновку. Или он в другом месте умер?

– Там, – нехотя пробормотал Дворжик.

У Илюшина заблестели глаза. Он подался вперед и стал похож на куницу, выслеживающую добычу: быструю, сильную, опасную.

– При каких обстоятельствах? – вкрадчиво спросил он. – Митя, как погиб твой племянник?

Дворжик тяжело вздохнул.

– Убили его. Вскоре после того, как мы у старухи побывали.

В комнате повисло молчание.

– Что? – Бабкин помотал головой, словно пес, вытряхивающий воду из ушей. – Что за ахиня?

Но Илюшин хлопнул в ладоши. А секунду спустя уже стоял перед Дворжиком. В руках его была фотография, оставленная Яной Тишко.

– Смотри – здесь есть твой племянник?

– Ну да.
– Покажи!
Бабкин подошел ближе.
– Да вот он, – недоуменно сказал Дворжик. – Крайний слева.
Он озадаченно посмотрел на этих двоих. Как будто на фотке еще кто-нибудь мог бы быть Федькой!
Сергей почувствовал себя так, будто его с размаху ударили в лоб.
– Так я и знал! – торжествуя сказал Макар. – Серега, ты понимаешь?
– Ни хрена я не понимаю!
– Пашка не их сын! Он вообще никакой не Пашка. Он Федя, Федор Игнатов!

2

Встречные фары слепили их, но Бабкин не желал перестраиваться в правую полосу и упорно гнал по левой.

– Игнатов, – ошеломленно повторял он. – Игнатов!

За очередным селом дорога сузилась до одной полосы, а затем они и вовсе съехали на проселочную. До Багрянска оставалось каких-то три километра.

– Если он жив еще, – бормотал Сергей, отвечая на свои мысли. – Дворжик с ним уже лет десять не общался.

– Как разбогател, так и забыл про деда.

– Это Пашке он дед. Ему дядя.

Небо над их головами давно уже было темно-синее, местами будто посыпанное снегом. Перистые облака тянулись наискось от самого горизонта. Навигатор отказался помогать в поисках, но сыщикам повезло: они сразу наткнулись на нужную улицу.

– Братишка, Семен Игнатов где обитает? – спросил Бабкин какого-то босяка, ковылявшего по тропинке.

– А вон тама, – махнул тот рукой. – Крайний дом.

Над трубой ветер разрывал в клочья серый дым. Илюшин обошел разросшийся куст полыни, и облезлая кошка с мявом шарахнулась из-под ног.

– Брошка! Брошка! – раздался хриплый голос. – А ну иди сюда! Куда на ночь собралась!

– Семен Алексеевич! – позвал Макар.

– Э? Чего? Ко мне, что ли?

За забором показался неряшливый испитой старик, опиравшийся на палку. На вид ему было лет двести.

– Семен Алексеевич, вечер добрый.

– И вам не хворать. Чего, дом купить хотите? Поздновато вы приехали!

– Нет, – сказал Илюшин. – Не дом и не купить. Мы хотим кое-что узнать о Феде. О вашем внуке.

Глава 18

1

– Тамара, который час?

Вениамин раздраженно постучал по циферблату. За год пятый механизм ломается. Он бы вовсе не вешал в зале часов, но эти гусыни, его ученицы, вопят, что им неудобно. «Зачем вам знать, сколько времени? – мысленно укорял их Вениамин. – Нет у вас никаких серьезных дел. Ни к какой осмысленной деятельности вы, бестолочи, не способны».

– Тома! Ну сколько можно звать?

Жена на секунду показалась в дверях, показала неприличный жест и скрылась. По плану сегодняшнего урока она должна была иллюстрировать собственным примером, какое воздействие на женскую фигуру и здоровье оказывают уроки Вениамина Варнавина. Подразумевалось, что благотворное. Тома по-прежнему стройна и гибка. Тренировки здесь, конечно же, ни при чем. Чистая наследственность и правильное питание.

Вениамин подмигнул своему отражению. Удачно он придумал с Тамарой. Бабы падки на воодушевляющие примеры. Большинство из его новой группы – низкорослые коровы с тяжелыми лодыжками, но все как одна к концу урока поверят, что и с ними Учитель сотворит чудо и обретут они легкость, хрупкость и изящество.

«Дуры», – растроганно подумал Вениамин.

В отражении мелькнули темные фигуры.

– До занятия еще целый час, – сообщил Варнавин.

– Вот и прекрасно.

Вениамин обернулся на смутно знакомый голос и опешил. Гостей было трое. Двое мужчин, между которыми стояла...

– Не может быть! Яна?!

Несколько секунд он медлил в нерешительности, словно сомневаясь, какую реакцию выбрать. Но наконец распахнул руки и со скорбной улыбкой пошел ей навстречу.

– Девочка моя, иди ко мне!

– Здравствуйте, дядя Веня. Не надо меня обнимать, – очень убедительно сказала Яна.

– Случилось что? – обеспокоился Варнавин. – Что-нибудь с мамой?

Он перевел взгляд на ее сопровождающих. Один был ему знаком – тот

самый сыщик, который приходил визнавать подробности о старом деле. Второго, здорового мужика с хмурой физиономией, Вениамин видел впервые.

– Зачем вы приехали? – Варнавин перестал улыбаться. – Я думал, Яна, ты хочешь попросить прощения...

– Во-первых, вы так не думали, – сказал Илюшин. – Во-вторых, мы по делу.

– Что вам нужно?

– Мы нашли убийцу Паши, как и обещали.

Вениамин поменялся в лице:

– Что вы узнали? Отвечайте!

– Что это вы его убили, – сказал Макар. – Или вы, или ваша жена.

Почти минуту Вениамин молча смотрел на него без выражения. А затем грустная понимающая улыбка тронула уголки его губ.

– Вот оно что... – тихо сказал он. – Так вы приехали, чтобы предъявить заказчице результат вашей работы. Знаете, милые, встречал я людей без стыда и совести. Но таких, как вы – в первый раз. С Яны спраша нет, она больна. Но вы-то здоровые. У вас другая болезнь. Атрофия души называется.

Он наклонился за сумкой.

– Совесть, Яна, нужно успокаивать другими способами. Хотя не представляю, чем можно унять ее после того, что ты совершила. Будь я на твоём месте, стоял бы сейчас на коленях и молил о прощении. – Голос его дрогнул. – Но ты из другого теста. Ничто не помешало тебе явиться сюда вместе с этими... – он брезгливо указал подбородком на Макара и Бабкина, – и слушать их бредни. Вы осознаете, куда вы пришли и кому вы это говорите?

Вениамин сжал ручки сумки в кулаке и гневно взглянул на девушку. Хотел добавить что-то еще, но лишь покачал головой, словно понимая, что все слова будут лишними.

– Я начну рассказывать, как все происходило на самом деле, – невозмутимо сказал Илюшин. – А вы поправите меня, если я ошибусь.

– Бог вам судья, – вздохнул Вениамин.

Он сделал несколько шагов к двери.

– Федю Игнатова вы купили у его деда за пять тысяч рублей, – вслед ему проговорил Макар.

Вениамин остановился. Обернулся и очень медленно опустил сумку на пол, как будто она внезапно потяжелела.

– Я, пожалуй, присяду, – сообщил Бабкин. – А то торчим тут как

надгробия. Стульчика нету? Жалко!

Он выбрал из груды свернутых в углу ковриков для йоги один, развернул и сел, привалившись спиной к стене.

– Что вы несете?

Голос у Вениамина все-таки дрогнул. И Тишка, до последнего сомневавшаяся, сразу поняла, что Макар прав, прав во всем.

– Или все-таки дороже? – Илюшин нахмурился. – Старик говорил о пяти тысячах, но он мог и ошибаться. Так о какой сумме шла речь?

Варнавин молчал.

– Хорошо, это не принципиально, – согласился сыщик. – Итак, вы пришли к старику... Хотя начать нужно не с этого. А с того, что у вас обнаружили тяжелое заболевание. Процесс излечившихся довольно высок, но оперироваться лучше в Германии. Денег у вас не было. Единственным человеком, который мог помочь, был ваш собственный отец, с которым вы практически не общались. Но внезапно Прохор возникает из небытия и сообщает, что хотел бы пригласить вас в гости, причем не одного, а непременно с внуком. В смысле, с вашим сыном, Пашкой, которого вы уже привозили к нему, когда он был маленьким. Ваш отец затеял что-то вроде прижизненного выбора наследника и не скрывал, что родителям выбранного ребенка в обмен на разрешение общаться с внуком и влиять на его жизнь он мог бы многое дать. Для вас это означало, что вы получите деньги на операцию.

Яна тихо отошла в сторону и присела на подоконник.

– Я вам сам это рассказал, – проговорил Варнавин.

– Конечно, вы не стали скрывать факты, которые легко проверялись. Кроме одного. И тут мы подходим к самому интересному. Серега, документ у тебя?

Бабкин неторопливо полез в карман и вытащил смятую бумажку.

– Копия свидетельства о смерти, – прочитал он, развернув ее. – Выдана... ну, это опустим, выдана она с некоторыми нарушениями, поскольку я не являюсь родственником... Ага, вот главное. Павел Вениаминович Варнавин, год рождения – 1985, год смерти – 1989.

– Вы не имели права... – прошептал Варнавин. И вдруг визгливо закричал: – Вы не имели права!

Яна вздрогнула.

– От чего умер ваш сын? – сочувственно спросил Макар.

– Ты не смеешь...

– Что с ним случилось, Вениамин?

– Пошли вон! убирайтесь все отсюда!

Илюшин пропустил истерику Варнавина мимо ушей.

– Ваш сын умер от столбняка. Я прав?

Вениамин беззвучно шевелил губами.

– Тамара рожала дома, – продолжал Макар. – Вы с ней сторонники естественного подхода. Настолько естественного, что даже прививок ребенку не сделали. Собственно, поэтому у вас и вышла ссора с родителями. Прохор обвинил вас в пренебрежении интересами мальчика. Для него, человека, воспитанного советской медициной, ваши действия были сродни преступлению. Вы защищались и произносили пылкие речи, Прохора это взбесило еще сильнее. Вас с Тамарой выгнали из дома. Или вы уехали сами?

Вениамин молчал.

– Это тоже не имеет значения. Важно, что вы вдребезги разругались с отцом из-за вашего отношения к прививкам. А год спустя ваш сын умер от столбняка. Вы ведь с ним ездили в Среднюю Азию, да? Подпитывались силой в Таджикистане и Узбекистане. Антисанитария, паршивые условия жизни... Мальчик ваш в каком-то сарае наступил на ржавый гвоздь.

Яна не удержалась:

– Откуда ты знаешь?

– Мы тебе не успели рассказать. Серега отыскал людей, которые вместе с Вениамином и Тамарой были в той поездке. Муж и жена Борисовы. Помните таких, Вениамин?

Варнавин дернул подбородком.

– А вот они вас отлично помнят. Ваш мальчуган бегал без присмотра и глубоко поранил ногу гвоздем. Вы не проявили никакого беспокойства. Когда начались судороги, Борисовы принялись уговаривать вас срочно показать Пашу врачу. Вы не обращали на них внимания, но к Борисовым подключились остальные участники группы. Наутро вас в лагере не оказалось.

– Все решили, что вы уехали в больницу, – подал голос Бабкин.

– Но на самом деле вы ничего не сделали. Вам просто надоело всеобщее настойчивое внимание. Вы сбежали.

– Мальчик умер от столбняка? – тихо спросила Яна.

– Да. И вот здесь начинается самое интересное. Вам еще интересно, Вениамин?

Молчание.

– О смерти сына вы никому не рассказали, – продолжал Макар. – С матерью продолжали созваниваться, но она ничего не знала. Вы боялись, что и Раиса обвинит вас в том, что вы косвенно стали причиной гибели

мальчика? Не отвечаете? Ну как хотите. Тогда слушайте дальше. Когда Прохор объявился со своим сказочным предложением, вы поняли, что другого шанса у вас не будет. Но сообщите правду, о деньгах можно было бы забыть. Прохор вас еще и предал бы анафеме вдогонку. И тогда кому-то из вас с Тamarой пришла в голову гениальная идея. В Багрянске, куда вы приезжали каждое лето, вам попался на глаза парнишка, по возрасту годившийся вам в сыновья. Федя Игнатов. Пацан из неблагополучной семьи: дед пьет, родителей нет, дядя живет в Туле. Но парнишка был сметливый, цепкий и решительный. А главное – хорошо чуял свою выгоду. Вы пообещали, что в случае успеха он станет жить как у Христа за пазухой, и парень согласился.

– А денег вы ему не предложили? – подал голос Бабкин. – Надо было сразу ему заплатить.

– Нечем было, – ответил Илюшин вместо Варнавина. – Да сначала и без денег все шло замечательно. Федор-Пашка приглянулся деду. Прохор общался с вами милостиво, и вы уже прикидывали, когда заговорить о деньгах. Но сначала ваш отец должен был определиться с предпочтениями. Но тут возникли осложнения. – Макар обернулся к девушке. – Яна, вы наблюдали это своими глазами и знаете лучше нас.

Девушка кивнула.

– Да, я видела... видела, как Пашка, то есть Федор... как он привязывается к дяде Юре. Вернее, делает вид.

– Сообразительный парень вам попался, – посочувствовал Варнавину Илюшин. – Он понял, что дружба с Юрием открывает куда более головокружительные перспективы, чем милость Прохора. Дед капризен – сегодня приласкал, завтра пнул. К тому же мальчик полагал, что когда Прохор наиграется, его выкинут из дома. Он, конечно, обеспечил бы себе год безбедной жизни. Но Юрий мог обеспечить ему целую жизнь.

– Вы что же, хотите сказать, Игнатов метил на место его сына? – через силу усмехнулся Варнавин.

– У Юрия была идея фикс. Он хотел помочь какому-нибудь обделенному ребенку пробиться в жизни. Сначала подыскивал малыша в детских домах, но каждый раз его что-то останавливало. И вдруг появляется мальчик, который ужасно ему симпатичен. Юрий плохо разбирается в людях, а в детях не разбирается совсем. Федя при желании умел быть очень обаятельным. Это было настойчивое обаяние, которому можно противостоять, только если осознанно сопротивляться. Неудивительно, что ваш брат поддался ему. Даже то, что он считал Федю вашим ребенком, не разрушило его симпатии. Когда он в первый раз

подумал «жаль, что это не мой сын», в вашем плане появилась гигантская трещина.

– Бред собачий!

– Отчего же? Федор – сирота. Дед у него пьянчужка. Не возникло бы никаких препятствий. Признался бы, что он не Варнавин, а Игнатов – и все. Конечно, Лелик бы возражал, но кто в таких случаях прислушивается к мнению родного сына! Точно не Юрий. К тому же Федя ловким ходом выбил соперника с доски. Единственное, чего парень не учел – того, что он становится для вас смертельно опасным. Разоблачение означало, что никаких денег вы не получите. Я думаю, Федя откровенно сказал вам, что собирается поговорить с вашим братом и открыть ему глаза на то, кто он на самом деле такой. Это сломало бы последнюю преграду в отношении Юрия к мальчику. Но для вас это было смерти подобно, потому что Юрий вас ненавидел. Вы убили его собаку.

– Из-за собаки нельзя ненавидеть родного брата! – выкрикнул Варнавин с такой яростью, что Яна вздрогнула.

Макар пожал плечами:

– Вы подстроили так, что он усыпил несчастного пса. Вон сидит девочка, которая из-за котенка едва не искалечила вашего подставного сына. Думаете, взрослые отличаются от детей?

– У них запаса ненависти больше, – пробормотал Бабкин.

– Вы отлично понимали, что, как только Федя признается во всем вашему брату, Юрий немедленно пойдет к отцу. Он не позволил бы вашей игре продолжаться. Своим признанием Игнатов обеспечивал свое будущее, но убивал вас. Кто его ударил?

Вопрос был задан так внезапно, что Вениамин дернулся.

– Кто? Вы или Тамара? Вы оба ненавидели парня. Оба быстро просчитываете последствия. Когда Яна оглушила его, кто из вас взял в руки малахитовую вазу?

– Пошел ты! – сквозь зубы сказал Варнавин.

– Кстати, а вы знали, что это ваш Федя навел грабителей на дом Изольды Дарницкой?

Судя по тому, с каким изумлением Вениамин уставился на Илюшина, он впервые об этом слышал.

– Недооценили вы своего «сына», – сказал Макар. – Во всех аспектах. Он оказался хитрее, злее, безжалостнее, чем вы думали. И вы его убили. Практически идеальное преступление! Есть убийца, уверенный в своей виновности, есть жертва, провоцировавшая его. Только одного вы учесть не могли. Ваша мать знала, что мальчик – не ее внук.

– Что?

– Это несомненно. Скорее всего, у него был какой-то шрам. Людмила рассказывала, что был день, когда все взрослые уезжали в город, а Раиса оставалась с мальчиком одна. Похоже, в этот день что-то случилось. Может быть, он порезался или ошпарился... Остался след. Раиса скрыла это от вас и от мужа. Но когда в ее доме появился Федя Игнатов, она поняла, что это не Паша.

Варнавин отвел глаза.

– Раиса очень любила вас, Вениамин, – сказал Макар. – Но вы привезли в ее дом гремучую змею и бросили среди детей. Она, как могла, попыталась защитить самых слабых. Это не помогло. После убийства Раиса, скорее всего, нашла залетевшие под диван осколки поддельной вазы, а саму вазу не обнаружила. И, сопоставив все факты, поняла, кто на самом деле был виновен в Фединой смерти. Она не могла выдать вас – вы были ее обожаемым сыном. Но после смерти Прохора ее окончательно замучила совесть. И она оставила указания для выросшей Тишки.

Вениамин пробормотал несколько слов в адрес покойной матери.

– Я должен был сразу догадаться, что своим молчанием Раиса защищает не мертвых, а живых, – сказал Илюшин. – Из живых вы были ей дороже всех. Однако видеть вас она больше не могла и в дом к себе не пускала. Может быть, ей казалось, что теперь вы сообщники. Вы в самом деле не догадывались о причинах охлаждения вашей матери?

Вениамин покачал головой. Это было равносильно полному признанию, и Яна прерывисто вздохнула. Спрыгнув с подоконника, она подошла к Варнавину.

– Дядя Веня, кто из вас? – голос звучал негромко, но настойчиво. – Скажи.

Вениамин вдруг усмехнулся:

– Да черт с собой. Все равно срок давности прошел. Я это был. Грохнул и не жалею. В итоге все обернулось так, как я и хотел. Ну что ты смотришь?

– Дядя Веня, а меня тебе не жалко было?

– Честно? – Вениамин пожал плечами. – Да не особо. Ты пойми, милая, у меня выбор был простой: или ты, или я. Ты бы на моем месте даже не раздумывала.

– Раздумывала бы, – сказала Яна.

– Ну и дура.

Бабкин неторопливо поднялся.

– Серега, не надо, – предупредил Илюшин.

– Я противник безнаказанности, – мрачно возразил тот. – Убивать не буду, просто шею сверну.

Вениамин попятился.

– Это ведь у меня срок давности по делу вышел, – визгливо сказал он. – А тебя за нанесение побоев посадят.

– Не посадят, – ухмыльнулся Бабкин. – Я мент. Корочки показать?

– У него все суды подкуплены, – подтвердил Илюшин.

Судя по лицу Вениамина, он легко поверил в такой поворот дел.

– Не трогайте меня!

– Я и не стану, – пообещал Макар. – Сергей один справится.

– Яна, останови его!

Бабкин неторопливо надвигался на Варнавина, огромный как скала и неумолимый, как буря. В этой медлительности было что-то жутковатое. Вениамин вдруг встал в боевую позу, выставив перед собой руку. Сергей ухмыльнулся как сильно проголодавшийся человек, которому вместо шпината принесли бифштекс, и эта ухмылка завершила дело.

Варнавин схватил свою сумку, швырнул ее в Бабкина и выбежал из зала.

«В точности как Женька, – подумала Яна. – Второй мой родственник от меня удирает».

– Тварь трусливая, – брезгливо сказал Сергей, отбросив сумку.

– Ну знаешь! Я бы тоже стал трусом, если бы ты пригрозил мне шею свернуть.

– Не надо, Сергей, – сказала Яна. – Честное слово, не надо.

– Хотите сказать, вы его простили?

Она даже рассмеялась от неожиданности.

– Нет, конечно! Но все, что с ним случится дальше, это не моя история. Моя закончилась вот на этом. – Она вытащила из кармана диктофон и остановила запись.

– Дадите послушать маме?

– И Веронике с Леликом.

Бабкин поддел носком брошенную сумку.

– Мне все это не нравится, – буркнул он. – Варнавин, значит, будет жить долго и счастливо, а мы будем смотреть издали и беспомощно скрипеть зубами?

Макар усмехнулся:

– Может быть и долго. Но вряд ли счастливо.

Сергей и Яна вопросительно посмотрели на него.

– Ты что-то знаешь, – утвердительно сказал Бабкин. – Выкладывай!

Макар заложил руки за спину и легкомысленно покачался на пятках.

– Когда мы искали свидетелей их похода по Средней Азии, я случайно обнаружил, что у последовательниц Варнавина не все благополучно.

– В каком смысле?

– Он недавно набрал дюжину беременных теток в группу «Чистое дыхание». Они выезжали на природу, в указанное Варнавиным место, где из земли якобы исходит невиданная сила и энергия. И там, на природе, рожали под звуки колокольчиков и шум ближайшей электрички.

– Зачем? – ошеломленно спросил Сергей.

– Чтобы на мать и дитя снизошла благодать, разумеется.

– А Варнавину какой от этого профит?

– Триста тысяч с каждой роженицы.

Сергей и Яна переглянулись.

– Одна из этих бедолаг в августе умерла, – сказал Макар. – От кровопотери в родах. Варнавины не успели довезти ее до больницы. Слишком далеко забрались в поисках экологически чистого места. Так вот, мои маленькие друзья, уголовное дело уже заведено.

– Вывернется! – недоверчиво сказала Яна.

Илюшин усмехнулся, а Бабкин откровенно засмеялся. Смех у него был недобрый, и это ей очень понравилось.

– Что, не вывернется? – с надеждой спросила она.

– Скажем так: мы очень постараемся этому помешать.

– А когда он что-то старается делать, – кивнул Бабкин на напарника, – у него обычно получается.

Яна хотела еще что-то сказать про Варнавина, но вспомнила:

– Как мог следователь принять убитого Федю за Пашку?

– А что должно было навести его на подозрения? – вопросом на вопрос ответил Макар. – Вот мальчик, про которого Варнавины говорят, что это их сын. Нет никаких оснований сомневаться в их словах.

– Но есть же документы... свидетельство о смерти!

– Мне стоило большого труда его найти, – заметил Бабкин.

– А следователь искать и не думал. Не забывай, Прохор приложил все усилия, чтобы дело спустили на тормозах. К тому же Варнавины тысячу раз меняли место жительства. Вот с дедом Феди могли возникнуть сложности. Увезли здорового внука, а потом внезапно сообщают, что он умер! Но старший Игнатов оказался человеком сговорчивым. На их счастье.

– И сколько стоила его сговорчивость? – спросила Яна.

– Он нам не сказал. Думаю, не слишком много. Сумма оказалась

вполне посильной для Варнавиных.

– И никто не интересовался, что случилось с его внуком?

– Игнатов объявил, что Федька сбежал. В это все легко поверили. Дед пьет, иногда поколачивает. Отчего бы подростку и не удрать!

Все трое помолчали.

Яна вдруг улыбнулась.

– Знаете, это даже забавно...

– Что забавного? – удивился Бабкин.

– В традиционных сюжетах невинный ягненок под воздействием обстоятельств превращается в убийцу. Со мной случилось ровно наоборот. Я считалась кровожадным волком, а стала безобидной овцой.

Она покачала головой, словно осуждая себя за эту метаморфозу.

– Как ощущения? – Макар пристально взглянул на нее. – Теперь, когда все закончилось?

– Даже не знаю. Я, наверное, за последние двое суток уже устала изумляться. Меня удивляет только...

– Что?

– Нет, это не относится к делу. Меня удивляет, что больше всех на деда оказался похож мальчик, в котором не было ни капли его крови. Мне иногда кажется, что нас всех случайным образом перемешали и раздали друг другу. И нет никаких глубинных связей между кровными родственниками, а только...

В кармане у нее завибрировал телефон.

– Да? – встревоженно сказала Яна, прижав трубку к уху. – Мама? Что случилось?

– Мне показалось, у тебя что-то происходит, – сказала Татьяна так громко и взволнованно, что ее голос услышали и Макар с Сергеем. – У тебя все в порядке? Яна!

– Все хорошо, ты не волнуйся... Честное слово! Здесь просто связь прерывается, это подвал!.. Какой подвал? Для занятий йогой. Нет, мама я не сошла с ума... Мама, нет, я не стою на голове! Подожди, сейчас выйду наружу и все объясню...

Яна пошла к дверям.

– Нет никаких глубинных связей между кровными родственниками, значит, – задумчиво повторил Макар. – Только мать почему-то звонит дочери именно тогда, когда та достоверно узнала о своей невинности.

Бабкин посмотрел вслед Яне Тишко и засмеялся:

– Она сюда не вернется. Пошли, Макар. Хоть пива выпьем, раз уж нас занесло в Питер.

- На поребрике.
- Лучше в парадной.
- Закусывая курой.
- Пиво – курой? – огорчился Сергей. – Быдло ты бескультурное, Илюшин, вот что я тебе скажу.

2

Лелик поднялся в мансарду, постоял на пороге комнаты Прохора. Закончив с поисками, Вероника привела все в безупречный порядок. Это его поразило. Он думал, что здесь останутся руины. С нее стало бы сжечь бумаги, разломать стулья и залить все дымящейся серной кислотой. Пусть бы хоть как-нибудь проявила свой гнев! Она столько лет жила под гнетом ненависти к деду.

Лелик перешагнул порог с чувством, близким к благоговению. Ни пылинки. Она не только разложила все по местам, но и отмыла комнату от вевшейся за столько лет грязи.

Он представил, как она медленно идет вдоль шкафа, ведет мокрой тряпкой по его потрескавшимся от старости темным деревянным панелям, садится на пол, с аккуратностью учительницы складывает в папки разбросанные по полу листы...

И вдруг понял. Это кропотливое возвращение вещей на свои места было штрихом, окончательно замыкающим линию в круг. Когда Вероника впервые оказалась в лаборатории Прохора, здесь царил порядок. И вот теперь она свела все к нему же. Гнев был бы проявлением слабости, признанием, что дед по-прежнему имеет над ней власть. Но теперь это осталось в прошлом. Здесь снова был диктат вещей – но лишь вещей, а не Тульского Зодчего.

Тряпка стирает пыль с книжной полки – и вместе с пылью растворяются годы тревоги и страха. Она стерла прошедшее время и вернула все к исходной точке. Теперь из нее начинался другой путь, и он больше не вел в комнату деда.

Лелик вышел и закрыл за собой дверь. Эта история закончилась.

В доме стояла тишина, глубокая, как вода. Яна уехала, Женька бежала. Похоже, Вероника тоже исчезла, не попрощавшись. Он для нее не больше чем пыль на книжной полке. Символ прошлого, от которого ей не терпелось поскорее избавиться.

Ему почудилось за окном какое-то движение среди деревьев. Лелика

ударил внезапной радостью. Если Вероника тут...

Он бросился к двери, распахнул ее и замер. Под облетающей яблоней стоял его отец с чемоданчиком в руке.

– Здравствуй, Алексей, – официально сказал он. – По телефону до тебя не дозвонишься. Я приехал лично узнать, что здесь происходит.

Лелик начал смеяться. Он прислонился к мокрым перилам и хохотал, глядя на отца, сурово взирающего на него через линзы очков.

– Мне не очень понятны причины твоего веселья, – сказал Юрий. – Ты пьян?

– Если бы, пап... Ладно, пошли в дом.

– Я должен кое-что прояснить, – бубнил отец, следуя за ним по коридору. – Приезжают какие-то люди, наводят обо мне справки, вытаскивают на божий свет события многолетней давности...

– Откуда ты об этом узнал? – спросил Лелик. Его охватило странное безразличие.

– Татьяна позвонила. Какой-то частный детектив к ней приходил. Что это за глупости? Объяснись, Алексей! Я уверен, ты имеешь к этому отношение! Что за детские игры?

Все безразличие с Лелика точно ветром сдуло. Он всегда считал себя довольно уравновешенным человеком. Но за последние пять минут его швыряло, как лодку по волнам, от одного переживания к другому. Он не желал задумываться, в какой степени причиной этому был отъезд Вероники. Отец стоял напротив, обвинительно тыча в него сухим желтым пальцем, и весь проснувшийся гнев Лелик обрушил на него.

– Игры? – с трудом сдерживая ярость, переспросил он. – Я тебе объясню, папа. Да, это игры, только не мои, а твои. Помнишь свою затею сыграть в добренького благодетеля?

– При чем тут...

– При том! Яна выяснила, кто на самом деле убил Пашку. Она наняла для этого частных детективов, и они раскопали, что мальчик, которого ты мечтал взять в наш дом вторым сыном, был вовсе не Пашкой Варнавиным!

– Что?

– Сын дяди Вениамина умер еще маленьким! И они подобрали в какой-то деревне первого попавшегося пацана и привезли к Прохору.

– Что ты несешь? Зачем?

– Нуждались в деньгах, видишь ли. А парень возьми да наведи своих приятелей-уголовников на дом Изольды. Те ее и грохнули.

– Подожди... – Юрий поставил под ноги чемодан и принялся дергать петлю шарфа. – Что за бред?

– Бред, папа, это твое намерение привести к нам в семью человека, который был гадом до мозга костей! Он тебя использовал. Собирался рассказать тебе о том, что он не настоящий сын Варнавиных, и за это Вениамин с Тамарой его убили!

Петля шарфа все никак не хотела растягиваться, а Юрий все тянул и тянул за нее, и это бессмысленное движение почему-то привело Лелика в бешенство.

– Венька? – глупо переспросил отец. – Венька и Тамара? Боже мой, какие мерзавцы...

– О, узнаю этот напыщенный книжный язык! Ты еще добавь «Да будут они прокляты до конца своих дней»!

Юрий наконец справился с шарфом и расстегнул плащ.

– Я не понимаю, отчего ты разговариваешь со мной подобным тоном, – негодуя начал он.

Лелик расхохотался:

– Правда не понимаешь? Папа, очнись! Ты был как очарованная принцесса, и до сих пор ею остаешься. Ты бы с радостью обменял тогда меня на Пашку.

– Я никогда не...

– Прекрати! Я понимал это, еще когда мне было двенадцать. Ты не догадываешься, каково мне было? Каждый день видеть, как ты все сильнее привязываешься к уроду, который собирался отыметь тебя!

– Алексей!

– Он перехитрил тебя, потому что ты вел себя хуже идиота. Пятнадцатилетний парень сделал тебя как последнего лоха. Попутно помог ограбить несчастную старуху. А потом сообщил мнимому отцу, что игра закончена. Он нашел себе нового папочку!

Юрий взмахнул рукой, пытаясь остановить сына.

– А знаешь, что он еще сделал? – продолжал Лелик, насмешливо кривя губы. – Довел до иступления бедную Янку. Она приручила котенка, а он обставил все так, словно повесил его. И она кинулась в драку. А вы, взрослые идиоты, ничего не поняли! Ты так трогательно вцепился в подсунутую тебе родственную душу!

– Я не хочу этого слышать! – выкрикнул Юрий.

– Придется! – повысил голос Лелик. – Ты едва не взял в наш дом законченного подонка!

– Это было давно!

– Ничего не изменилось! Появись сейчас новый Пашка, ты бы снова вцепился в свою несбыточную мечту иметь нормального сына!

Юрий отшвырнул шарф на диван, трясущимися руками стащил плащ.
– Черт возьми, ты понимаешь, как я был несчастен?

Лелик издевательски засмеялся:

– Папа, кому ты об этом рассказываешь! Но я научился перерабатывать свои несчастья в топливо. Топливо для движения, для жизни. Помнишь убитую малиновку? Я ведь тогда зарисовал ее. Хотел сразу похоронить, но не смог. Смотрел на нее, потом потянулся за карандашами. Мне было противно от самого себя, но в то же время я испытывал странный жутковатый восторг. Не знаю, как объяснить. Словно тебя тащит течением. Я ненавидел Пашку и был благодарен ему, потому что если бы не он, ничего бы не случилось. Горе можно использовать как строительный материал, папа. Посмотри на меня! Вышла неплохая постройка.

– Паршивая вышла постройка, – отрезал Юрий. – До сих пор сводишь счета с умершим врагом!

– Не с тобой же мне их сводить!

– А ты хотел бы, правда ведь? Лишь бы унижить меня, оскорбить!

Лелик едва сдержался, чтобы не запустить в отца чашкой со стола.

– А ты, папа, на что надеялся?

– На что надеются все родители? На то, что ты будешь меня любить!

– Думаешь, это легко? – Лелик с горечью рассмеялся. – Маленьким я любил тебя. А сейчас, когда я вырос, где ее искать, эту чертову любовь? Она похоронена под раздражением и досадой! Невозможно терпеть рядом с собой чужого человека, отличающегося во всем! Со своими дурацкими привычками, глупыми требованиями и навязчивым мнением!

Юрий побагровел.

– А каково приходилось мне, ты никогда не думал? Ты не желал со мной общаться! Существовал в своем мире из рисунков и игр. Да, мне было не о чем с тобой говорить! Я уважал твои интересы, но не разделял их. И с тех пор ничего не изменилось. Но ты живешь своей жизнью, у тебя все хорошо, а во мне после смерти твоей матери осталась пустота. – Он шагнул к сыну, сжав кулаки. – Хоть раз задумайся об этом! Во мне дыра, слышишь? У меня было ничтожно мало родных людей! И я хотел, очень хотел, чтобы ты стал мне близким! Но у меня не получается, что бы я ни делал!

Лелик вскочил и отшвырнул стул.

– Потому что ты пытаешься вставить меня в свою жизнь, как кусочек пазла! Думаешь, эта пустота в тебе – она сделана по моим лекалам? Думаешь, я существую для того, чтобы тебе стало легче? – он орал, не замечая этого.

– Нет, черт возьми! Я думаю, ты мне послан в наказание за мои

грехи! – закричал и Юрий.

– Тогда терпи! Не можешь любить – терпи меня! Смиренно, твою мать! Без этой твоей гордыни: ах, какой я красавец, что общаюсь с сыном, который так меня разочаровал! Хоть раз в жизни можешь перестать любоваться собой и осознать, что не ты – точка отсчета?

Юрий внезапно сник. Лицо его обвисло. Он шагнул в сторону, опустился на диван. Упавший на пол шарф лежал под его ногами.

Лелик выдохнул, постоял, не зная, что сказать. Поднял стул и поставил на место. Он чувствовал себя таким опустошенным, каким не был, кажется, никогда.

– Мне в детстве казалось, что кто-то поиздевался над нами, – тихо сказал он. – Собрал чужих людей. Связал их друг с другом ниточками под названием «семейные узы». И порвать нельзя, и тянет. У кого на ноге петля, у кого на шее. Одни могут ее сбросить. Другие мучаются.

Он открыл форточку, и в окно осторожно вошел осенний садовый ветер, неся дым и запах палой листвы.

«Все это бесполезно, – подумал Лелик. – Кричим, обвиняем друг друга... Все равно каждый разговаривает сам с собой».

– Я хотел взять еще одного ребенка, чтобы не жить постоянно с ощущением вины, – сказал Юрий. – Смотрел на тебя и каждую минуту помнил, что это из-за меня ты остался без матери. Мне казалось, если появится другой мальчик... ребенок... я смогу утешать себя тем, что сделал для какого-то живого существа что-то хорошее. – Он ссутулился. – Устал я жить, не прощая себя. Даже свою собаку и то я убил.

Лелику было что сказать. О том, что вокруг виноватых людей почему-то больше всего страдают их близкие, которые совсем ни при чем. О том, что отец волочет свою вину, как другие несут тяжелый герб – мучительно, но с гордостью. О том, что можно было завести другую собаку. И это было бы лучше и правильнее, чем завести другого ребенка.

Ничего этого он не сказал. Подумал, сел рядом с отцом – близко, но не прикасаясь к нему.

– Яна просила разобрать сарай и погреб. Ты мне поможешь?

Юрий покосился на него.

– Одному там трудно, – продолжал Лелик. – Вдвоем работы на пару-тройку дней.

Отец молчал.

– Завтра обещали дождь, – зачем-то добавил Лелик. Как будто это могло убедить отца остаться.

– Дождь – это хорошо, – сказал наконец Юрий и поднялся. – Комната

за библиотекой свободна?

Оставшись один, Лелик поднял с пола шарф и положил на спинку дивана. Как все странно вышло. Что у них с отцом – перемирие? Примирение? Что он понял из того, что Лелик говорил ему?

«И что я сам понял?»

За его спиной послышался шорох.

– Пап, ты шарф забыл... – начал Лелик, обернулся и замолчал на полуслове.

В дверях стояла Вероника.

– Ты что, не уехала? – глупо спросил он.

– Он просто не умеет тебя любить, – сказала она.

Лелик не сразу понял.

– Ты все слышала?

Она кивнула, нисколько не смущаясь:

– Я подслушивала за дверью.

– Зачем?

– Помочь тебе, если что.

Кажется, он никогда не поймет эту женщину. Помочь ему? Чем?

Она не двигалась с места. Он вдруг подумал, как счастливы могли бы они быть теперь, когда хозяйкой дома стала Янка. Веселая маленькая Янка, которая станет печь пироги по рецептам бабушки Раисы, звать их в гости на все лето и вообще в любое время, когда им вздумается приехать. Отец сможет привозить свою новую собаку и дрессировать ее на лужайке, а Янкина мать будет даже в гамаке качаться с таким видом, будто выполняет ответственную работу, а они с Вероникой...

Лелик осекся. Никаких «они с Вероникой» нет.

В этот момент он отчетливо понял, что нарисованная картина счастья возможна для него лишь тогда, когда они с Вероникой все-таки есть. Смешно. Похоже, его удел – вечно любить кого-нибудь безответно.

– Я провожу тебя на станцию, – спокойно сказал он. – Когда ты уезжаешь?

Она молча смотрела на него своими прозрачными светло-голубыми глазами.

– Ты знаешь, что я тебя всю жизнь люблю? – по-прежнему спокойно спросил Лелик. Уже столько было сказано сегодня, что еще одно признание ничего не могло испортить.

Вероника кивнула.

– Прости, – в ее голосе звучало искреннее сожаление. – Мне нечего тебе дать.

Она внезапно подошла и обняла его – то ли утешая, то ли прощаясь.

От ее волос пахло кувшинками. Лелик знал, что на самом деле эти цветы не имеют аромата, но если бы он придумал его, тот был бы именно таким – едва уловимый запах лесной воды и горчащего зеленого стебля.

– Вероника, – тихо позвал он.

– Когда я с тобой, я чувствую себя очень-очень старой, – отозвалась она.

– О господи, – сказал опешивший Лелик. – Это еще почему?

Женщина расцепила руки.

– Старой и свободной. Как будто меня больше ничего не может задеть.

– Всю жизнь мечтал услышать, – пробормотал Лелик, – что женщина, в которую я влюблен, ощущает себя в моей компании старухой.

Вероника улыбнулась. «Он тоже не понимает». Но в этой мысли не было горечи. Если все сложится хорошо, у нее будет время ему объяснить. Не сейчас. Позже.

Всю жизнь люди и события торопили ее. Она принимала неверные решения. Совершала поступки, о которых сожалела.

Но теперь она не станет спешить. Ее время – медленное. Пусть течет как хочет.

– Я приеду сюда в июне. – Вероника бросила взгляд в окно, где желтели яблони. – Если хочешь, приезжай и ты.

– Меня не приглашали, – с некоторой растерянностью сказал Лелик.

– Меня тоже.

Она улыбнулась ему так, как будто это сходство – сходство неприглашенных – ее обрадовало.

«Я приеду в июне, – мысленно повторила Вероника, – когда все изменится. Мой бывший муж позвонит мне. Я сниму трубку. Он начнет говорить, что я шлюха, а я буду слушать его и смеяться. Мне нужно состариться и стать равнодушной. Я чувствую зернышко смеха где-то глубоко внутри. Пусть созреет. Когда я сумею рассмеяться, я вернусь сюда».

– В июне так в июне, – сказал по-прежнему ничего не понимающий Лелик.

Вероника молча кивнула ему и вышла, не прощаясь.

«Вот что это сейчас было? – спросил он себя. – Идиот. Надо было хватать ее и целовать. Подумаешь, троюродная сестра! Это вообще не родство! Кретин. Мямля. Восемь месяцев! Чушь, бред!»

А сам уже прикидывал, сможет ли взять две недели в июне, нет, лучше три, и пусть только попробует не приехать.

Через две комнаты от него Юрий подошел к окну, посмотрел на облетающие яблони и внезапно подумал, что боксер тоже отличная порода, особенно если брать из приличного питомника, чтобы психика не испорчена и здоровье не подкачало и чтобы был рыжий, ярко-рыжий, как вон те бархатцы вдоль забора, которые почему-то до сих пор стоят прямо и вызывающе рыжеют своими распушенными помпонами, хотя давно должны были отцвести.

3

Едва Яна открыла дверь квартиры, до нее донесся запах свежей выпечки. Соседка не только ухаживала за цветами, но и купила к ее приезду рогаликов в местной булочной. Яна когда-то вылечила ее карликового шпица, и с тех пор старушка считала себя ее вечной должницей.

«А Вениамин удивлялся, что Юра так никогда и не простил его за бульдога».

Она сбросила куртку, крикнула:

– Я вернулась!

Тишина. Яна в обуви прошла по квартире, обеспокоенно заглянула в ванную.

– Эй! Ты где?

Из кухни, сонно щурясь, вышел большой черный кот с круглой свиной головой.

– Дымчик! – облегченно сказала Яна.

«Девочка!» – сказал кот.

Привстал на задние лапы, передние протянул к ней, и она привычным жестом подхватила старого кота, посадила на плечо. Дымчик растекся вокруг ее шеи меховым воротником.

– Ты потяжелел. Опять раскормили тебя?

Она поставила чайник, проверила почту. Кот лежал, расслабленно свесив лапы. Яна вывернула голову набок и разглядела седые шерстинки между ушей.

– Стареешь, – сказала Яна.

«Скоро уйду», – сказал кот.

– А я взрослею.

«А ты останешься», – сказал кот.

Девушка коснулась черного загривка. На ощупь кот был как лесной

мох, прогретый солнцем.

– Почему мама забрала тебя тогда? Она ведь специально приезжала в Литвиновку месяц спустя после того, как все закончилось.

«Сама у нее спроси», – сказал кот.

– Как она вообще тебя нашла?

«Очень искала», – сказал кот.

– Не понимаю... Девочкам-убийцам не дарят котов!

Яна заварила чай и сбросила со стола клочок шерсти.

«Может, котам дарят девочек? – предположил кот. – Знаешь, вы нам любые годитесь. Даже не самые образцовые».

– Лучше бы это сказала моя мама!

«Она примерно это и сказала».

Яна внимательно посмотрела на кота. Тот приподнял голову и взглянул на нее совиными глазами. С возрастом лимонная желтизна радужки потемнела и ушла в зелень, превратившись в лесное золото. Ее завораживал этот цвет.

– Знаешь, мне тут недавно вспомнилась мечта детства. Я хотела, чтобы у меня жил кот Баюн и рассказывал мне на ночь сказки. Почти так и вышло, представляешь? Забавно – вот существуешь себе потихоньку, а потом обнаруживаешь, что живешь в своей сбывшейся мечте.

Она сняла кота, посадила на кровать, забралась под плед рядом с ним. Пробубнила сонно:

– Рассказывай что-нибудь. Исполни свое предназначение.

Кот вытянулся вдоль ее руки – огромный, теплый, живой.

«Сказку не умею. Разве что правдивую историю».

– А почему раньше не рассказывал?

«Раньше она не была правдивой».

– Черт с тобой, – пробормотала Яна, засыпая. – Давай твою историю.

«Жила-была девочка, – сказал кот, – и она была очень-очень счастлива».

notes

Примечания

Цит. из П.А. Асбьёрнсена «Королевские зайцы»: пер. Н. Вишневской.

См. роман «Алмазный эндшпиль».